

Звезды
НОВОЙ
ФАНТЕЗИИ

СВЕЖО, ОРИГИНАЛЬНО,
КРАЙНЕ ЗАНИМАТЕЛЬНО —
И ВЕЛИКОЛЕПНО ИСПОЛНЕНО.

ДЖОРДЖ МАРТИН

РЕСПУБЛИКА ВОРОВ

СКОТТ ЛИНЧ

Звезды новой фэнтези

СКОТТ ЛИНЧ

Республика воров

«Азбука-Аттикус»

2013

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Линч С.

Республика воров / С. Линч — «Азбука-Аттикус»,
2013 — (Звезды новой фэнтези)

ISBN 978-5-389-12885-9

«Свежо, оригинально, крайне занимательно – и великолепно исполнено» (Джордж Мартин). Приключения Локка Ламоры продолжаются. Чуть не погибнув под занавес того, что должно было стать величайшей аферой Благородных Каналий, Локк и Жан отправились на север, в лихорадочном поиске противоядия от той отравы, которой опоил их архонт Тал-Веррара. И когда подошли к концу как остатки денег, так и надежды на успех, помощь явилась с самой неожиданной стороны – от могущественных вольнонаемных магов Картена. Архидонна Терпение обещает излечить Локка – но при условии, что Благородные Каналии выступят в нехарактерной для них роли политтехнологов. Причем «играть» на картенских выборах им придется против Сабеты – бывшей их боевой подруге и главной любви всей жизни Локка, пропавшей на пять лет... Впервые на русском – очередной роман культового цикла, одна из самых ожидаемых новинок для любителей жанра.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-12885-9

© Линч С., 2013

© Азбука-Аттикус, 2013

Содержание

Пролог	6
Часть I	22
Глава 1	22
Интерлюдия	46
Глава 2	65
Интерлюдия	74
Интермедия I	89
Глава 3	90
Интерлюдия	100
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Скотт Линч

Республика воров

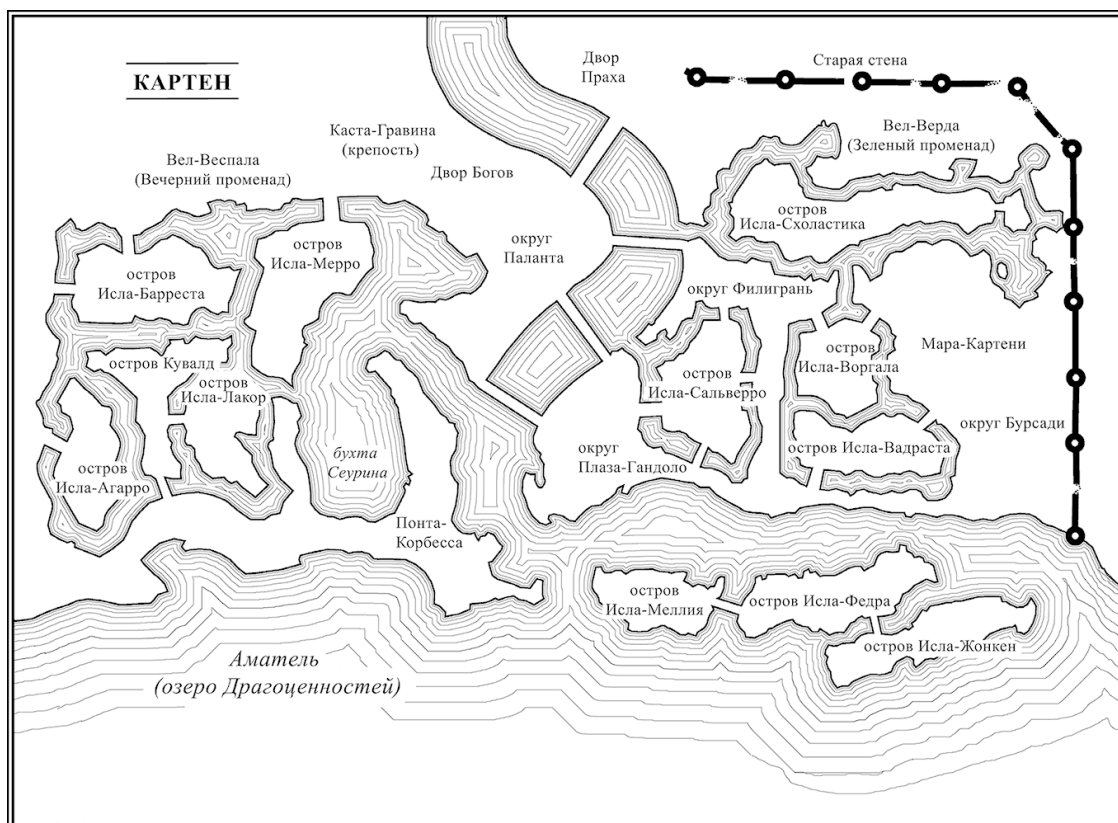
Scott Lynch
THE REPUBLIC OF THIEVES

Copyright © 2013 by Scott Lynch
All rights reserved
First published in 2013 by Gollancz, London

© А. Питчер, перевод, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

* * *

*Посвящается Джейсону Макрэю,
который в свое время сыграл великое множество ролей*

Пролог Пестун

1

Если в сыром подземном лабиринте заброшенного кладбища собрать под начало изувеченного старика пару сотен голодных воришек-сирот, то вскоре окажется, что управлять ими ох как непросто.

Воровскому наставнику, угрюмому владыке сиротского королевства под Сумеречным холмом Каморра, еще хватало сил держать своих чумазых подопечных в узде. Разумеется, старик опасался стихийного неповиновения стаи волчат, движимых естественными порывами, однако продолжал развивать в сиротах звериные инстинкты к выживанию. И все же власть его была непрочна, как размокшая бумага.

Впрочем, в присутствии Воровского наставника – под его цепким взором, замечавшим любой проступок, и в пределах слышимости его голоса – малолетние оборванцы являли собой образец послушания. А вот чтобы держать сирот в страхе даже тогда, когда Воровской наставник напивался вусмерть, спал или уходил в город по делам, следовало выработать у них стойкую привычку к покорности и подчинению.

Из ребятишек постарше и покрепче Воровской наставник сколотил нечто вроде почетного караула; горстке избранных время от времени позволялись некоторые мизерные вольности и даже перепадали жалкие крохи того, что сходило за уважение. Однако же старик прилагал все усилия, чтобы в каждом из его питомцев укоренился глубокий, почти священный ужас перед всемогущим и всеведущим покровителем. За неисполнение приказов полагались суровые наказания, малейшие промахи карались жестоко и беспощадно, а те, кто осмеливался перечить, вообще исчезали бесследно. Их участь ни у кого сомнений не вызывала.

Должным образом уstraшенным избранныкам не оставалось ничего иного, как срывать злость и раздражение на сиротах помладше и послабее, тоже вселяя в них священный страх; а те, в свою очередь, отыгрывались на следующих неудачниках. Таким образом страдания и издевательства, будто нарастающее давление геологических пластов, постепенно докатывались до самых покорных и запуганных малышей.

В сущности, стройная целесообразность этой системы заслуживала всяческого восхищения – разумеется, не со стороны тех, кто оказывался на отшибе, то есть самых маленьких, слабых и одиноких. Для таких отверженных жизнь на Сумеречном холме была сродни беспре-
станным пинкам тяжелых сапог.

Локку Ламоре было то ли пять, то ли шесть, то ли семь лет – точно никто не знал и знать не желал. Малорослый и шуплый мальчишка вел себя более чем странно, и друзей у него не водилось. Даже в смрадной толпе сирот он с необычайной остротой ощущал свое одиночество.

2

Общий сбор на Сумеречном холме – опасное время. В толпе взволнованных оборванцев Локк чувствовал себя как в дремучем лесу, где за каждым стволом притаилась угроза.

В подобных случаях первое правило выживания гласило: не привлекать внимания. Как обычно, по зову Воровского наставника сироты, глухо перешептываясь, потянулись к огромному склепу в сердце Сумеречного холма. Локк опасливо косился по сторонам; он украдкой высматривал главных задир и забияк, ни в коем случае не встречаясь с ними взглядом (за

такую ошибку пришлось бы дорого поплатиться), и незаметно отступал за спины других детей, стараясь держаться на безопасном расстоянии от драчунов.

Если первое правило выживания не срабатывало, как чаще всего и случалось, то, согласно второму правилу, приходилось мириться с неизбежным.

Толпа за спиной Локка расступилась. Он, будто дикий зверь, инстинктивно почувствовал приближение опасности и сжался в ожидании удара. Незамедлительно последовал сильный, резкий толчок в спину, прямо между лопаток. Локка, едва удержавшегося на ногах, впечатало лицом в шершавую стену туннеля.

За спиной послышался знакомый хохот. Грегор Фосс, на два года старше и вдвое тяжелее Локка, был так же недосыгаем, как герцог Каморрский.

– Ламора, ну ты и задохлик! Че, ноги не держат?

Грегор, вжав голову Локка в отсыревшую земляную стену, волоком подтащил его к одной из опор, что поддерживали своды, и пребольно стукнул лбом о деревянный столб.

– Эй, слабак, ты даже таракана не распялишь! Он извернется и тебя в жопу отымеет, как миленького.

Дети поблизости засмеялись – по большей части из страха, дабы их не обвинили в том, что не разделяют общего веселья. Локк, с огромной шишкой на лбу, спотыкаясь и даже не отплевываясь от набившейся в рот грязи, покорился тяжелой руке, хотя внутри кипел от негодования. Грегор для порядка пихнул его еще разок, презрительно фыркнул и, расталкивая толпу, отправился дальше.

Смирись. Не сопротивляйся. Только так, ценой минутного унижения, можно было избежать долгих часов, а то и дней нескончаемых измывательств, ведь синяки и ссадины терпимее переломанных костей или увечий пострашнее.

В подземелье устремился огромный поток сирот – на грандиозном сборище присутствовали почти все обитатели Сумеречного холма. В склепе уже стоял тяжелый, спертый дух. Голова Воровского наставника, сидевшего в кресле с высокой спинкой, едва виднелась над скоплением детей. Его избранники, решительно раздвигая толпу, пробирались на свои обычные места рядом с грозным владыкой. Локк пристроился у дальней стены и вжался в нее спиной, притворившись смутной тенью. Теперь, не опасаясь нападения сзади и поддавшись минутной слабости, он обиженно скривил губы и осторожно ощупал шишку на лбу. Пальцы увлажнила кровь.

Немного погодя поток детей стал ручейком, а потом и вовсе пересох. Воровской наставник многозначительно кашлянул.

Был Покаянный день семьдесят седьмого года Сендовани – традиционный висельный день. Под ярким весенним небом стражники герцога Каморрского, в отличие от тех, кто собрался в темных подземельях Сумеречного холма, увлеченно готовили веревки.

3

– Весьма прискорбно, – изрек Воровской наставник. – Да, весьма прискорбно, что некоторые из наших с вами братьев и сестер угодили в безжалостные объятья герцогского правосудия. А еще печальнее то, что эти недотепы попались в расставленные силки по своему собственному неразумению. Увы и ах! Недаром я вас настоятельно предупреждал и предупреждаю, голубчики мои, что работа у нас деликатная, вот только обыватели относятся к ней предвзято, не ценят как подобает.

Локк осторожно утер грязь с лица. Замызганный рукав рубахи еще больше перемазал и без того чумазую мордашку, но привычное занятие успокаивало. Пока Локк потихоньку приводил себя в относительный порядок, властелин Сумеречного холма продолжал свою речь:

– Горестный сегодня день, дорогие мои. Воистину трагический, вот что я вам скажу. Однако ведь и скисшее молоко не пропадает попусту. Сами знаете, его на сыр пускают. Вот и я о том же глаголю: обратим нашу скорбь себе на пользу. Висельный денек выдался ясный, солнечный, а значит, на казнь соберется толпа ротозеев с увесистыми кошельками у пояса, да об осторожности и позабудут, на бесплатное представление гляючи, верно?

Он шевельнул двумя скрюченными пальцами (давным-давно сломанными и криво сросшимися), показывая, как висельник делает шаг вперед и срывается с края помоста. Пальцы, изображая падение, нелепо задергались. Старшие дети захихикали, где-то в толпе послышались сдавленные всхлипы, но Воровской наставник никого утешать не стал.

– Все вы, по несколько человек, отправитесь сегодня казнь смотреть, – объявил он. – И да вселит это зрелище страх в ваши крохотные сердца, бесценные мои сокровища, и да будет это вам уроком и назиданием. Запомните, вот к чему приводит неосмотрительность, нерешительность и нерасторопность. Чтобы достойно прожить отведенный вам богами срок, надо хватать с умом и бежать опрометью, ног под собой не чуя, как адовы псы за окаянным грешником. Помните ведь, чему я вас учил? «Стянул – беги куда попало». Только так и можно из петли ускользнуть. Вот и поглядите сегодня в последний раз на тех своих приятелей, которые замешкались. А прежде чем домой возвращаться, – продолжил он, понизив голос, – каждый из вас должен свое умение показать. Во что бы то ни стало раздобудьте звонкую монету или побрякушки драгоценные. Кто с пустыми руками вернется, тот с пустым брюхом спать уляжется.

– А че, без денюжки низзя? – удрученно заныл кто-то в толпе.

Локк сразу сообразил, что это Тэм, из новеньких, – ему отвели роль заманухи, самую незначительную в воровской иерархии, но к порядкам Сумеречного холма мальчишка еще не привык. И всхлипывал, наверное, тоже он.

– Тебе, ягненочек мой, можно и без денюжки, – прошелестел Воровской наставник голосом склизким, как заплесневелый бархат, протянул руку в толпу своих питомцев, раздвинул их, будто чахлые колоски, и накрыл скрюченной дланью обриту голову Тэма. – Но если ты, голубчик, работать не желаешь, то и мне без денюжки сидеть придется. Раз уж тебя сегодняшнее восхитительное занятие не привлекает, так тому и быть. Кладбищенской земли на твою долю хватит.

– А может, я на что другое сгожусь? – не унимался Тэм.

– Может, и сгодишься, дружок, – отвечал Воровской наставник, опускаясь на колени и временно исчезая из виду. – Может, и сгодишься. Я б тебе столовое серебро чистить доверил, да вот незадача – серебряным сервизом пока не обзавелся. Так что, раз у меня другой работы для тебя нет, придется эту выполнять, верно? Ты паренек ладный, крепкий, вот только слезы из глаз ручьями хлещут. Голубчик мой, ты чего это расчувствовался? Из-за висельников?

– Так ведь они... они ведь вроде как приятели наши...

– Ну да, приятели, а потому...

– Тэм, ссыкун несчастный, рохля, завязывай нить! Достал уже!

Воровской наставник, стремительно обернувшись, с размаху отвесил хлесткую затрепину; дерзкий наглец, осмелившийся прервать речь благодетеля, повалился на своих собратьев, которые, глумясь, тычками и пинками поставили его на ноги. Локк не смог сдержать довольной ухмылки – на душе потеплело при виде задиры, которому отплатили его же монетой.

– Веслин, а тебе нравится, когда тебя перебивают? – осведомился Воровской наставник якобы дружелюбным тоном, в котором, однако же, сквозила неприкрытая угроза.

– Никак нет, сударь.

– Что ж, весьма приятно обнаружить рядом с собой единомышленника.

– Да-да, конечно, сударь, – с запинкой пролепетал Веслин. – Прошу прощения, сударь.

Лицо Воровского наставника снова расплылось в благожелательной улыбке, за миг до этого истаявшей, как утренняя дымка под лучами солнца.

– Так вот, как я уже говорил, – снова обратился он к Тэму, – весьма прискорбно, что друзьям нашим такая печальная участь уготована. И все же в петле они повиснут не почем зря, а ради нашего же блага. Толпы зевак придут этим зрелищем любоваться, верно? То-то и оно. Неужто ж мы такую счастливую возможность упустим, а? Неужели напоследок ловкость и хитрость свою нашим неудачливым собратьям не покажем? Разве так настоящие друзья поступают?

– Нет, сударь, – промямлил Тэм.

– Вот именно, что нет. Настоящие друзья так не поступают. Вот мы свою дружбу и подтвердим. Проводим их в последний путь честь по чести, верно? Как они в предсмертных судорогах забьются, мы глаз отводить ни за что не станем.

– Да-а-а-а, – робко протянул Тэм. – Как скажете, сударь.

– Вот так и скажу. – Воровской наставник рассеянно похлопал Тэма по плечу. – Ну, ступай. Мастера висельных дел – единственные пунктуальные люди в этом проклятом городе, вешать начинают ровно в полдень. Тем из вас, кто к началу казни запоздает, в десять раз труднее придется, это я вам обещаю. Эй, пестуны! Зовите своих заманух и хватунов, да за новичками присматривайте, воли им не давайте.

Пестуны – дети постарше – стали выкликать имена своих подопечных, и сироты послушно потянулись к ним, а Воровской наставник тем временем отволол Веслина в укромный уголок склепа для задушевной беседы с глазу на глаз.

Локк криво усмехнулся и начал прикидывать, к кому из пестунов он сегодня попадет. Сгорая от нетерпения, он жаждал поскорее выбраться в город: за пределами Сумеречного холма открывался простор для невероятных приключений – там можно было опустошать чужие карманы, облапошивать простофиль и мошенничать направо и налево. Хотя он и понимал, что неумная тяга к воровству делала его изгоем в глазах окружающих, сдерживать свои порывы было для него так же невозможно, как отрастить крылья за спиной.

И все же убогое существование на Сумеречном холме, полное издевок и унижений, немедленно забывалось, едва лишь он с бешено колотящимся сердцем приступал к любимому делу, а потом во весь дух улепетывал, сжимая в кулаке награбленное. За свои то ли пять, то ли шесть, то ли семь лет он твердо уяснил, что на свете нет занятия лучше, чем воровство, и что именно оно и дарует настоящую свободу.

4

– Ты себя тоже наставником и благодетелем возомнил, щенок? Думаешь, у тебя лучше получится?

Переломанные пальцы лишили Воровского наставника цепкости, но руки его оставались по-прежнему крепки, и Веслина он вжал в стену с не меньшей силой, чем плотник, готовый всадить первый гвоздь в новый карниз.

– Или, по-твоему, моим речам не хватает остроумия и мудрости?

– Нет, что вы, ваша милость! Простите! Простите!

– Веслин, сокровище мое, так я ж тебя всегда прощал... – Воровской наставник небрежным жестом откинул полу ветхого сюртука, прикрывавшую рукоять тяжелого мясницкого секача на поясе; лезвие тускло блеснуло в темноте. – Вот и сейчас прощаю. И кое о чем напоминаю. А ты запоминай, хорошенько запоминай. Ну как, все запомнил?

– Ох, сударь, все досконально запомнил. Прошу вас...

– Великолепно. – Воровской наставник, выпустив Веслина, аккуратно поправил полу сюртука. – И радуйся, что эта история окончилась счастливо для нас обоих.

– Премного благодарен, сударь. Еще раз прошу прощения. Понимаете, рохля Тэм все утро ноет и ноет, как проклятый, сил нет терпеть. Он никогда не видел, как людей вешают.

– Все мы когда-то смерть в первый раз видели, – со вздохом сказал Воровской наставник. – Пусть себе ноет, лишь бы кошельки таскал. А вернется с пустыми руками – беда невелика, голод – прекрасный учитель. Как бы там ни было, я его вместе с парочкой трудных сегодня отправлю, под особым присмотром.

– С парочкой трудных?

– Рохле Тэму с Беззубом будет в самый раз...

– О боги, – выдохнул Веслин.

– Да-да, с тем самым Беззубом, у которого в голове одно дерьмо, а ума не хватит в горсть поспать, даже если ему ладони к жопе пришьют. Так вот, Беззуб, Тэм и еще один великий умник.

Воровской наставник многозначительно покосился в дальний угол, где насупленный мальчуган, прислонившись к стене и скрестив руки на груди, смотрел, как остальные сироты разбредаются к своим пестунам.

– Ламора... – прошептал Веслин.

– Говорю ж, под особым присмотром. – Воровской наставник нервно погрыз ноготь на левой руке. – У него талант деньги добывать. Жаль только, что за ним глаз да глаз нужен. Ну, может, со временем образумится.

– Он же чуть полгорода не спалил, сударь!

– Не полгорода, а только Скопище, невелика потеря. Впрочем, наказание за это он стерпел смиренно, без нытья и жалоб. Так что обсуждать здесь больше нечего. Ему нужен хороший пестун, чтоб в узде держал и разгуляться не давал.

Веслин с отвращением поморщился.

– Да не криви рожу-то, я не про тебя речь веду. Вы с Грегором мне для иного надобны. Ежели кто из наших вдруг в переделку попадет, вы внимание на себя отвлекете и нерасторопных неумех прикроете. А если кого заграбастают, немедленно мне доложите.

– Благодарствую, сударь. Вот прямо всей душой.

– А как же иначе. Так, значит, рохля Тэм, недотепа Беззуб и мелкий демон в рваных портках, прямиком из самой глубокой преисподней. Чтобы с этими межеумками справиться, светлая голова нужна, твоей не чета. Сгоняй-ка к домушникам, разбуди кого-нибудь.

– Ой... – Веслин закусил губу. – Так ведь им это не по нраву придется.

Среди обитателей Сумеречного холма домушники занимали особое положение: поднабивавшие в воровском ремесле, они промышляли только после заката – забирались в дома почтенных горожан и крали все подряд. Работой по хозяйству они себя не утруждали, а спать им позволялось целый день.

– А мне-то что за дело? Они сегодня все равно прохлаждаются. Позови кого-нибудь посообразительнее. – Воровской наставник выплюнул отгрызенный полумесяц грязного ногтя, вытер облизанные пальцы о сюртук. – Вот что, приведи-ка мне Сабету.

5

– Ламора!

Наконец-то его окликнули, и не кто-нибудь, а сам Воровской наставник. Локк опасливо пересек утоптанной земляной пол склепа и подошел к старому вору, который шепотом давал указания одному из своих питомцев.

Перед креслом Воровского наставника переминались еще двое: нытик Тэм и Беззуб – туповатый растяпа, оставшийся без зубов из-за постоянных побоев. От дурного предчувствия у Локка захолонуло в груди.

– Вот и славно, все в сборе, наиглавнейшие смельчаки, плутишки и хитрецы. Мне как раз такие сегодня нужны. Пойдете на особое дело, под особым присмотром. Прошу любить и жаловать, ваш пестун, – сказал Воровской наставник, указывая на сироту у кресла.

Тусклое серебристое сияние алхимического фонаря осветило чумазое утомленное лицо под кожаным картузом, нахлобученным на туго повязанную косынку, из-под которой не выбивалось ни одной пряди волос, мешковатую, некогда белую рубаху и потрепанные бурые штаны.

Пестун оказался девчонкой, при виде которой в Локке впервые в жизни шевельнулся какой-то смутный, доселе неведомый ему животный инстинкт. На Сумеречном холме девчонок хватало, но Локк никогда не принимал их в расчет и даже не задумывался об их существовании. А сейчас он шумно втянул в себя воздух и ощутил нервную дрожь и покалывание в кончиках пальцев.

Девчонка была на год старше и на голову выше Локка и, даже усталая, держала себя с тем непосредственным, словно бы врожденным превосходством, которое обычно заставляет любого мальчишку чувствовать себя крошечной букашкой под пятой великана. Впрочем, у Локка не было ни жизненного опыта, ни слов, чтобы описать ситуацию в этих выражениях. Он осознавал лишь одно: при виде этой девчонки он как будто соприкоснулся с некой великой, непостижимой тайной.

Ему хотелось приплясывать от восторга. Его трясло от неимоверного ужаса.

Внезапно его возмутило присутствие Тэма и Беззуба, а смысл, скрытый в слове «пестун», ранил до глубины души. Локку захотелось вытворить что-нибудь эдакое, невероятное, чтобы девчонка прониклась искренним восхищением. Вдобавок щеки горели от стыда – мало того что на лбу шишка, так еще и в спутники дали двух сопливых межеумков!

– Это Бет, – сказал Воровской наставник. – Сегодня ей поручено за вами приглядывать. И все ее приказания должны исполняться неукоснительно, как и мои. О ловкости рук не забывайте, но и ртов не разевайте, хватайте все, что плохо лежит. Да, и ведите себя осмотрительно. Чтобы никаких там *честолюбивых выходов*, ясно вам? – Последнюю фразу он произнес ледяным тоном, пристально глядя на Локка.

– Благодарствую, сударь, – ответила Бет голосом, в котором не сквозило даже намек на благодарность, и подтолкнула Тэма с Беззубом к одному из выходов из склепа. – Подождите нас снаружи, пока мы с вашим дружком парой слов перекинемся.

Локк вздрогнул от неожиданности. Она хочет парой слов перекинуться? С ним? Неужели она догадалась, что он знает толк в уличном ремесле, умеет облапошить простаков-обывателей? Что он совсем не такой, как эта парочка недотеп? Бет огляделась, положила руки Локку на плечи и присела перед ним на корточки. Как только он встретился с ней взглядом, в животе отчаянно затрепыхалась какая-то неведомая зверушка, а из головы тотчас вылетели все накрепко затверженные правила о том, что в глаза смотреть никому нельзя.

А потом...

Потом Локк влюбился, – впрочем, он лишь много позже узнал и о том, как именно называется это чувство, и о том, как сильно оно усложнит ему жизнь.

А она впервые обратилась к нему напрямую. Слова эти неизгладимо запечатлелись в его сердце с такой необычайной ясностью, что ранили даже после того, как многие события детских лет стерлись из памяти.

– Ты – тот самый Ламора?

Он радостно закивал.

– Ну, тогда запоминай, засранец. Я о твоих подвигах наслышана. Значит, так, рот держи на замке, а шаловливые ручонки – в карманах. В своих, а не в чужих, понял? Иначе, клянусь всеми богами, я тебя собственноручно с моста толкну, а все подумают, будто ты сам свалился.

6

Неожиданно он почувствовал себя в полпальца величиной. Ощущение было не из приятных.

Локк ошарашенно плелся за Бет, Тэмом и Беззубом по темным туннелям Сумеречного холма. Наконец дети вышли наружу. От солнечных лучей – впрочем, не только от них – в глазах защипало. Локка охватило смятение: он совершенно не понимал, какой из его проступков – и откуда она о нем узнала? – вызвал такую неприязнь у той самой особы, чьего восхищения ему хотелось заслужить больше всего на свете.

Впрочем, даже унылые мысли, теснившиеся в голове, не могли отвлечь Локка от того, что творилось вокруг, – давал о себе знать инстинкт выживания. Здесь, в непостоянном, изменчивом мире за пределами Сумеречного холма, все чувства пребывали в напряжении. Шум и суэта большого города постепенно оттеснили размышления о Бет в дальние уголки сознания.

Каморрцы наслаждались первым теплым, солнечным днем после затяжных весенних дождей. В домах распахнули окна. Зажиточные горожане сменили непромокаемые плащи и накидки на летние наряды. Бедняки щеголяли вонючими отрепьями, не снимаемыми в любое время года, – им, как и обитателям Сумеречного холма, всю свою одежду приходилось носить на себе, иначе она становилась законной добычей старьевщиков.

Четверо сироток перебрались через канал по мосту, соединяющему Сумеречный холм со Скопищем (Локк глядел на трущобы со смешанным чувством гордости и недоумения – неужели его мелкая проказа действительно могла привести к полному уничтожению целого городского квартала, как уверял Воровской наставник?). По каналу неторопливо скользили три лодки, с которых труполовы, ловко орудуя длинными жердями с крюками на конце, выволакивали из-под причалов раздутые, обезображенные до неузнаваемости тела – в ненастную погоду мертвецы никому не мешали.

Бет повела своих подопечных через Скопище, по каменным ступеням и по шатким деревянным мосткам, держась подальше от темных извилистых закоулков, где находили пристанище пьяницы, бродячие псы, а то и кто пострашнее. Тэм и Локк от нее не отставали, а вот Беззуб еле плелся в хвосте и все время норовил улизнуть. Когда все четверо наконец оказались в заброшенном парковом лабиринте острова Мара-Каморрацца, Бет пришлось тащить Беззуба за шиворот.

– У тебя что, вместо головы чирей? – прошипела она. – Не отставай, кому говорят! Забыл, что было велено? Не дури!

– Дык не дую же ж, – буркнул Беззуб.

– Попробуй только! Живо с пустым брюхом спать отправишься. Или пусть лучше Веслин тебе оставшиеся зубы выбьет?

– Не-а-а. – Беззуб помотал головой, зевнул, изумленно огляделся, словно бы впервые осознав, где находится, а потом вырвался из цепкой хватки Бет и заорал, размахивая руками: – Дай картуз! Да-ай ка-арту-у-з! Картуз хочу-у!

Локк нервно сглотнул: Беззуб часто впадал в истерику, словно в голове у него что-то переклинивало. Среди обитателей Сумеречного холма любая странность привлекала к себе нежелательное внимание старших детей, а поскольку Беззуб ни умом, ни силой не отличался, то побои, синяки и шишки доставались ему с завидной регулярностью.

– Обойдешься! – сказала Бет. – Веди себя прилично.

– Дай картуз! – не унимался Беззуб, топая ногами и сжимая кулаки. – Дашь картуз – буду послушный!

– Фиг тебе, а не картуз. А послушным будешь, потому что я так велю, понял?

Беззуб с неожиданным проворством подскочил к Бет и сдернул с нее картуз. От резкого движения косынка слетела с головы, и по плечам девочки рассыпалась копна золотисто-каштановых кудрей. Локк изумленно разинул рот, будто завороченный блеском локонов в лучах солнца. Вскоре он сообразил, что чары распространились только на него и что ротозейничать сейчас не с руки, однако же успел заметить, что волосы Бет были двуцветными – каштановыми у концов и ярко-рыжими на макушке: похоже, она их когда-то перекрасила, а теперь они отросли.

Быстротой движений Бет намного превосходила Беззуба – он не успел опомниться, как схлопотал по физиономии злосчастным картузом, который неведомым образом вернулся к хозяйке.

– Ай! Ой! – завизжал Беззуб.

Разжалобить Бет ему не удалось. Она снова хлестнула его картузом, да так больно, что мальчишка взвыл и отшатнулся. Локк, спохватившись, всем своим видом изобразил полнейшее равнодушие к происходящему, свойственное всем обитателям Сумеречного холма в тех случаях, когда поблизости кому-то задавали взбучку.

– Ай, не бей меня! Пощади! – зарыдал Беззуб.

– Еще раз на картуз позаришься, осел безмозглый, – зловещим шепотом произнесла Бет, встряхивая Беззуба за шиворот, – клянусь Азой Гийей, исчислительницей смертей, что я тебя прямо к ней в объятья и отправлю.

– Я больше не бу-у-ду! – заныл он.

Презрительно выпустив его ворот, она ловким движением скрыла рыжие кудри под косынкой и нахлобучила картуз. Локк подавил разочарованный вздох.

– Слава богам, что никто не заметил! – Бет подтолкнула Беззуба вперед. – Повезло тебе, гаденыш. Ох и повезло. Ну, пошли быстрее. А вы двое, не отставайте.

Локк с Тэмом безмолвно последовали за ней, будто два испуганных утенка за мамой-уткой.

Локк дрожал от возбуждения. Поначалу он больше всего боялся, что спутники-недоуки нанесут его репутации непоправимый урон, но теперь решил, что их глупость поможет ему произвести на Бет должное впечатление. Да-да, пусть себе ноют, истерики устраивают, домой с пустыми руками возвращаются... может, стражники за ними в погоню бросятся, в свистки засвистят, собак спустят. Нет, Бет такого позора не стерпит, поймет, что рядом есть кто получше. Вот он, например...

7

Выйдя из буйных зарослей Мара-Каморрацца, четверо сирот попали в суматошную толчею.

Висельный денек и впрямь выдался погожим, а потому обычно чинный Старокрепостной остров, вотчина герцогов Каморрских, преобразился в настоящую ярмарку. Шумные толпы заполнили мощеные улочки, так что вооруженным стражникам приходилось силой прокладывать дорогу для карет знати и богачей. Как уже догадывался Локк, жизнь за пределами Сумеречного холма мало чем отличалась от жизни в подземных кладбищенских склепах.

Четверо сирот гуськом протискивались сквозь скопление людей: Локк накрепко вцепился в руку Тэма, а тот до боли сжал пальцы Бет, которая, не желая выпускать из виду Беззуба, толкала его перед собой, как таран. Малый рост не позволял Локку видеть лица взрослых, и мир для него превратился в бесконечную панораму поясных ремней, перевязей, животов различной величины, сюртучных фалд и каретных колес. Бет упорно вела их на запад, к Виа Юстикия – каналу, где вот уже полтысячи лет вешали преступников.

Невысокий парапет огораживал края набережной, а в семи-восьми футах под ним плескалась вода. Древняя кладка крошилась от старости, но камни держали прочно, и Бет решила, что ее подопечным оттуда будет лучше видно. Одной рукой придерживая Беззуба, Бет помогла Локку и Тэму взобраться на парапет. Тэм живо пристроился ей под бочок. Локк, хоть и расстроенный тем, что рядом с Бет сесть не удалось, скандалить не стал, напустил на себя равнодушный вид и деловито огляделся.

С парапета действительно было видно лучше. На берегах канала толпились люди, торговцы в лодках на все лады расхваливали свои товары – хлеб и булочки, колбасы и ветчину, эль и пиво, всевозможные безделушки, – а потом укладывали их в корзинки, привязанные к длинным шестам, и передавали на берег, где покупатели, получив желаемое, опускали в корзинки монеты.

Под ногами горожан шныряли юркие тени – воришки с Сумеречного холма были заняты делом, – а в толпе там и сям мелькали горчично-желтые куртки городских стражников, ярких блюстителей порядка. Смешение этих двух элементов, как в алхимической реакции, неизбежно создавало взрывоопасную ситуацию, но пока все было спокойно: ни залиvistых трелей свистков, ни криков, ни погони.

Движение по Черному мосту перекрыли, красные фонари вдоль каменной арки занавесили черными колпаками, предназначенными для этой цели, а на особом деревянном помосте, пристроенном к мосту с южной стороны, уже собрались священники и герцогские чиновники; туда же стражники вывели преступников, приговоренных к казни. У обеих оконечностей моста стояли на якоре лодки стражников, не пропуская никого под арку моста.

– А когда на дело пойдем? – спросил Беззуб. – Когда кошельки будем тырить? Или кольца, или...

Бет, которая только-только разжала пальцы на запястье Беззуба, снова стиснула его что было сил и зашептала:

– Молчи, поганец ты этакий! Рот закрой и не раскрывай, пока я не скажу. Вот посидим здесь, посмотрим честь по чести, а после повешения делом займемся.

Тэм задрожал и понурился. Локк нетерпеливо вздохнул – жалко, конечно, что воришек с Сумеречного холма повесят, так ведь жалко и того, что их вообще зацапали. А смерть в Каморре поджидает повсюду: в переулках и в подворотнях, в каналах и в тавернах, в пожарах и от морового поветрия, которое целые кварталы выкашивает. Тэм ведь тоже сирота, забыл он, что ли? Для Локка смерть мало чем отличалась от еды или от естественной надобности, и он совершенно искренне не понимал, почему должен горевать о том, что его знакомые вот-вот расстанутся с жизнью.

Подготовка к казни шла своим чередом. На мосту забили барабаны, дробный стук разнесся над водой, под высокой аркой моста заметалось эхо. Веселый гомон толпы сменился перешептываниями, но вскоре стихли и они: к повешению каморрцы питали большее почтение, чем к храмовой службе.

– Добропорядочные жители славного Каморра! Пробыл полдневный час семнадцатого дня месяца тирастима семьдесят седьмого года Сендовани! – прокричал с Черного моста толстопузый герольд в черном одеянии. – Сии дерзкие лиходеи признаны виновными в тяжких нарушениях законов и обычаев славного Каморра. От имени и по повелению его светлости Никованте, герцога Каморрского, и по решению досточтимых верховных судей Красной палаты преступники понесут справедливое наказание за свои бесчинства и злодеяния.

Констебли в алых капюшонах подвели семерых осужденных к самому краю помоста. Тэм испуганно закусил кулаки. Бет приобняла его за плечи, и Локк скрипнул зубами от такой несправедливости. Да что же это такое?! Он ведет себя паинькой, делает все, как велят, а Бет его даже не замечает, и вся ее доброта Тэму достается...

– Ничего страшного, Тэм. Привыкнешь, – негромко сказала Бет. – Слезам воли не давай, а приятелей помяни.

На помосте висельных дел мастера затягивали петли на шеях осужденных. Вережки, отмеренные по росту повешенных, крепились к железным кольцам, ввинченным в помост. Каморр – не Тал-Веррар, а потому никаких хитроумных механизмов на висельном помосте не было; преступников просто сталкивали с края.

Герольд, заглянув в пергаментный свиток, провозгласил:

– Жеревен Тавасты – поджог, скупка краденого по предварительному сговору, нападение на чиновника на службе его светлости! Мелина Контада – изготовление фальшивых денежных знаков и злонамеренное использование обличья, титула и имени его светлости Никованте, герцога Каморрского! Кайо Веспаси – грабеж, преступное лицедейство, поджог и кража лошадей! Лорио Веспаси – скупка краденого по предварительному сговору.

Покончив со взрослыми преступниками, герольд перешел к троем детям. Тэм начал тихонечко всхлипывать.

– Ш-ш-ш! – шикнула на него Бет.

Заметив, что она держится холодно и отстраненно, Локк попытался придать своему лицу то же равнодушное, отрешенное выражение: глаза вот так, подбородок задран, губы плотно сжаты, но не искривлены. Вот сейчас она на него глянет – и кивнет одобрительно...

– Мариабелла, фамилия не установлена! – выкрикнул герольд. – Кража и дерзкое сопротивление властям! Зильда, фамилия не установлена. Кража и дерзкое сопротивление властям.

Висельных дел мастера деловито привязывали к ногам трех сироток груз, дабы обеспечить быстрый и надежный исход казни – истощенные малютки весили слишком мало.

– Ларс, фамилия не установлена! Кража и дерзкое сопротивление властям!

– А Зильда меня не шпыняла, – тоненько всхлипнул Тэм.

– И богам это ведомо, – успокоила его Бет. – Ш-ш-ш, молчи уже.

– Преступления плоти караются умерщвлением плоти, – торжественно возвестил герольд. – И будете вы опущены над бегущей водой и повешены за шею, пока не умрете, а вода унесет ваши неупокоенные души в Железное море, дабы не чинили они никаких бед обитателям земель и прочих владений его светлости Никованте, герцога Каморрского, и дабы их, по истечении должного времени, приняли и рассудили милосердные боги. – Герольд опустил свиток и обернулся к приговоренным. – Да свершится правосудие герцога!

Зловеще зарокотали барабаны. Один из висельных дел мастеров обнажил меч – на случай, если кто-то из преступников удумает сопротивляться. Локк, видевший казни и прежде, хорошо знал, что у приговоренных есть один-единственный шанс достойно встретить смерть.

Казнь свершилась без заминки. Барабанная дробь смолкла. Желтокурточники в алых капюшонах парами подступили к каждому из осужденных и столкнули их с висельного помоста.

Как Локк и предполагал, Тэм испуганно зажмурился, но того, что учудил Беззуб, не ожидал никто. Как только семь сброшенных с моста веревок с громким хлопком дернулись – то ли скрипнула пенька, то ли хрустнули шейные позвонки несчастных, – Беззуб заорал во все горло:

– А-а-а-а! А-а-а-а! А-А-А-А-А!

Крик усиливался, звучал все звонче и дольше. Бет прижала ладонь к губам Беззуба, навалилась на него всем телом. Над водой маятниками раскачивались тела повешенных – четыре больших и три крошечных.

У Локка отчаянно колотилось сердце: чем больше внимания они к себе привлекут, тем труднее будет шарить по карманам зевак. К ним уже оборачивались, на них устремляли встревоженные и любопытные взгляды, укоризненно цокали языками, отпускали презрительные замечания.

– Ш-ш-ш! – прошипела Бет, схватив Беззуба в охапку. – Заткнись, придурок! Молчи, кому говорят!

– Что за шум?!

К ужасу Локка, к ним, раздвигая толпу, решительно шагали два желтокурточника. О боги, только этого не хватало! А вдруг они ищут питомцев Воровского наставника? Вдруг начнут расспрашивать, кто они и откуда? Локк едва не сиганул с парапета в темную воду канала и лишь усилием воли заставил себя остаться на месте.

Бет, все еще прижимавшая ладонь к лицу Беззуба, непонятным образом изогнулась и почтительно склонила голову перед констеблями.

– Мой братец, младшенький, – выдохнула она, – в первый раз повешение видит. Прошу прощения, ваша честь, мы не хотели шум поднимать. Видите, он уже успокоился.

Беззуб трепыхаться перестал, зато начал истерически всхлипывать. Один из желтокурточников, пожилой, с исполосованным шрамами лицом, окинул мальчишку презрительным взглядом и спросил Бет:

– Вы тут без родителей, что ли?

– Нас матушка послала, – ответила она. – Хотела, чтобы мы своими глазами увидели, к чему приводит лень, непослушание и дурная компания.

– Мудрая женщина. Повешение – оно всегда вразумляет. А сама-то она где?

– Матушка наша обычно ни одной казни не пропускает, – сказала Бет и смущенно понизила голос: – Только ей сегодня нездоровится... Животом скорбная, весь день в нужном чулане си...

– Ну тогда конечно, причина уважительная, – хмыкнул констебль. – Да ниспошлют ей боги здоровычка. А вот этого губошлепа в Покаянный день из дому лучше не выпускать.

– Да-да, ваша честь, – с поклоном ответила Бет. – Дома его порка ждет, уж это я вам обещаю, матушка расстарается.

– Вот и ступайте восвояси. Нечего здесь балаган устраивать.

– Уже уходим, ваша честь.

Констебли смешались с толпой. Бет соскользнула с парапета – весьма неуклюже, потому что одной рукой все еще держала Беззуба, а в другую мертвой хваткой вцепился Тэм; хоть он и не орал во время казни, но смертельно побледнел, а в глазах стояли слезы. Локк облизнул губы шершавым языком – от пристальных взглядов желтокурточников во рту пересохло.

– Ну, пошли отсюда, – велела Бет. – Представление окончено, смотреть больше не на что.

8

На обратном пути, пробираясь сквозь лес сюртучных фалд, ног и животов, Локк, чтобы не отстать, с восторгом ухватился за подол рубахи Бет – и не знал, радоваться или огорчаться, сообразив, что она не обращает на это ни малейшего внимания. Бет снова привела их в парк Мара-Каморрацца, где в тени раскидистых деревьев царили тишина и покой, всего в сорока ярдах от шумной толпы. В первом же укромном уголке она тычком усадила Тэма и Беззуба на землю.

– Вы меня на весь Сумеречный холм опозорить решили, межеумки? О боги, если кто из наших это видел, стыда не оберешься.

– Я не хотел, – заныл Беззуб. – Только их... только они ведь померли...

– А ты как думал? Конечно померли. Их затем и повесили, урод несчастный! – Бет ухватила в горсть рубаху на груди, а затем со вздохом сказала: – Ладно, приводите себя в порядок. Время не ждет. Прежде чем на Сумеречный холм возвращаться, каждый из вас должен что-нибудь украсть – кошелек или еще какую цацку.

Беззуб снова зарыдал, повалился наземь и запихнул в рот кулак.

– Да не могу я, – затравленно произнес Тэм. – Вот что хочешь делай, Бет, только я не могу. Меня сразу же поймают.

– Значит, спать тебе сегодня с пустым брюхом, – напомнила Бет.

– А мне все равно, – устало вздохнул он. – Веди меня назад.

– Ну что мне с вами делать?! – Бет потеряла глаза. – Если вы с пустыми руками вернетесь, мне не меньше вашего достанется, ясно вам?

– Так ты ж домушница, – буркнул Тэм. – У вас жизнь легкая...

– Ага, легче не бывает, – вздохнула Бет. – Значит, так, давайте соберитесь с силами и...

– Не могу я! Не могу... не могу...

Локк сообразил, что настал его звездный час. На набережной Бет их всех от беды спасла, а теперь пришло время оказать ей такую же услугу. Локк улыбнулся, представив, как она удивится и обрадуется, выпрямился во весь свой невеликий рост и многозначительно кашлянул.

Бет, словно бы забыв о его присутствии, снова обратилась к Тэму:

– Не ерепенься, недотыка! Чего-нибудь хватанешь, а не хватанешь, так заманишь, товарищам хватать будет сподручнее. Ничего другого я тебе предложить не...

Локк кашлянул еще раз и нерешительно произнес:

– А вот я...

– О боги, тебе чего надо?

– Я могу с ними поделиться, – сказал Локк.

– Чем? – Бет стремительно обернулась к нему. – Что ты там бормочешь?

Локк запустил руку за пазуху и вытащил два кожаных кошелька и почти чистый носовой платок тончайшего шелка.

– Вот, три штуки – по одной на каждого, – пояснил он. – Как и было велено. Теперь можно и домой возвращаться.

– Ты когда успел все это натырить?

– В толпе, по пути, – смущенно признался Локк. – Ты за Беззубом присматривала, вот и не заметила.

– А что, я тебе сказала, что пора карманы щипать?

– Нет. Но ты ведь и не запрещала...

– Ах ты...

– Что ж теперь, возвращать их, что ли? – недовольно буркнул Локк.

– Не дерзи! О боги, теперь и этот губы надул! – воскликнула Бет, присела на корточки и взяла Локка за плечи.

От ее близости Локк непроизвольно затрясся всем телом.

– Что ты? Что с тобой? – встревожилась Бет.

– Ничего, – сказал Локк. – Ничего страшного.

– Ох, тебя не поймешь! – Она покосилась на Тэма и Беззуба. – От вас троих одни несчастья. Двое от работы отлынивают, а третий без приказа на ходу подметки срезает. И что мне с вами делать? – вздохнула Бет и взяла у Локка кошельки и платок.

От прикосновения ее пальцев Локк снова задрожал.

Бет, прищурившись, окинула его внимательным взглядом:

– Ты с утра головой приложился?

– Ага.

– Кто тебя так?

– Я сам. Упал ненароком.

– Ага, сам упал.

– Честное слово!

– Как бы сотрясения не было... Да ты, часом, не заболел? Вон как дрожишь...

– Не-а, я здоров.

– Ну, как скажешь. – Бет закрыла глаза, осторожно потерла веки кончиками пальцев. – Ты молодец, выручил меня сегодня. Хочешь, я... Короче, если к тебе кто пристаёт почем зря, ты мне скажи, не стесняйся.

Локк ошеломленно уставился на нее. Старший предлагал взять его под свою защиту – и не просто старший, а вот эта удивительная девочка-домушница... Невероятно! Наверное, она может справиться с Веслином и Грегором...

Опомнившись, Локк неохотно отвел глаза от пленительного лица. Нет, вместо Веслина и Грегора появятся другие, а его самого станут презирать еще больше – за то, что он помощи запросил. Вдобавок она домушница, а он уличник. Она по ночам работает, а он – днем, потому они до сих пор и не встречались. И как она его защитит? Нет, лучше и дальше жить по правилам: не привлекать к себе внимания и мириться с неизбежным. Как обычно.

– Упал я, и все тут, – сказал он. – Со мной все в порядке.

– Что ж, – вздохнула она и с неожиданной холодностью добавила: – Да ну тебя.

Локк растерянно уставился на нее, пытаясь найти слова, которые очаровали бы это непонятное, загадочное создание. Пока он беспомощно открывал и закрывал рот, Бет отвернулась и вздернула Тэма с Беззубом на ноги.

– Ох, даже не верится, – сказала она. – В общем, вам, межеумкам, за сегодняшний ужин придется поджигателя Скопища благодарить. Надеюсь, вам понятно, что нам всем несдобровать, если вы хоть полсловом об этом кому-нибудь обмолвитесь?

– Ага, понятно, – вздохнул Тэм.

– А уж как я разозлюсь, если об этом услышу... – продолжила Бет. – Ни звука, ясно тебе, Беззуб?!

Несчастный мальчуган кивнул и снова затолкал кулак в беззубый рот.

– Ну, пошли на Холм, – вздохнула Бет, поправляя косынку и картуз. – Вашу добычу я сама Наставнику отдам. И запомните накрепко – никому ни слова.

Привычно ухватив Беззуба за шиворот, она направилась к кладбищу. Тэм, измученный, но обрадованный, покорно последовал за ней. Локк плелся в хвосте, перебирая в уме все известные ему уловки из своего пока еще скромного арсенала и лихорадочно стараясь сообразить, в чем именно допустил ошибку – и какую. Что он сделал или сказал не так? Что он неправильно понял? Почему она не рада, что он избавил их всех – а главное, ее! – от крупных неприятностей?

Всю дорогу до Сумеречного холма Бет молчала, а потом, прежде чем Локк сумел найти предлог и заговорить с ней, скрылась в туннелях, ведущих к склепам домушников, куда ему входить не позволялось.

Всю ночь он провел в унынии, не обрадовавшись даже ужину, заработанному своими ловкими пальцами, – злился он не на Бет, а на себя, за то, что чем-то ее обидел.

9

Теперь, когда в жизни Локка, кроме радостей воровства и тягот повседневного существования, возникло еще одно пристрастие, ему стало казаться, что внезапно удлинившиеся дни тянутся как никогда медленно.

Он не расставался с мыслями о Бет. Она являлась ему во сне – волна кудрей, выпроставшись из-под косынки, золотилась под солнечными лучами, которые пробивались сквозь зеленый полог парка Мара-Каморрацца. Во сне кудри почему-то были не крашеными, а ярко-рыжими, от кончиков до самой макушки. После этих волшебных видений он просыпался, охваченный глубоким, отчаянным разочарованием, и лежал в темноте, борясь с загадочными чувствами, которые прежде его не донимали.

Он должен был ее увидеть – любыми способами.

Поначалу он надеялся, что раз уж его в наказание заставили работать с недотепами, то Бет будет постоянно за ним приглядывать. К сожалению, в замыслы Воровского наставника ничего подобного не входило. В конце концов Локк сообразил, что на случайную встречу с Бет надежды не осталось, а значит, придется подсуетиться самому.

К нарушению привычного распорядка он подошел с опаской – это было чревато большими неприятностями, особенно для тех, кто, как Локк, влачил бесправное существование на самой низшей ступени в иерархии Сумеречного холма. И все же он начал бродить по склепам и туннелям огромного подземелья в надежде на встречу с Бет. Над ним глумились и измывались скучающие старшие дети, но Локк покорно сносил насмешки, оскорбления и побои, свято соблюдая оба правила выживания. В его жизни появилась цель, и синяки он воспринимал как награду.

Младшие дети-уличники (то есть практически все) спали вповалку на земляном полу в галерее склепов, по несколько десятков в каждом. Теперь, укладываясь спать, Локк отчаянно перебарывал дремоту и напряженно вслушивался в шорохи и шуршания в туннелях, по которым домушники уходили по своим загадочным ночным делам.

Прежде он всегда устраивался на ночлег в относительной безопасности – либо поближе к середке, либо у стены, – но теперь начал ложиться с краю: хоть это и было рискованно, но позволяло заметить любое движение в туннелях, где каждый осторожный шаг и каждая скользящая тень могли принадлежать ей.

Как он не исхищрялся, особых успехов так и не добился. Пару раз он видел ее за ужином, но она с ним заговаривать не стала и ловко притворилась, что вообще его не замечает. Она все время находилась в окружении своих приятелей-домушников или в компании старших уличников, и Локк хорошо понимал, что, дерзнув обратиться к ней первым, совершил бы непоправимую, последнюю в своей жизни ошибку. Поэтому он ограничился тем, что выслеживал ее, где только мог. Каждое мимолетное появление Бет вызывало в нем восторженные трепыхания то ли в области сердца, то ли в области живота и с лихвой восполняло долгие дни бесплодного ожидания.

В детстве время не течет из прошлого в будущее, а колышется смутным маревом бесконечного настоящего. Дни сменялись неделями, но Локк помнил только краткие счастливые минуты, проведенные рядом с Бет. Он так бережно лелеял в памяти воспоминания об их первой встрече, о том, что она ему сказала и что он ей ответил, что в конце концов ему стало казаться, будто и жизнь его началась в тот самый день.

Той весной погиб Тэм. До Локка дошли слухи, что, мол, недотепа пытался стырить кошелек, за что и получил по голове набалдашником тяжелой трости. Удар проломил ему череп. Обычное дело, ничего особенного. Если найдутся очевидцы, которые подтвердят попытку ограбления, то убийца Тэма отделается легко: ему отрубят мизинец на левой руке, если он правша, и на правой, если он левша. А если свидетелей не окажется, то его повесят, ведь каморрцы не дикари, понимают, что без веской причины детей убивать негоже.

Вскоре погиб и Беззуб, угодив средь бела дня под колеса тяжелогруженной телеги. Наверное, это к лучшему, решил Локк. Беззуб и Тэм так и не приспособились к жизни на Сумеречном холме; может быть, боги подыскали им местечко получше. Впрочем, Локк особо не горевал – его занимало совсем другое.

Спустя несколько дней после смерти Беззуба Локк отправился на Северную заставу, славившуюся своими торговыми рядами, и под холодным дождем долго высматривал, какую из богатых лавок лучше грабануть. Ближе к вечеру он вернулся на Сумеречный холм, страхнул дождевые капли с накидки – вонючего куска плохо выдубленной кожи, что по ночам служил ему одеялом – и, как водится, пошел к старшим, которые, под чутким руководством Грегора и Веслина, ежедневно отбирали у малышей награбленное.

Обычно старшие развлекались тем, что глумились над младшими детьми, но сегодня их занимало другое. До Локка, покорно дожидавшегося своей очереди, долетали неразборчивые обрывки разговора.

– ...он прям весь извелся... еще бы, такую добытчицу потерять...

– Ага. Только она уж слишком много о себе воображала...

– Домушники – они все такие, любят важность на себя напускать, вечно хорохорятся. Ничего, теперь-то носы задираТЬ перестанут. Мы все одно под смертью ходим – что уличники, что домушники. Разок зазевался – и все, хана.

– Хреновый месяц выдался – то одному недотепе голову размозжили, то другой под колеса попал, а теперь вот она...

Локк похолодел.

– Кто?

Веслин умолк на полуслове и окинул Локка недоуменным взглядом, будто удивляясь, что младшие уличники обрели дар речи.

– Что – кто, говноед?

– Ты про кого говоришь?

– Не твое дело, ссыкун!

– КТО? – Локк непроизвольно сжал кулаки и с бешено колотящимся сердцем выкрикнул еще раз: – КТО?!

Небрежным пинком Веслин повалил его на пол. Локк видел, как сгибается нога в тяжелом сапоге, как неумолимо приближается к его лицу, но словно окаменел. Пол и потолок поменились местами, в глазах потемнело. Наконец зрение вернулось к Локку. Он лежал навзничь, тяжелый сапог Веслина давил ему на грудь, по глотке скользила теплая, вязкая струйка крови с привкусом меди.

– Не, ну че за борзота, а? – беззлобно осведомился Веслин.

– А фиг его знает... Мозги ему отшибли, что ли, – равнодушно ответил Грегор.

– Прошу вас, скажите... – простонал Локк.

– Чего тебе надо, недоносок? Ишь ты, знать ему захотелось! – Веслин придавил Локка коленом, обшарил его рубаху и штаны, вытащил Локкову добычу – два кошелька, серебряное ожерелье, носовой платок и деревянные коробочки с джерештийскими притираниями. – Грегор, а я чего-то не припомню, чтобы Ламора сегодня чем-то разжился.

– Ага, и я тоже, – согласно кивнул Грегор.

– Вот досада-то... Ну что, ссыкун, будешь за ужином свое дерьмо хлебать.

Старшие дети загоготали. Локк, как обычно, оставив насмешки без внимания, попытался приподняться с земли, но Веслин наступил ему на шею.

– Да скажите же, что случилось, – выдохнул Локк.

– А тебе зачем?

– Прошу вас, скажите, пожалуйста...

– Ну, раз ты такой вежливый, так и быть, расскажем. – Веслин сгреб отобранное добро в грязную холщовую суму. – Домушники облажались.

– Ага, причем по-крупному, – добавил Грегор. – Хотели особняк обнести, да их загребли. Ноги унесли не все. Одна так вообще в канал свалилась.

– Кто?

– Бет. Говорят, там и потонула.

– Врешь, – прошептал Локк и заорал во все горло: – ВРЕШЬ!

Веслин лениво пнул его в живот. Локк скрючился и, задыхаясь, выдавил из себя:

– А кто говорит? Кто...

– Я тебе говорю, не слышишь, что ли?

– А тебе кто сказал?

– Мне герцог письмо прислал, там все прописано, придурок! О боги, да Наставник мне сказал, вот кто. Бет вчера ночью утопла, ее уж не вернуть. А ты че, на нее запал, да? Вот умора! Не, я с тебя тащусь!

– Да пошел ты! – просипел Локк.

Веслин снова пнул его в живот, на этот раз изо всех сил.

– Грегор, мне одному с ним не справиться. Он на всю башку отмороженный, забыл, как с нами разговаривать полагается.

– Так я ж тебе завсегда помогу! – с готовностью откликнулся Грегор и саданул Локка между ног.

Из раскрытого рта Локка вырвался сухой хрип.

– Вот сейчас мы этому говнюку напомним, кто здесь главный, – ухмыльнулся Веслин.

Приятеля избивали Локка долго и смачно.

– Ну что, Ламора, нравится тебе? Теперь-то ты свое место надолго запомнишь.

Локк уцелел лишь потому, что Воровской наставник строго-настрога запретил смертоубийство. Грегор и Веслин вовремя вспомнили, чем грозит обернуться их невинное развлечение, иначе смолотили бы Локка в труху.

Способность двигаться – а значит, и воровать – вернулась к нему только два дня спустя. Все это время он провел в полузабытьи, без еды и питья; друзей у него не было, и ухаживать за ним никто не собирался. Однако ни выздоровление, ни любимое ремесло больше не доставляли ему никакого удовольствия.

Жизнь на Сумеречном холме шла своим чередом. Локк снова прятался по углам, стараясь не попадаться на глаза, покорно сносил издевательства и оскорбления, неукоснительно соблюдал первое и второе правила выживания – и снова с необычайной остротой ощущал свое одиночество.

Часть I

Ее тень

*Я не могу сказать тебе сейчас,
Когда порывы воющего ветра
Устанут гнать меня
И в шепот перейдут, –
Быть может, я тогда тебе скажу –
Когда-нибудь потом.*

Карл Сэндберг. Великая охота¹

Глава 1

Хуже некуда

1

Солнечные лучи робко коснулись сомкнутых век, отгоняя сон. Назойливая яркость не отступала, заставляла дремотно моргать. В открытое окно струился теплый воздух, напитанный запахом озерной воды. Не Каморр. Волны с тихим плеском накатывали на песчаный берег. И вовсе даже не Каморр.

Простыни спутались, в голове туман. Нёбо пересохло, скукожилось сухой шкуркой. Спекшиеся, растрескавшиеся губы слиплись.

– Ну что ты... – просипел он.

– Ш-ш-ш! Прости, я не хотел тебя будить. Надо было комнату проветрить.

Темное пятно слева, ростом и размером с Жана, сдвинулось с места. Скрипнули половицы под ногой, зашелестела ткань, щелкнул замочек кошелька, звякнули монеты. Локк поднялся на локтях, ожидая очередного приступа головокружения, – голова послушно закружилась, будто по расписанию.

– Мне сон про нее снился, – пробормотал он. – Про то, как... как мы в первый раз встретились.

– Про нее?

– Ага, про нее. Ну, ты знаешь, про кого.

– Ах, ну да, небезызвестная она.

Жан присел у края кровати, протянул чашку воды. Локк взял ее дрожащей левой рукой и благодарно пригубил. Мир медленно обретал привычные очертания.

– Сон был такой яркий, – вздохнул Локк. – Все как настоящее. Я хотел до нее дотронуться, прощения попросить...

– И это все? Ну ты даешь! Если в таком сне женщина привидится, надо не прощения просить, а...

– Ну это не в моей власти...

– А в чьей? Сон же твой – вот и делай в нем что хочешь.

¹ Здесь и далее цитаты из стихотворения К. Сэндберга «Великая охота» в переводе А. А. Васильевой.

- Так я же совсем маленький тогда был...
 - Если еще раз приснится, перескочи лет на десять-пятнадцать вперед. В следующий раз проснешься – будешь краснеть и заикаться, понял?
 - Куда это ты собрался?
 - Да так, прогуляюсь.
 - Жан, не истязай себя. Знаешь же, что все без толку.
 - Ну что – все? – Жан отобрал у него пустую чашку.
 - Нет, не все. Я...
 - Я скоро вернусь. – Жан оставил чашку на столе, машинально одернул камзол и направился к двери. – А ты пока отдохни.
 - Ты что, разумных советов слушать не собираешься?
 - Помнишь, что говорят о подражании и лести? То-то и оно.
- Дверь бесшумно закрылась, выпустив Жана на улицы Лашена.

2

За Лашеном прочно укрепились слава города, где все покупается – и где можно избавиться от всего, чего угодно. По милости *регио* – высшей и самой малочисленной аристократической прослойки (истинной знатью здесь считались титулованные особы по меньшей мере в третьем поколении) – любой обладатель внушительного кошелька, пусть даже и не в самом трезвом уме и твердой памяти, за четко определенную мзду мог придать своей крови требуемый оттенок голубизны.

Со всех концов Терина сюда стекались негоцианты и преступники, наемники и пираты, завзятые игроки, искатели приключений и изгнанники. В кокон счетной палаты они входили простолюдинами, там избавлялись от огромного количества драгоценного металла и появлялись на свет новоиспеченными лашенскими аристократами. Регио присваивало титулы баронов, баронов, виконтов, графов и даже маркизов, при этом родовые имена новотитулованные особы изобретали сами. Дополнительные чины и звания выбирались из особых списков, за отдельную плату; большим спросом пользовался «Защитник двенадцатой веры». Существовала и горстка рыцарских орденов, по большей части бесполезных, но их знаки отличия служили великолепным украшением камзола и мундира.

Свежеоблагороженные особы из всех сил наслаждались стремительно приобретенной респектабельностью, а потому Лашен славился еще и невероятной строгостью чрезмерно сложного этикета. Новехонькие аристократы не могли опереться на многовековые традиции, внушающие незыблемую уверенность в своем превосходстве, а потому во всем полагались на церемонное обращение. Сложные правила старшинства напоминали запутанные алхимические формулы, а балы и приемы ежегодно уносили больше жизней, чем моровые поветрия, болезни и несчастные случаи, вместе взятые. Похоже, новоявленной знати доставляло несказанное удовольствие отстаивать новообретенные фамильные честь и достоинство (пусть даже и с риском для брэнной плоти) по любому, самому незначительному поводу.

По слухам, один из таких новичков установил своеобразный рекорд: путь от счетной палаты к дуэльной лужайке – и далее на кладбище – занял у него всего три дня. Разумеется, регио не возвращало родственникам покойного денег, затраченных на покупку титула.

Вся эта бессмысленная возня весьма усложняла жизнь нетитулованных, но состоятельных особ. В частности, получить консультацию у лучших врачей города было практически невозможно – они служили неизменным статусным атрибутом лашенских аристократов, а потому не испытывали ни малейшей нужды в деньгах и не искали иных источников дохода.

Дыхание осени уже ощущалось в свежем ветре, что веял с Амателя, иначе называемого озером Драгоценностей, – пресного моря, простиравшегося до самого северного горизонта. По

местным меркам Жан был одет скромно: в камзол коричневого бархата и шелковую сорочку, стоившие не более трехмесячного заработка преуспевающего торговца. Наряд красноречиво свидетельствовал о том, что его обладатель служит камердинером; самого Жана это вполне устраивало – важным господам не пристало околачиваться под дверью у лекаря, пусть даже и знаменитого.

Магистр Эркемар Зодешти слыл лучшим врачевателем в Лашене и с одинаковой ловкостью управлялся и с костной пилой, и с алхимическим тиглем. А еще он три дня подряд не обращал внимания на настоятельные просьбы Жана о консультации.

Вот и сегодня Жан снова подошел к решетчатой калитке на задворках особняка магистра Зодешти. Из-за витой кованой ограды на назойливого просителя презрительно взирал дряхлый лакей. Как и в каждый из трех прошедших дней, Жан держал в руках пухлый пергаментный конверт и белую визитную карточку.

Лакей безмолвно потянулся сквозь решетку и взял конверт и карточку. Конверт с традиционным подношением (в виде чрезмерного количества серебряных монет) моментально исчез в складках ливреи. Лакей прочел – или притворился, что прочел, – надпись на визитной карточке, изогнул бровь и ушел.

Надпись на карточке изо дня в день повторялась: «*Contempla va cora frata eminenza*», что на старотеринском (ради вящей изысканности и церемонности) означало: «Соблаговолите оказать содействие благородному другу». Изошренная куртуазность позволяла не упоминать имени аристократа, а само послание подразумевало, что некий влиятельный и родовитый господин желает, оставаясь неизвестным, прибегнуть к услугам лекаря для кого-то из своих друзей или близких – чаще всего для любовницы, оказавшейся в интересном положении.

Долгие минуты ожидания Жан проводил, изучая дом досточтимого магистра. Прочное каменное сооружение, размером с небольшой особняк на одном из островов Альсегранте, где жила каморрская знать, было построено в веррарском стиле, призванном подчеркнуть важность и значимость его обитателей. Крыша была выложена сверкающей обсидиановой черепицей, а оконные наличники украшала замысловатая резьба, больше приличествующая храму.

Из глубин сада, отгороженного от улицы высокой – в полтора человеческих роста – каменной стеной, доносились веселые голоса, мелодичный звон бокалов и взрывы смеха под аккомпанемент девятиструнного виола и еще каких-то музыкальных инструментов.

– С прискорбием уведомляю, что досточтимый магистр, к его великому сожалению, не располагает временем для удовлетворения просьбы вашего господина, – церемонно возвестил лакей, вернувшийся к калитке.

Конверт с традиционным приношением, разумеется, исчез бесследно – трудно сказать, в карманах лекаря или лакея.

– Простите, а не подскажете ли вы, когда досточтимому магистру будет удобнее выслушать просьбу моего господина? Судя по всему, середина дня – не совсем подходящее время, – решил уточнить Жан.

– Не могу сказать, – лениво процедил лакей и сладко зевнул. – Магистр проводит важные исследования.

Из сада послышались громкие аплодисменты.

– Ах, важные исследования?! – возмущился Жан. – Моему господину необходим искусный и благонадежный врачеватель, способный исцелить весьма необычный недуг...

– Репутация магистра Зодешти безупречна, и его исключительная благонадежность сомнений не вызывает, – ответил лакей. – Однако же в настоящее время его искусные услуги востребованы многими, а потому...

– Ох, ради всех богов, болван! Да пойми же, дело очень важное! – не выдержал Жан.

– Сударь, такого вульгарного обращения я не потерплю. Счастливого оставаться.

Жан хотел было запустить руку сквозь решетку и схватить старика за горло, но вовремя сообразил, что добром это не кончится. Кожаного доспеха он не надел, а изысканные башмаки в драке были хуже босых ног. Даже два топорика, спрятанные под камзолом, вряд ли помогут ему справиться со всеми гостями в саду.

– Досточтимый магистр рискует нанести оскорбление весьма знатному господину, – угрожающе взревел Жан.

– Не рискует, а открытым текстом оскорбляет, простая вы душа, – хихикнул старик. – По правде сказать, магистру глубоко безразличны просьбы, которые доставляют подобным образом. Среди местных ясновельможных господ нет ни одного, кто до такой степени не знаком с привычками магистра, что не осмелился бы обратиться к нему за помощью с парадного крыльца.

– Завтра я снова приду, – сквозь зубы процедил Жан. – Возможно, сумма, предлагаемая за услуги досточтимого магистра, поколеблет его глубокое безразличие.

– Ваша настойчивость, в отличие от вашей сообразительности, заслуживает всяческих похвал. Что ж, продолжайте исполнять повеления вашего господина. Засим, как я уже сказал, счастливо оставаться.

– И вам не скучать, – буркнул Жан. – Да не минует благословение богов сию обитель доброты и милосердия. – Он отвесил скованный поклон и ушел.

Увы, в этом паршивом городишке конверты, битком набитые деньгами, не соблазнили никого.

Возвращаясь к нанятому экипажу, Жан в тысячный раз проклинал Максилана Страгоса. Ну почему среди миллиона лживых уверений и обещаний этого ублюдка правдивым оказалось одно-единственное – обещание мучительной смерти от неведомого яда?

3

В Лашене приятели поселились в апартаментах гостиного двора «Вилла Сувела» – скромного, но содержавшегося в образцовой чистоте; здесь останавливались путники, приезжавшие искать спасения на водах Аматаля. По слухам, воды озера чудесным образом исцеляли ревматизм и боль в суставах, но Жан пока не замечал, чтобы купальщики толпой выскакивали на берег и тут же пускались в пляс. «Вилла Сувела» стояла на северо-восточном берегу, усыпанном черным песком; постояльцы гостиного двора держались наособицу и ни с кем знакомств не искали.

– Сволочь! – сказал Жан, открывая дверь в спальню. – Безродный лашенский подонок! Алчное отродье, ублюдочный отпрыск вонючей ночной вазы и смрадных кишечных ветров!

– Со свойственной мне несравненной проницательностью я усматриваю в этих изысканных замечаниях тонкий намек на то, что вы, друг мой, чем-то расстроены, – заметил Локк; он по-прежнему лежал в постели, хотя и не спал.

– Очередной от ворот поворот. Зодешти снова отказал. Во всяком случае, сегодня отказал, – со вздохом признался Жан, чуть поморщившись: окно в спальне оставалось открытым, но в комнате все так же воняло застарелым потом и свежей кровью.

– Вот пусть и катится в преисподнюю! – буркнул Локк.

– Он единственный из врачей, с кем мне не удастся поговорить. Ко всем остальным я пробился, хоть и с трудом, а к этому...

– Знаешь, к нам уже являлись все местные чудодеи, гордо именующие себя целителями только потому, что научились пациентам в горло микстуры вливать да пилюли запихивать. И каждый меня осматривал, ощупывал и кровь пускал! Еще от одного все равно никакого толку не будет.

– Нет, этот – самый лучший! – Жан, набросив камзол на спинку стула, выложил на стол топорики и достал из комода бутылку синего вина. – Говорят, он непревзойденный алхимик, хоть и весьма самодовольный крысодрал.

– А может, это и к лучшему? Что о нас подумают в высшем свете, когда узнают, что я обратился к услугам человека, который грызунов насильничает?

– Без его советов нам не обойтись.

– Знаешь, мне надоело быть диковинным курьезом для врачей, – вздохнул Локк. – Не хочет приходить – ну и пусть.

– Завтра я его снова навещу. – Жан плеснул темно-синее вино в бокалы и разбавил его водой до очаровательного небесно-голубого цвета. – Он у меня не отвертится. Я этого кичливого мудозвона сюда приволоку, тушкой или чучелом.

– Да? А если он снова откажется, что тогда? Ты ему пальцы по одному переломаешь? То-то будет весело, если выяснится, что мне надо что-то удалить.

– А вдруг он какое-нибудь средство отыщет?

– Ох, ради всех богов! – раздраженно выдохнул Локк и надсадно закашлялся. – Нет никакого средства.

– Вот увидишь, завтра я обрету необычайные способности к убеждению.

– Насколько я понимаю, мы потратили всего горсть золотых, чтобы удостовериться в собственной незначительности. Обычно такое глубокое презрение великосветского общества обходится гораздо дороже.

– Ох, наверняка где-то существует хворь, вызывающая в страдальцах послушание, благоугождение и кротость, – проворчал Жан. – Я не оставляю надежды, что в один прекрасный день этот великолепный недуг поразит и тебя, причем в особо тяжелой форме.

– Я больше чем уверен, что к подобной хвори совершенно невосприимчив. Кстати, о благоугождении... Надеюсь, что этот бокал соблаговолит угодить мне в руки прежде, чем истечет год.

Судя по всему, Локк пребывал в ясном уме и здоровой памяти, однако слова выговаривал нечетко, а голос его звучал слабее прежнего. Жан нерешительно подошел к кровати и с опаской протянул другу бокал, словно подношение неведомому грозному божеству.

Локк снова донельзя исхудал, щеки покрывала мертвенная бледность и отросшая щетина, но в этот раз на теле не было ни переломов, ни зияющих ран, требующих срочного ухода. Коварное зелье Максилана Страгоса незримо вершило свое злое дело. Простыни взмокли и потемнели от крови и пота, под ввалившимися глазами Локка чернели широкие круги.

Еженощное изучение врачебных трактатов не помогло Жану выяснить, что именно происходит с приятелем. Что-то медленно и неумолимо разъедало Локка изнутри, истончало жилы и плоть. Действие загадочной отравы отличалось демонической непредсказуемостью: кровь неумолимо покидала тело, однако происходило это с необъяснимым непостоянством – алые струи то хлестали изо рта, то сочились из глаз, то текли из носа.

– О боги, что это?! – ошеломленно прошептал Жан, глядя, как Локк тянет руку к бокалу. Кончики пальцев на левой руке словно бы окунули в чашу с кровью.

– Да ничего особенного, – хмыкнул Локк. – Пока тебя не было, вот из-под ногтей выступила. Ты не волнуйся, я в другую руку бокал возьму.

– И вот это ты хотел от меня скрыть? От меня? А кто тебе постельное белье меняет?!

Жан отставил бокалы и подошел к окну, где на столике высились стопки льняных полотенец, стоял кувшин с водой и умывальная миска. Вода в миске побурела от крови.

– Так ведь не больно же, – пробормотал Локк.

Жан, не удостоив его ответом, выплеснул бурю жижу за окно, во внутренний дворик, по счастью пустынный, а потом, наполнив миску свежей водой, окунул в нее полотенце.

– Дай руку, – велел он.

Локк неохотно протянул руку, и Жан обмотал ему пальцы влажной тканью, на которой тут же проступили алые пятна.

– Руку держи на весу, – сказал Жан.

– Ну да, выглядит устрашающе, но крови-то не так уж и много.

– Да в тебе и без того крови не хватает.

– Вина мне тоже не хватает.

Жан осторожно передал ему бокал, с удовлетворением отметив, что правая рука Локка почти не дрожит, – с недавних пор пальцы его плохо слушались.

– Что ж, выпьем за алхимиков, – провозгласил Локк. – Да просрутся они огнем смердящим! – Он пригубил вино. – Или задохнутся в мягких постельках. В общем, как получится. Я не привередлив.

Следующий глоток вызвал приступ кашля. Алая капля скользнула в бокал, расплываясь пурпурным облачком в небесной синеве вина.

– О боги, – вздохнул Жан и опустошил свой бокал. – Я схожу за Малькором.

– Да не нужен мне этот собачий лекарь! Он уже раз семь приходил, и все без толку. Зачем...

– А вдруг что-нибудь изменилось? А вдруг на этот раз что-нибудь поможет? – Жан схватил камзол. – А вдруг он кровотечение остановит? А вдруг он...

– Да не будет никакого вдруг! Ничего он не сделает, Жан! Противоядия никому не отыскать – ни Малькору, ни Кепире, ни твоему хваленному Зодешти. Все лекари в этом вонючем городе – коновалы и шарлатаны, только и умеют, что чирьи вскрывать.

– Я скоро вернусь.

– Жан, да не трать ты деньги почему зря! – Локк снова закашлялся и едва не выронил бокал. – Неужели в твоей тупой башке мозгов вообще не осталось?! Вот же ж упертый...

– Я скоро вернусь.

– Упертый... упертый... погоди, дай мне выразительное сравнение подобрать... блеснуть язвительным остроумием и убедительным красноречием... Эй, не уходи, язвительное остроумие пропустишь. Тьфу ты!

Дальнейший поток убедительного красноречия Локка Жан оставил за дверью. На далеком горизонте догорали сполохи закатного пламени; серебристо-голубая чаша небес, окаймленная огненно-алой полосой, медленно наполнялась сумеречным пурпуром, словно кровью, расплывающейся в бокале синего вина.

С севера на Аматель надвигалась серая громада низких туч, обещая ненастье. Жана это вполне устраивало.

4

Прошло шесть недель с тех пор, как друзья на сорокафутовой яхте вышли из портового городка Вел-Виращо. Два года, проведенные в Тал-Верраре в попытке провернуть многообещающую аферу, завершились чередой головокружительных приключений и почти полной неудачей – вместо огромного состояния Жану и Локку достались жалкие крохи.

Жан шел по улицам Лашена, рассеянно поглаживая прядь темных кудрявых волос, туго перевитую сыромятным шнуром; с ней он не расставался ни на минуту – в списке его недавних горестных утрат деньги занимали самое последнее место.

Жан с Локком подумывали отправиться на восток, к Тамалеку и Эспаре, или даже вернуться в Каморр, однако знакомые с детства места утратили былую привлекательность, а почти все старые друзья погибли. В конце концов приятели решили податься на запад – точнее, на северо-запад.

Шли они вдоль побережья, потому что их новообретенное мореходное мастерство оставляло желать лучшего. Обогнув по широкой дуге Тал-Веррар, они оставили за бортом обугленные руины Салон-Корбо, не так давно славившего излюбленным местом отдыха пресыщенной знати. Приятели плыли на север, в далекий Балинель, один из кантонов королевства Семи Сущностей. И Жан, и Локк более чем сносно говорили по-вадрански, что позволяло им заняться чем угодно, а при первом же удобном случае кого-нибудь облапошить.

Из Медного моря путь их лежал в устье Кавендрии – широкой и полноводной реки, усмирённой непознанным искусством Древних и вполне пригодной для прохода морских судов. Кавендрия брала начало в Амателе, озере Драгоценностей, на берегах которого стояли два древних города – Картен и Лашен. Именно в Лашене приятели собирались обзавестись титулами, но из-за недостатка средств укротили свои честолюбивые намерения и теперь просто хотели пополнить запасы и отплыть на север, в Балинель.

Коварный яд дал о себе знать в тот самый день, когда яхта вошла в устье Кавендрии.

Поначалу Локк не обращал внимания на легкое головокружение и пелену, время от времени застилавшую глаза. Несколько дней яхта медленно шла вверх по реке. Внезапно у Локка открылось кровотечение из носа, а когда они наконец прибыли в Лашен, то скрывать охватившую его слабость стало невозможно. Как Локк ни упирался, Жан снял апартаменты в гостинном дворе и, вместо того чтобы пополнять припасы, занялся поисками целительных снадобий.

Преступный мир Лашена оказался весьма обширным, хотя и много меньше каморрского. Жан, не гнушаясь подкупа и прочих действенных мер убеждения, посетил местных отравителей, знахарей и черных алхимиков, однако все они удрученно мотали головами, восхищались искусством неведомого мастера и единогласно утверждали, что не в силах ни остановить, ни даже просто замедлить действие этой удивительной отравы. Локку пришлось перепробовать сотни различных слабительных средств, настоев и эликсиров, один другого гаже и дороже, но все они оказались бесполезны.

Жан обзавелся подобающим нарядом и принялся обивать пороги лекарей и магистров врачевания, умоляя оказать срочную помощь «доверенному лицу» некоего важного и состоятельного господина; под этим расплывчатым определением мог скрываться кто угодно – и фаворит, и тайный убийца. Лекари, выражая сочувствие, смешанное с профессиональным любопытством, от лечения воздерживались и чудесного исцеления не обещали, по большей части предлагая болеутоляющие и успокоительные средства. Жан прекрасно понимал, что это означает, но всеобщего пессимизма не разделял, а лишь беспрекословно выплачивал требуемую сумму, выпроваживал за дверь очередного лекаря и отправлялся к следующему по списку.

Деньги быстро исчезали. Вскорости Жан продал яхту (вместе с котенком – залогом удачного плавания), выручив за нее половину стоимости.

А теперь и эти деньги были на исходе. Эркемар Зодешти оставался единственным лекарем в Лашене, который еще не объявил Жану о том, что положение Локка безнадежно.

5

– Ничего нового, – сказал Малькор. – Те же яйца, вид сбоку. Не вижу особых причин для беспокойства. Не падайте духом.

Толстопузый старик с курчавой седой бородой, грозовым облаком клубящейся у щек, был собачьим лекарем, то есть врачевателем-самоучкой, не имеющим разрешения на профессиональную деятельность; от остальных своих собратьев он отличался лишь тем, что потреблял спиртное в умеренных, а не в чрезмерных количествах.

– Ну это навряд ли, – хмыкнул Локк. – Кстати, премного вам благодарен за рукоблудие. Я вполне удовлетворен.

Малькор наложил на кончики Локковых пальцев медовую припарку, загущенную мукой, и аккуратно обмотал каждый палец бинтами, превратив руку в бесполезную пухлую подушечку.

– Ха! Что ж, боги благоволят тому, кто свои беды с усмешкой принимает.

– Беды – занятие скучное. А коли вдрызг напиться не дают, то волей-неволей захохочешь.

– По-вашему, кровотечение – не дурной признак? Хуже ему не стало? – спросил Жан.

– Новое неудобство, только и всего. – Малькор замялся, неуверенно пожал плечами. –

Трудно сказать, чем вызвано отторжение сангвинического гумора. Может быть, имеет смысл повторно исследовать урину...

– Нет уж, если вам понадобилась плошка мочи, то черпайте из своих запасов. Я по приказу ссать умаялся.

– Что ж, как вам будет угодно... – Малькор встал, стариковские суставы закрипели, как ржавые петли. – Обойдемся без мочи. В таком случае я оставлю вам весьма действенное средство, которое принесет вам облегчение часов на двенадцать, а то и на целые сутки и, вполне вероятно, поможет восстановить истощенные запасы гуморальных соков...

– Великолечно, – вздохнул Локк. – Ваше чудодейственное средство опять состоит в основном из толченого мела? А из сахара нельзя? Если честно, то хотелось бы чего-нибудь послаще.

– Эй! Язык-то придержи! – вскинулся Малькор; морщинистые щеки старика побагровели. – Может, я в коллегиях не обучался, но всеми богами клянусь, обманывать больных – не в моих обычаях.

– Да будет вам, успокойтесь! – Локк закашлялся и потер глаза незабинтованной рукой. – Я знаю, вы мне зла не причините, но и пользы от ваших снадобий не будет.

– Через пару часов повязки надо сменить, – обиженно сказал Малькор, натягивая поношенный сюртук, заляпанный подозрительными темными пятнами. – И спиртными напитками не увлекайтесь, вино водой разбавляйте.

– Не волнуйтесь, мой верный друг за мной ухаживает много лучше, чем иная дуэнья за своей непорочной подопечной.

– Прошу прощения, – вздохнул Жан, провожая Малькора к выходу. – Мой приятель становится несносен при малейшем недомогании.

– Ему дня три осталось, не больше, – предупредил старик.

– С чего вы взяли...

– С того и взял. Он слабеет на глазах, кровотечение усиливается, соотношение гуморов непоправимо нарушено. Весьма вероятно, что мочеиспускание также сопровождается выделением крови. Подбадривать его бесполезно – он и сам прекрасно понимает, к чему все идет.

– Но...

– И вы тоже должны это понять.

– Неужели с этим никто не сможет справиться?

– Только боги.

– Ох, если б Зодешти согласился...

– Зодешти? – хохотнул Малькор. – Не тратьте денег попусту. Он признает только два недуга – богатство и знатность. На вашего приятеля он и взглянуть не соизволит.

– И это все? Вам больше нечего предложить?

– Позовите священников, пока он еще в сознании.

Жан с таким отчаянием уставился на старого лекаря, что тот невольно приобнял его за плечи.

– Послушайте, я не знаю, как называется яд, который медленно умерщвляет вашего друга, но вас, молодой человек, убивает надежда.

– Благодарю вас, – процедил Жан, вытряхивая из кошелька горсть серебра. – Если мне и в дальнейшем не обойтись без ваших ценных замечаний...

– За сегодняшний визит мне хватит и одной дувесты, – заявил Малькор. – Я понимаю, вы очень расстроены, но помните, что к моим услугам вы можете обращаться в любое время. Увы, страдания вашего друга лишь усилятся, и его ждет весьма мучительная кончина.

Солнце зашло, в домах и на городских башнях загорались огоньки, сверкая в сгустившемся сумраке. Жан, угрюмо глядя вслед Малькору, изнывал от желания кого-нибудь поколотить.

6

На следующий день, во втором часу пополудни, небо затянули клубящиеся серые тучи, грозившие с минуты на минуту разразиться проливным дождем.

– Добрый день! – сказал Жан, подходя к садовой калитке. – А я к вам все с той же просьбой...

– Какая неожиданность, – ехидно ответил старик.

В саду все так же раздавались веселые голоса, смех и какие-то размеренные шлепки и хлопки, – похоже, что-то швыряли о каменную стену.

– Ну что, я со временем подгадал? Или досточтимый магистр все еще...

– ...занят важными исследованиями. Молодой человек, неужели наша вчерашняя беседа совершенно стерлась из вашей памяти?

– Прошу вас, внимайте моим мольбам, сударь, – с искренней дрожью в голосе начал Жан. – Хороший человек лежит при смерти и отчаянно нуждается в помощи. Ведь в Коллегии досточтимый магистр наверняка приносил клятву врачевателя...

– Его клятвы вас не касаются. И в Лашене, и в Картене, и мало ли еще где хорошие люди лежат при смерти и отчаянно нуждаются в помощи. По-вашему, мой господин должен немедленно седлать коней и отправляться на выручку?

– Я вас умоляю... – простонал Жан, потряхивая новым пухлым конвертом, в котором призывно звенели монетки. – Ради всех богов, передайте досточтимому магистру это послание...

Лакей с презрительной ухмылкой протянул руку за решетку. Жан, отбросив конверт, ухватил старика за шиворот, впечатал в прутья садовой калитки и помахал у него перед носом кулаком, между пальцами которого торчал невесть откуда взявшийся тычковый нож самого что ни на есть устрашающего вида – длиной в ладонь и загнутый, будто коготь.

– Видишь? – прошипел Жан. – У такого ножа одно-единственное применение. Пикнешь или дернешься – кишки фартуком выпущу. Открывай калитку. Ну, кому говорят!

– Ты за это заплатишься! – пролепетал лакей. – С тебя кожу сдерут и в соленой водичке живьем сварят.

– Ага, и будет тебе утешение, – фыркнул Жан, приставив нож к животу старика. – Отпирай, иначе ключи у покойника забирать придется.

Лакей дрожащими руками отомкнул замок. Жан пинком распахнул калитку, снова ухватил старика за шиворот и, повернув спиной к себе, приставил нож к пояснице.

– А теперь веди меня к своему господину. И не дергайся. Объяснишь ему, что весьма состоятельный вельможа отчаянно нуждается в его услугах.

– Досточтимый магистр в саду... А ты... Вы сумасшедший? Близкие друзья моего господина – весьма влиятельные особы...

– Да-да, как же иначе, – хмыкнул Жан и чувствительно уколол старика кончиком ножа. – А ты сейчас сведешь очень близкое знакомство с моим влиятельным другом.

В глубине сада невысокий коренастый мужчина лет тридцати пяти оживленно беседовал с юной красавицей, одетой, как и ее спутник, в свободные панталоны и шелковую сорочку. Толстые кожаные перчатки защищали руки милой парочки. Жан сообразил, что досточтимый магистр и его гостя приятно проводили время за игрой в *пурсаву*, именуемую также «погоня за партнером», – изысканной версией ручного мяча.

– Сударь, сударыня, тысяча извинений, – запинаясь, произнес лакей, подбадриваемый острием Жанова ножа. – Дело очень срочное.

Сам Жан стоял в полушаге от старика, так что ни Зодешти, ни его очаровательная спутница не видели, с помощью чего он проник в сад.

– Да неужели? – лениво процедил Зодешти, тряхнув взмокшей от пота копной черных кудрей; в голосе его слышался великосветский веррарский акцент. – Кто проситель?

– Благородный друг, – ответил Жан. – Сами понимаете, в присутствии посторонних имен называть не принято...

– Ох, ради всех богов, в моем собственном саду я решаю, что принято, а что не принято! Лоран, что это за наглец?! Ты же прекрасно знаешь мои предпочтения. Неужто дело и впрямь важное?

– Очень важное, сударь, – подтвердил старик.

– Что ж, возьмите у него рекомендательные письма, я с ними попозже ознакомлюсь. Пусть зайдет после ужина, я сообщу, возьмусь ли за это дело.

– Нет уж, решение придется принять немедленно. Так будет лучше для всех, – сказал Жан.

– Да что ты себе позволяешь, наглец! Начхать мне на твою срочность! Лоран, выпроводи его...

– Сударь, я вынужден презреть ваш отказ... – любезно отозвался Жан, повалил Лорана на лужайку, а спустя мгновение мощной рукой сдавил горло лекарю и наставил острие ножа на юную красавицу. – Сударыня, если вы намерены звать на помощь, то смерть досточтимого магистра будет на вашей совести.

– Я... вы... – ошарашенно выдохнула она.

– Лепетать лепечите, а вот визжать не советую. А вы, уважаемый... – Жан посильнее сжал горло лекаря, и тот с надрывом втянул в себя воздух. – Похоже, вежливого обращения вы понимать не желаете. Жаль, конечно. Я бы вам щедро заплатил. Увы, придется обучить вас новому, весьма действенному способу вести дела. Надеюсь, у вас имеется обширный набор противоядий и все необходимое для осмотра больного?

– Да-да, – с трудом выдавил Зодешти. – В кабинете.

– В таком случае мы сейчас все неторопливо пройдем в дом... Лоран, а ты чего разлегся? Поднимайся! Магистр, карета и кучер у вас есть?

– Разумеется...

– Тогда пошли. Не волнуйтесь, все будет в полном порядке. А если хоть один из вас рыпнется, то, клянусь всеми богами, я преподам досточтимому магистру урок полевой хирургии.

7

К счастью, Жановы заложники вели себя смирно, и все четверо под изумленными взорами кухарки и поваренка беспрепятственно прошли в кабинет Зодешти. Жан тут же запер дверь кабинета на засов и с улыбкой обернулся к лакею:

– Лоран, а теперь...

Увы, старик не придумал ничего лучшего, как броситься на Жана с кулаками. Жан разочарованно вздохнул и, не желая причинять большого вреда, саданул лакея в челюсть. Верный слуга обмяк и без чувств повалился на пол. Зодешти метнулся к письменному столу и лихо

радочно выдвинул один из ящиков. Жан схватил лекаря за шиворот, отшвырнул на середину комнаты, бросил взгляд в ящик и рассмеялся.

– Вы вот этим обороняться вздумали? Канцелярским ножом? Ох, вы б еще пилочкой для ногтей вооружились! Ладно, присядьте пока. И вы, сударыня. – Жан кивнул на два кресла, стоявшие у дальней стены.

Зодешти и его спутница послушно, как два напавших школяра, заняли указанные места и сидели не шевелясь. Жан сорвал с окна тяжелую штору, разрезал ее на ленты и швырнул их Зодешти.

– Простите, а...

– Видите ли, присутствие вашей очаровательной гостьи несколько осложняет мою задачу, – пояснил Жан и учтиво поклонился девушке. – Не в обиду вам будь сказано, сударыня, с одним заложником справиться не так-то просто, а с двумя – гораздо труднее, чем с одним. Особенно когда заложники к своим ролям непривычные, не знают, как себя вести полагается. Так что придется вам, сударыня, посидеть в уютной кладовой, где вас обязательно найдут – но не сразу, а через некоторое время.

– Что вы себе позволяете?! – возмутилась юная красавица. – Да будет вам известно, мой дядя...

– Время не ждет, сударыня. А нож у меня очень острый, – напомнил Жан. – Итак, когда кто-нибудь из слуг заглянет в кладовую, что он там обнаружит? Ваш хладный труп? Или вы предпочитаете остаться в добром здравии?

– В добром здравии, – пролепетала она.

– Заткните ей рот, магистр, – велел Жан. – И свяжите покрепче по рукам и ногам. Имейте в виду, узлы я лично проверю. А как закончите, сделайте же самое с Лораном.

Пока Зодешти затягивал узлы на руках своей гостьи – судя по всему, их отношения не ограничивались игрой в пурсаву, – Жан сорвал с карниза вторую штору и, разрезая ее на ленты, окинул взглядом застекленные шкафы. На душе у него потеплело при виде полок, уставленных толстыми томами, набором странных хирургических инструментов и множеством стеклянных сосудов с целебными травами и алхимическими порошками. Если способности лекаря под стать его обширной коллекции, то есть надежда, что он поможет Локку.

8

– Приехали, – сказал Жан.

– Микель! – Зодешти выглянул из окна кареты. – Останови.

Карета, прогрохотав по булыжникам мостовой, остановилась. Кучер спрыгнул с облучка и подбежал к дверце. Жан, спрятав нож за широким обшлагом камзола, подтолкнул Зодешти к выходу. Лекарь схватил в охапку кожаный саквояж, сгреб кипу одежды и послушно вышел из кареты.

Тяжелые тучи затянули небо, накрыв город сумрачной пеленой, а моросящий дождь прогнал с улиц редких прохожих – самая что ни на есть распрекрасная погода для похищений, лучшего и желать нельзя.

Карету Жан остановил в двух кварталах от гостиного двора, у неприметной улочки, разделявшейся на десятки извилистых проулков.

– Досточтимый магистр на пару часов задержится. – Жан вручил кучеру сложенный листок пергамента. – Жди нашего возвращения вот по этому адресу.

На листке был записан адрес кофейни в торговом квартале, в полумиле от гостиного двора.

Кучер недоуменно посмотрел на Зодешти:

– Ваша милость, вы же к ужину не поспеете...

- Ничего страшного, Микель, – раздраженно ответил лекарь. – Делай, как велят.
- Слушаюсь, ваша милость.

Как только карета скрылась за поворотом, Жан втолкнул Зодешти в переулок.

- Ну, может, все еще и обойдется. А теперь одевайтесь, и побыстрее.

В кипе одежды оказалась изрядно помятая шляпа и старый плащ Лорана – лакей был одной комплекции со своим господином. Едва Зодешти накинул плащ на плечи, Жан вытащил из кармана обрывок шторы.

- Ох, это еще зачем? – спросил лекарь.

– А вы думали, что я вас прямоком на место отведу? Нет уж, выбирайте – с завязанными глазами или в бессознательном состоянии.

Зодешти без дальнейших возражений позволил завязать себе глаза. Жан натянул ему на голову капюшон плаща, нахлобучил поверх шляпу. Теперь разглядеть повязку на глазах было невозможно – лицо скрывали широкие поля шляпы и тень, отбрасываемая капюшоном.

Из саквояжа Жан извлек бутылку, ранее обнаруженную в кабинете, вытащил пробку из горлышка, щедро sprysнул магистра вином, вылил остатки в канаву и вложил пустую бутылку в правую руку Зодешти. Через миг Жан вдохнул пьянящий аромат и с сожалением осознал, что вылитое вино было невероятно дорогой *камелеоной*.

– Итак, вы – мой подвыпивший приятель, и я заботливо провожаю вас домой. Нет-нет, головы не поднимайте, – предупредил Жан и вручил лекарю саквояж. – А я вас за плечи придержу, чтобы вы ненароком не споткнулись. Вы, главное, о ноже не забывайте, вот он, чувствуете?

- Вариться тебе в котле на медленном огне, сукино отродье!

– А вот матушка моя, святая женщина, здесь совершенно ни при чем. Ну, пошевеливайтесь.

До гостиного двора они добрались спустя десять минут, без особых осложнений – редкие прохожие не обращали внимания на двух подвыпивших гуляк. В апартаментах Жан усадил Зодешти на стул, запер входную дверь на засов и сказал:

– Ну вот, здесь нам никто не помешает. Предупреждаю: если вы попытаетесь сбежать, позвать на помощь или еще как-нибудь поднять тревогу, то я вас покалечу.

- Да слышал я уже ваши угрозы! Лучше скажите, где больной?

- Минуточку...

Жан заглянул в спальню, убедился, что Локк не спит, и подал ему условный сигнал: «Обойдемся без имен».

– Я пока еще в здравом уме, – буркнул Локк. – Ясное дело, что по своей воле он к нам не явился бы.

- С чего ты...

- Ты надел походные сапоги, а не башмаки и вдобавок вооружился до зубов.

Жан хмыкнул, снял повязку с глаз Зодешти и избавил его от плаща и шляпы.

- Прошу вас, приступайте.

Лекарь подхватил саквояж, с ненавистью покосился на Жана, несколько минут пристально разглядывал Локка, а потом подтащил к кровати стул и уселся поудобнее.

- Ух ты, камелеоной пахнет, – заметил Локк. – А на мою долю осталось?

– Увы, ваш приятель по дороге все расплескал. В основном на меня, – сказал Зодешти, пощелкал пальцами перед глазами Локка, проверил пульс на обоих запястьях. – Весьма при-
скорбное состояние. Значит, вы считаете, что вас отравили?

- Нет, – ответил Локк и закашлялся. – Нет, я с лестницы упал. Разуй глаза, болван.

- Слушай, ну хоть раз ты можешь с лекарем вежливо обращаться? – вмешался Жан.

- А кто его похитил? Я, что ли?

– Поскольку выбора у меня нет, – заметил Зодешти, – я осмотрю больного. Приятных ощущений не обещаю и жалоб не приемлю.

Первичный осмотр занял четверть часа. Лекарь, не обращая внимания на протесты Локка, разминал, тыкал и щипал сначала руки, а потом ноги больного.

– Чувствительность в конечностях утрачена, – объявил он чуть погодя.

– И как вы это определили?

– Пару раз вонзил скальпель в большие пальцы ваших ног.

– А зачем меня лишний раз дырывать?!

– Из вас и так кровь ручьями хлещет. Ну, потеряете еще пару капель, ничего страшного. – Зодешти извлек из саквояжа шелковый футляр, достал из него пару очков с толстыми линзами, нацепил их на нос, раздвинул Локку губы и внимательно осмотрел десны.

– Я теге не ошадь... – сказал Локк.

– Помолчите. – Зодешти на несколько секунд прижал к деснам Локка чистый край льняного бинта, потом задумчиво наморщил лоб. – Десны тоже кровоточат. И ногти подстрижены...

– И что с того?

– Надеюсь, вы их стригли в Покаянный день?

– Да не помню я!

– Стрижка ногтей в любой другой день, кроме Покаянного, ослабляет кровеносную систему. Кстати, после того как появились признаки отравления, вы не сообразили принять внутрь аметист?

– А откуда мне было его взять? Я же не знал, что мне аметист понадобится.

– Вы не имеете ни малейшего представления об основных принципах врачевания. Впрочем, меня это не удивляет: судя поговору, вы родом из восточных земель, а все тамошние жители невежественны, как свиньи.

После этого Зодешти осматривал Локка еще час, совершая совсем уже непонятные обряды и запутанные процедуры. Жан встревожился и, заподозрив какой-то подвох в действиях лекаря, ни на миг не спускал с него глаз. Наконец магистр со вздохом вытер окровавленные руки о Локкову простыню и встал со стула.

– Случай действительно любопытный, – заявил Зодешти. – Должен признать, что впервые в моей практике я сталкиваюсь с ядом, который, к прискорбному сожалению, мне совершенно неизвестен, хотя Теринский коллегий наградил меня перстнем магистра алхими...

– Плевать мне на твои цапки! – не выдержал Жан. – Говори быстрее, как его вылечить?!

– Если бы принять действенные меры сразу же после попадания отравы в организм, то, полагаю, возможно, удалось бы добиться некоторых успехов. А сейчас слишком поздно... – Магистр пожал плечами.

– Ах ты гад! – Жан ухватил Зодешти за грудки, приподнял и стукнул о стену. – Наглый шарлатан! Пустоголовый выскочка! И тебя еще величают лучшим врачевателем Лашена? ДА СДЕЛАЙ ЖЕ ХОТЬ ЧТО-НИБУДЬ!

– Не могу, – твердо произнес лекарь. – Хотите верьте, хотите нет, но в этом случае мое искусство бессильно. А раз уж я не способен его исцелить, то и никто другой с этим не справится.

– Отпусти его, – простонал Локк.

– Должно же быть какое-то средство...

– Отпусти его! – Локк поперхнулся, сплюнул кровь и зашелся кашлем.

Жан оттолкнул Зодешти, и лекарь поспешно отскочил в сторону, злобно глядя на своего мучителя.

– Как я уже сказал, – неохотно начал он, – если бы больной обратился ко мне сразу же после попадания отравы в организм, я бы прописал ему слабительное или молоко с пергаментной кашицей, а также частые кровопускания, чтобы ослабить действие яда, частично выводя

его из тела. Увы, с тех пор прошло слишком много времени. – Зодешти осторожно уложил лекарские инструменты в саквояж. – При отравлении известными науке ядами по истечении определенного срока ущерб, нанесенный внутренним органам и гуморам, становится необратимым. Никакие противоядия не восстановят отмершую плоть. А после отравления неизвестным ядом... Невозможно даже предположить, что именно происходит. Если больной истекает кровью, никто не в силах вернуть ее обратно в тело.

– О боги, – прошептал Жан.

– Надеюсь, всем ясно, что смертельный исход неизбежен. Вопрос заключается лишь в том, когда именно это произойдет, – заявил Зодешти. – Слушай, ты, урод! Хоть меня сюда и против моей воли привели, я свой долг врачевателя выполнил безупречно.

– Понятно, – вздохнул Жан, медленно подошел к столу у окна, взял глиняную чашку и наполнил ее водой из кувшина. – У тебя, кстати, не найдется какого-нибудь снотворного? На случай, если боль и страдания усилятся?

– Есть, конечно, – кивнул Зодешти и вытащил из саквояжа бумажный пакетик. – Вот, раствори в воде или в вине, он моментально уснет крепким сном.

– Погодите-ка... – вмешался Локк.

– Дай сюда! – Жан взял пакетик, высыпал его содержимое в чашку с водой, разболтал на весу. – И сколько продлится сон?

– Несколько часов.

– Отлично! – Жан протянул чашку Зодешти и взмахнул ножом. – Пей.

– Зачем?!

– Чтоб к констеблям за помощью не рванул, как только я тебя отсюда выведу.

– Да не собираюсь я от тебя сбежать...

– А мне без разницы. Пей, не то руки переломаю.

Зодешти торопливо выпил воду.

– Ничего, я еще повеселюсь, когда тебя поймут, сучье отродье! – сказал он, бросив чашку на кровать, и уселся спиной к стене. – Все лашенские судьи – мои пациенты. Твой приятель так слаб, что с места двинуться не может. Никуда вы не денетесь. Вас обоих схватят, если твой дружок доживет, конечно... его у тебя на глазах четвергуют, а потом и те... бя... казня...

Голова лекаря поникла, и он безмятежно засопел.

– Может, он притворяется? – спросил Локк.

Жан воткнул нож в икру вытянутой правой ноги Зодешти, но лекарь даже не шевельнулся.

– Что ж, хоть и без всякого удовольствия, но придется сказать: «Я же говорил!» – ухмыльнулся Локк, откинувшись на подушки и скрестив руки на груди. – Ой, что это я? С удовольствием, конечно. Кстати, от вина я не откажусь, только водой его не разбавляй...

– Я схожу за Малькором, – вздохнул Жан. – Пусть на ночь с тобой останется. Тебе нужен постоянный уход.

– Тьфу ты! Жан, очнись! – Локк закашлялся, постучал кулаком по груди. – Мы что, ролями поменялись? Помнишь, в Вел-Виращо я жаждал смерти, а ты мне мозги вправил. А теперь я на самом деле умираю, а ты совсем разум потерял.

– Есть еще...

– Жан, хватит уже! Никаких больше магистров, никаких врачевателей, алхимиков и собачьих лекарей. На чудо надеяться бесполезно, ты и так уже горы свернул...

– Да? А ты так и будешь валяться, как снулая рыба на берегу? Покорно и без малейшего сопротивления?

– Ну, я могу потрепыхаться для виду, если тебе так больше нравится.

– Серый король из тебя телячью отбивную сделал, и ничего – ты пришел в себя, как миленький, и даже вдвойне несноснее стал.

– Так он же меня рапирой проткнул, а если колотые раны зеленою не загнивают, то спойненько затягиваются. Закон природы. А вот черная алхимия – совсем другое дело.

– Что ж, вина я тебе налью, только водой на две трети разведу, как Малькор велел. И накормлю хорошенько. Съешь, сколько можешь, сил наберись.

– Ладно, я поем, чтоб вино в пустом желудке не плескалось. Жан, да пойми ты, бесполезно все это. Исцеление мне не грозит.

– В таком случае придется тебе перетерпеть – глядишь, действие яда и прекратится, как лихорадка.

– Боюсь, этот яд меня переживет... – Локк закашлялся, утер рот краешком простыни. – Жан, зря ты этого хорька сюда приволок. Надеюсь, ты понимаешь, что нас теперь ждут крупные неприятности.

– Ну, следы я замел...

– Сам посуди, лицо твое он запомнил. Лашен – город маленький. Слушай, забирай-ка оставшиеся деньги и уноси отсюда ноги, пока цел. Найдешь себе занятие по душе, ты же умный, четыре наречия знаешь. Разбогатеешь, заживешь в свое удовольствие...

– Большой бредит... – Жан присел на край кровати, осторожно отвел взмокшую от пота прядь волос со лба Локка. – Несет какую-то ахинею, ничего не понять.

– Жан, я же тебя знаю. Если тебя разозлить, ты полквартала убьешь и слезинки не проронишь, а вот спящему, который нам зла не причинил, горло ни за что не перережешь. Рано или поздно сюда констебли заявятся. Прошу тебя, исчезни, а?

– Вот не надо было мне противоядие в вино подмешивать. Я за последствия отвечать не собираюсь, ты сам виноват...

– Ничего подобного! Дай тебе волю, ты бы в меня противоядие насильно влил. Просто я тебя опередил, вот и все... О боги, да мы с тобой выясняем отношения, как сварливые супруги! – Локк, закашлявшись, согнулся пополам. – Уж не знаю, чем ты перед богами провинился, что они тебя так сурово покарали. Тебе же со мной нянчиться пришлось, – негромко добавил он. – И не единожды, а дважды.

– Ой, да я как в десять лет с тобой нянчиться начал, так до сих пор и продолжаю. Если тебе какая хрень в голову взбредет, ты целые королевства с карты сотрешь, а вот дорогу в одиночку перейти не сможешь, обязательно под телегу угодишь. Потому тебе нянька и нужна.

– Ну, теперь уж недолго осталось. Конечно, было бы лучше, если б я под телегу угодил...

– Эй, ну-ка, посмотри сюда! – Жан вынул из кармана туго перевязанный локон темных кудрявых волос и тряхнул им перед носом Локка. – Вот это видишь, ублюдок ты эдакий?! Помнишь, чье это? Хватит с меня одной утраты, я больше никого терять не собираюсь. Слышишь?! Не собираюсь, и все тут. И нечего передо мной нюни распускать, на жалость давить. Ты не на сцене, а я тебе не зритель, два медяка не платил, чтобы над твоими героическими предсмертными монологами слезами обливаться. Фиг тебе, а не предсмертный монолог, понятно? Ну выхаркаешь крови бадейку, так я опорожню. Сам знаешь, я сыздетства приучен бадейки таскать. И если бешеным псом завоешь, тоже стерплю. Нет, ты у меня не отвертишься – будешь есть, пить и проклятый яд перебарывать.

Немного помолчав, Локк криво ухмыльнулся и вздохнул:

– Ну раз уж ты такой упертый болван... Помнится, меня кто-то поить обещал. Откупоривай бутылку, придурок.

9

Жан отволол Зодешти в переулок в трех кварталах к западу от гостиного двора, уложил мирно посапывавшего лекаря под стену и хорошенько завалил мусором и его самого, и его

драгоценный саквояж. Когда досточтимый магистр проснется, ему это вряд ли понравится, но тут уж ничего не поделаешь.

За ночь Локку не стало ни лучше, ни хуже – спал он урывками, сделал несколько глотков вина и неохотно сжевал хлебный мякиш и кусочек разваренной говядины. Кровотечение не прекращалось. Жан, уснув за столом, ненароком залил пивом бесполезные трактаты о ядах. В общем, ночь прошла как обычно.

Целые сутки над городом висела пелена дождя. Вечером, когда невидимое солнце клонилось к закату, Жан отправился в город пополнить запасы съестного. В десяти минутах ходьбы от гостиного двора была лавка, где в любое время дня и ночи можно было купить необходимый товар.

Вернувшись, Жан внимательно оглядел входную дверь, но не заметил ничего необычного и, только переступив порог, увидел лужу на полу в прихожей.

На него тут же набросились со всех сторон. Врагов было слишком много, корзинкой с едой и вином от них не отобьешься. Жана свалили с ног. Он отчаянно сопротивлялся, пинал и лягал противников, вслепую саданул кому-то в лицо, ощутив, как под кулаком хрустнул чей-то нос, но добраться до топориков за спиной так и не смог.

– Стоять! – раздался повелительный голос.

Жан приподнял голову. Дверь в спальню была распахнута, кровать Локка окружали какие-то незнакомцы.

– Не троньте его! – завопил Жан.

Четверо мужчин схватили его за руки и отволокли в спальню, где у кровати стояли еще пятеро. Один прижимал полотенце к окровавленному носу.

– Извини, – просипел Локк. – Ты как ушел, так они и заявились...

– Молчать! – приказал главарь – бритоголовый крепыш, чуть постарше Локка и Жана, с расплюснутым носом и многочисленными бойцовскими шрамами на скулах и подбородке; под длинным черным плащом виднелся кожаный доспех. – Леон, ты как там?

Жан запоздало сообразил, что Зодешти, разъяренный дерзким похищением, обратился за помощью не к официальным властям, а к людям пострашнее.

– Од бде дос свобав... – пробубнил Леон сквозь полотенце.

– Ничего, крепче будешь, – небрежно заметил человек в черном плаще.

Он подтащил к себе стул, поглядел на Жана и внезапно пнул его в живот. Жан застонал, согнувшись от боли, а четверо громил, державших его за руки, навалились на него изо всех сил, не давая шевельнуться.

– Пого... погодите, – закашлявшись, начал Локк.

– А тебе было велено молчать, – напомнил человек в черном плаще. – Иначе язык отрежу и к стене приколочу. Заткнись. – Усевшись на стул, он ухмыльнулся. – Меня зовут Кортесса.

– Шептун... – произнес Жан.

Иметь дело с Шептуном Кортессой было гораздо хуже, чем с лашенскими констеблями, – он возглавлял преступный мир Лашена.

– Ну или так, – с улыбкой кивнул Кортесса. – А ты, значит, Андолини.

Жан кивнул – под этим именем он снял апартаменты в гостинном дворе.

– Ага, если это имя – настоящее, то я – король королевства Семи Сущностей, – хмыкнул Кортесса. – Ладно, мне это без разницы. А как по-твоему, что меня к вам привело?

– Наверное, ты всех своих овец отымел и от скуки решил новых приключений на свою жопу поискать.

– Нет, я просто обожаю каморрцев, – беззлобно заметил Кортесса. – Легких путей они не ищут. – Он лениво отвесил Жану пощечину, от которой зашипало в глазах. – Попробуем еще раз. Итак, что меня к вам привело?

– Ты узнал, что мы умеем кривые рожи подправлять?

– Ну, в таком случае ты бы первый этим воспользовался. – Кулак Кортессы впечатался в Жанову скулу с такой силой, что у того в глазах потемнело.

– Я бы с удовольствием твоей кровушкой полы здесь вымыл, да рассиживаться недосуг, – вздохнул Кортесса и поманил к себе одного из своих людей с дубинкой. – Ну, что мне с твоим приятелем сотворить? Коленную чашечку раздробить или пару пальцев отрезать? Возможны варианты. У меня богатое воображение.

– Прошу вас, не трогайте его! – взмолился Жан; если б его не удерживали четверо, он бы распростерся у ног Кортессы. – Вы здесь из-за меня, вот со мной и разбирайтесь. Не тратьте на него время.

– Ах из-за тебя? С чего бы это вдруг?

– Ну, тут без лекаря не обошлось...

– Вот видишь, как все просто, – с улыбкой сказал Кортесса, похрустывая костяшками пальцев. – Объясни-ка, а на что ты надеялся, когда Зодешти отпустил?

– В лучшем случае – на его молчание.

– Ага, размышлялся. Нет-нет, я знаю, что ты из Путных людей, мне про тебя говорили. Как вы только в Лашене объявились, ты вел себя по понятиям, к нужным людям должное уважение проявил. Одного не пойму: с какого перепугу ты решил, что Зодешти к констеблям побежит жаловаться на то, что его, как младенца, вокруг пальца обвели, из дому похитили? Не дотумкал, что у него среди наших людей друзей много?

– Тьфу ты, – сказал Жан.

– То-то и оно. А как я прослышал, что с магистром случилось, так и вспомнил, что какой-то чужак, на тебя похожий, совсем недавно обращался за советом к алхимикам да к собачьим лекарям. Вот они мне и подсказали, где вы с приятелем остановились. – Кортесса, широко улыбаясь, развел руками. – Так что найти вас было легче легкого.

– Чем мне свою вину искупить? – смиренно спросил Жан.

– А ничем, – рассмеялся Кортесса, вставая со стула.

– Прошу вас, оставьте моего приятеля в покое, – умоляюще протянул Жан. – Он в этом деле не замешан. Это я виноват, что хотите, то со мной и делайте. Я противиться не стану. Только...

– Да ты, оказывается, парень покладистый. Значит, противиться не станешь? Конечно не станешь, тебя вон четверо держат.

– Я вам заплачу, деньги у нас есть. Ну или отработаю, как скажете...

– Видишь ли, вся штука в том, что до вас мне и вовсе никакого дела нет, – улыбнулся Кортесса. – Однако же именно это и вызывает у меня весьма серьезные затруднения.

– Почему?

– При обычном раскладе мы бы сейчас тебе яйца вырвали и съесть заставили. Но это при обычном раскладе. А вот вы с приятелем создаете... гм, как бы тут лучше выразиться... ну, скажем, конфликт интересов. С одной стороны, ты – человек посторонний, сдуру обидел лашенца, который с нужными людьми дружен. За это тебя убить полагается, без лишних разговоров. А с другой стороны, ясно, что ты – из каморрских Путных людей. Хоть Барсави и покинул нас раньше времени, да упокоят боги его преступную душонку, но с капями связываться – себе дороже. Вдруг ты чей-то родственник? Мало ли, вдруг через год-другой кто из Каморра в Лашен заявится, начнет выпрашивать да вынюхивать: мол, куда ты подевался, – ну и прознает, что косточки твои на дне озера валяются. Как по-твоему, кому за это расплачиваться придется? Чью голову в Каморр отправят? Нет уж, благодарствуйте, мне моя голова дорога. А значит, убивать вас мне не с руки.

– Ну, деньги у нас есть, мы вам заплатим... – начал Жан.

– Так ведь деньги все равно были ваши, стали наши, – улыбнулся Кортесса. – Да и дружок твой, судя по всему, на последнем издыхании... скоро отмучается.

– Прошу вас, оставьте его в покое. Ему отдых нужен...

– Вот именно. Поэтому я и приказываю вам из Лашена убраться. Немедленно. – Кортесса махнул своим людям. – Выносите отсюда все шмотки. Все забирайте – съестное, вино, одеяла, бинты, деньги, дрова из камина, воду из кувшина. Хозяина предупредите, чтоб шуму не поднимал. Его гости съезжают.

– Умоляю... – начал Жан.

– Заткнись. Одежду и оружие я, так и быть, вам оставлю. Но если до рассвета вы из города не уйдете, то Зодешти тебе лично уши отрежет. Так что придется твоему приятелю в другом месте помирать, с меньшими удобствами. – Кортесса беззлобно хлопнул Локка по ноге. – Помяни меня в преисподней добрым словом, ублюдок.

– Мы с тобой там скоро встретимся, – буркнул Локк. – Я тебя обниму.

Люди Кортессы споро обобрали апартаменты. Жаново оружие сложили в центре комнаты, а все остальное вынесли или разломали в щепки. Локка, в окровавленных штанах и рубашке, оставили лежать на досках кровати. Из всех кошельков вытряхнули деньги, а потом забрали и сами кошельки.

Когда бурная деятельность несколько поутихла, Кортесса обернулся к Жану:

– Кстати, Леон с тобой минуточку поговорит. Вон там, в уголке. Ему за разбитый нос обидно.

– Преблого бдагодаред, – буркнул Леон, осторожно ощупывая распухшую губу.

– А ты не вздумай сопротивляться, – предупредил Кортесса Жана. – Только попробуй пальцем шевельнуть, я твоему приятелю кишки выпущу. – Он ласково потрепал его по щеке. – И чтобы на рассвете духу вашего в Лашене не было, иначе наша следующая беседа состоится в подвале Зодешти.

10

Наконец люди Кортессы покинули апартаменты.

– Жан! – шепотом окликнул Локк. – Жан, ты жив?

– Да жив я, жив! – отозвался Жан, растянувшийся на полу под окном, там, где совсем недавно стоял столик. – Я тут... с половицами знаколюсь. Они очень милые – я упал, а они меня вовремя подхватили.

Леон богатым воображением не отличался, но кулаки у него были крепкие, поэтому сейчас Жан чувствовал себя так, словно долго катился вниз по каменистому склону.

– Жан, когда мы сюда вселились, я немного денег припрятал... на черный день. Тут под кроватью тайник есть.

– Ага, знаю. Я их оттуда давным-давно забрал.

– Ну ты и сволочь! Я же для тебя старался, чтобы было на что потом...

– Я так и понял, Локк. А до другого потайного места добраться у тебя сил не хватило.

– Тьфу на тебя!

– И на тебя тьфу. – Жан с трудом перевернулся на спину, уставился в потолок и осторожно ощупал бока – ребра целы, переломов вроде нет, но все тело ноет. – Вот передохну чуток, пойду искать тебе одеяло. И телегу. Или лодку. В общем, до рассвета я тебя отсюда увезу. Под покровом темноты.

– Жан, за тобой все равно следить будут и своровать ничего не позволят... – Локк закашлялся. – А на руках меня нести я тебе не позволю.

– Да неужели? И как это у тебя получится? Ты меня своим остроумием наповал сразишь?

– Знаешь, по уму, тебе с самого начала надо было взять деньги и смыться куда-нибудь подальше... от меня. Глядишь, и занялся бы каким-нибудь полезным делом...

– Тоже мне, советчик выискался! Я сделал то, что захотел. А теперь либо ты со мной добром пойдешь, либо я здесь с тобой умирать останусь.

– Ну чего ты такой упертый?!

– А ты, в отличие от меня, уступчивый и покладистый. Самовлюбленный болван. И мозги у тебя свинячьи.

– Нет, так не честно. У тебя сил больше, длинные слова легче выговаривать, – рассмеялся Локк. – О боги, да нас и впрямь до нитки обообрали. Даже дрова из камина унесли.

– Меня уже ничего не удивляет, – со вздохом сказал Жан и, морщась, медленно поднялся. – Ну что, подведем итоги. Денег нет. Одежда – та, что на нас. В основном на мне. Оружие... Дров тоже нет. Значит, если в городе воровать не позволяют, придется заняться грабедом на тракте.

– И как ты будешь кареты останавливать?

– Тебя поперек дороги брошу, может, кто и остановится.

– Гениальная задумка! А останавливаться будут из жалости?

– Нет, из брезгливости. Чтобы колеса не замарать.

В дверь апартаментов постучали.

Локк с Жаном встревоженно переглянулись. Жан подобрал с пола нож.

– Может, они решили еще и кровать унести? – спросил Локк.

– Нет, они бы стучаться не стали.

Жан, поудобнее перехватив нож, завел руку за спину и осторожно приоткрыл дверь.

У входа стоял не Кортесса, не лекарь, не хозяин гостиного двора, а какая-то женщина в непромокаемом плаще, по которому сползали струйки дождя. В руках незнакомка держала алхимический фонарь, слабое сияние которого освещало ее лицо. Незваная гостья была немолда.

Жан взгляделся в темноту: ни кареты, ни носилок, ни сопровождающего – только туманная мгла и шорох дождя. Кто она? Из местных? Приезжая?

– А... простите, сударыня... Чем могу быть полезен? Вам помощь нужна?

– По-моему, мы с вами можем быть одинаково полезны друг другу. Вы позволите войти? – негромко произнесла незнакомка, выговаривая слова вроде бы на лашенский манер, но все же не совсем.

– Мы... ох, прошу извинить, но сейчас это не совсем удобно... Видите ли, мой друг болен...

– Да, мне известно, что у вас всю мебель забрали.

– Что?

– А еще мне известно, что вещей у вас и так почти не было.

– Сударыня, вы... простите, я в некоторой растерянности...

– А я под дождем.

– Гм... – Жан незаметно спрятал нож в рукав. – Как я уже упомянул, мой друг очень болен. Если вы...

Воспитание взяло верх, и Жан открыл дверь чуть пошире. Незнакомка, решительно переступив порог, заметила:

– Меня это несколько не смущает. В конце концов, яд опасен только на званых обедах.

– А... вы лекарь? – ошарашенно спросил Жан.

– Отнюдь нет.

– Вы от Кортессы?

Рассмеявшись, она откинула капюшон плаща. Ей было лет пятьдесят – пятьдесят лет, проведенных в достатке и роскоши. Волосы цвета осенней пшеницы у висков отливали серебром, на широком скуластом лице темнели большие глаза.

– Вот, держите! – Она швырнула Жану алхимический фонарь. – Мне известно, что свечи у вас тоже отобрали.

– Благодарю вас... но...

– Ну и ну! – Гостья невозмутимо направилась в спальню, на ходу расстегнув пряжку у горла и сбросив плащ с плеч. – Очень болен – это еще мягко сказано, – заметила она, взглянув на Локка. Ее платье было богато расшито серебром, ладони скрывались под серебристыми кружевными манжетами.

– Прошу простить великодушно, но даже ради вас встать я не могу, – пробормотал Локк. – И кресло предложить не могу. И одеться как подобает тоже не могу. Могу только на все наплевать.

– Похоже, у вас еще сохранились жалкие остатки былой учтивости и обходительности, – улыбнулась незнакомка.

– Ага, и этого тоже... И сам я жалкие остатки, – буркнул Локк. – А вы кто будете?

Она стряхнула с плаща капли воды и накрыла им Локка вместо одеяла.

– С-спасибо, – с заминкой произнес он.

– Трудно вести серьезный разговор с человеком, чье достоинство уязвлено, – сказала незнакомка. – Видите ли, Локк...

Жан, с грохотом задвинув дверной засов, ворвался в спальню, швырнул алхимический фонарь на кровать и угрожающе наставил нож на незваную гостью.

– Честно говоря, моя любовь к загадочным происшествиям исчезла вместе с нашими деньгами и мебелью. Если вы немедленно не объясните, откуда вам известно это имя, я не стану мучиться угрызениями совести из-за...

– Последствий вашего опрометчивого поступка вы не переживете, Жан Таннен. Точнее, ваша гордость этого не переживет. Уберите нож.

– Вот еще!

– Ах, благородные Канальи, – негромко произнесла незнакомка. – Вам от нас укрыться нигде. Вам от нас никогда не уйти.

– Не может быть... – ошеломленно выдохнул Жан.

– О боги! – Локк закашлялся, утомленно закрыл глаза. – Вот только вас нам не хватало. Я так и знал, что вы рано или поздно объявитесь.

– А чем вы так расстроены? – Гостья недоуменно наморщила лоб. – Я не вовремя? Вы мне не рады? Локк, неужели смерть вас привлекает больше душевной беседы?

– Ага, душевные беседы с вольнонаемными магами добром не кончаются.

– Мы здесь из-за вас! – процедил Жан. – Из-за вас и ваших дурацких игрищ в Тал-Верраре! Из-за ваших подметных писем!

– Не совсем так, – возразила гостья.

– На Ночном базаре вы нас не запугали и сейчас не запугаете! – Жан, забыв о недавних побоях, взмахнул ножом.

– Увы, вы нас совсем не знаете, – сказала гостья.

– Да знаю я вас, знаю! И на ваши дурацкие правила мне наплевать!

Незнакомка стояла спиной к нему. Жан стремительно рванулся вперед и, не дав ей возможности шевельнуться, обхватил левой рукой за шею и вонзил нож между лопаток.

11

Теплое, мягкое, *живое* тело внезапно исчезло; рука ухватила пустоту, клинок прорезал воздух. Жан впервые столкнулся с противником, который исчезал от одного прикосновения. С нечеловеческой скоростью. С помощью колдовства.

Другого случая не представится.

Жан резко втянул в себя воздух. По коже пробежала холодная дрожь – он совершил непоправимую ошибку, и сейчас на него обрушится карающий удар. Стук сердца барабанным боем отзывался в голове. Вот-вот...

– Ах, Жан Таннен, – раздался негромкий голос гостыи у него за спиной. – Было бы весьма неосмотрительно с моей стороны довериться человеку, затаившему обиду.

Жан медленно обернулся. Незнакомка стояла в шести шагах от него, у окна.

– Ваше истинное имя – как птица в клетке. Ваши глаза и руки вас обманут, если вы захотите причинить мне вред.

– О боги, – раздраженно вздохнул Жан. – И не надоело вам в кошки-мышки играть? – Он присел на кровать и метнул нож в половицу. – Убейте меня – и дело с концом. Вашей игрушкой я не буду.

– А чем вы будете?

– Встану и буду стоять столбом. Ну, приступайте.

– А почему вы считаете, что я намерена вас убить?

– Ну если не убить, так что похуже сотворить.

– Я не собираюсь вас убивать, – сказала гостыя, скрестив руки на груди. – Вы же оба живы, верно? Какие еще доказательства вам нужны? Остановить меня вам бы не удалось.

– Вы не боги, – еле слышно вымолвил Локк. – Может, сейчас мы и в вашей власти, но один из вас уже попадал к нам в руки.

– Это что, завуалированная угроза? Или вы решили напомнить мне, что стали нечаянными свидетелями того, как Сокольника гордыня сгубила?

– Кстати, а где теперь Сокольник? – спросил Локк.

– В Картене, – со вздохом ответила она. – Как его из Каморра привезли, так он до сих пор в беспамятстве и пребывает.

– Он боль плохо переносит, – сочувственно заметил Жан.

– Вы полагаете, он из-за пыток рассудок потерял?

– Ну не из-за наших же застольных бесед, – сказал Локк.

– Увы, в том, что с ним произошло, виноват он сам. Видите ли, картенские маги обладают способностью отгораживать сознание от страданий плоти. Но делать это надо с превеликой осторожностью, а в спешке легко допустить ошибку.

– Как я рад это слышать! – сказал Локк. – Значит, он попытался отгородиться от боли...

– А вместо этого его рассудок погрузился в марево безумия, исцелить которое мы не в состоянии, – пояснила гостыя.

– Великолепно! – хмыкнул Локк. – На самом деле мне плевать, как и почему это произошло. Меня это очень радует. И вообще, желаю вам всем применять эту восхитительную способность исключительно в спешке.

– Вы к нам несправедливы, – вздохнула незнакомка.

– Знаешь, стерва, если б у меня силы остались, я б тебе сердце из груди вырвал и попи-нал бы, как мячик, – просипел Локк и зашелся кашлем. – Никто из вас иного обращения не заслуживает. Вы убиваете людей из прихоти, а тем, кто вас из-за этого ненавидит, всю жизнь отравляете.

– Вот вы нас презираете, а нет чтоб в зеркало поглядеться...

– Я вас презираю... – начал Локк, пытаясь приподняться на локтях, – за Кало и Галдо, за Клопа, за Наску и за Эзри и за все время... что мы в Тал-Верраре... попусту потратили... – Он затрясся, побагровел и без сил повалился на доски кровати.

– Вы сами воровы и убийцы, – сказала гостыя. – Вы повсюду сеете смятение и произвол. Вы стали пособниками свержения одного правительства, а краха другого правительства не допустили исключительно из сентиментальных соображений. А теперь возомнили, что совесть у вас чиста... По-вашему, вы имеете право упрекать нас в том, что мы поступаем как вздумается?

– Имеем, – сказал Жан. – И будем. А за Эзри я с вами отдельно посчитаюсь.

– Если бы не наше вмешательство, вы бы с ней не встретились. Или вам бы самим взбрело в голову в мореплаватели податься?

– Это никому из смертных неведомо...

– Ах, значит, мы виноваты только в ваших злосчастиях, а все остальное – воля случая?

– Я...

– Да, мы изредка вмешивались в вашу жизнь, Жан, но вы себе льстите, воображая, что ради вас мы составляли сложные и запутанные схемы. К исходу морской битвы мы не имеем никакого отношения. Да, ваша возлюбленная погибла. Примите мои соболезнования.

– Можно подумать, вы на это способны, – презрительно фыркнул Жан, усаживаясь на краешек кровати.

Гостя направилась к нему. Жан, сдерживая невольную дрожь, встал и гневно уставился на нее. Она протянула к нему левую руку, кончиками пальцев легонько коснулась щеки и пронесла:

– Времени у нас почти не осталось. Я снимаю с вас заклятье, Жан Таннен. Вот, я перед вами во плоти. Если захотите меня изувечить, остановить вас я вряд ли смогу. Или смогу, но с большим трудом. Итак, что вы выберете – схватку или беседу?

Жан передернулся. В нем бушевало горячее желание немедленно схватить ее за горло и шмякнуть об стену что было сил, проломить ей череп, задушить, раздавить всем своим весом – а потом молить всех богов, чтобы этого было достаточно, ведь она одним словом или еле заметным движением пальцев способна стереть его в порошок.

Они целую вечность стояли, глядя друг другу в глаза. Потом Жан стремительным движением правой руки перехватил левое запястье незнакомки и жестко сомкнул пальцы, ощутив под тонкой кожей хрупкие кости. Один резкий выверт – и...

Она моргнула и отвела глаза, в которых на мгновение мелькнул неприкрытый страх. Эта маленькая человеческая слабость тут же скрылась в безмерном океане самообладания, однако Жан успел ее заметить.

Он ослабил захват, закрыл глаза и медленно выдохнул:

– Надо же, вы не солгали.

– Это очень важно, – прошептала она.

Жан, не выпуская левой руки госты, откинул серебристое кружево манжет: на бледной коже запястья четко выделялись черные линии, сомкнувшиеся кольцами.

– Пять колец... – протянул Локк. – Я знаю только, что чем больше, тем лучше. Или тем страшнее, – в общем, кому как. Ну и сколько их всего может быть?

– Больше не бывает, – усмехнулась гостя.

Жан выпустил ее руку и отступил на шаг. Она подняла согнутую в локте левую руку, раскрыла ладонь и пальцами правой руки легонько коснулась вытатуированных полос. Черные кольца подернулись серебристой рябью, превращаясь в сверкающие браслеты из ступков лунного сияния.

Завороженно глядя на переливы серебра, Жан внезапно ощутил холодное покалывание под веками, а пальцев правой руки коснулось что-то твердое. В сознании возникла череда образов: тяжелые складки светлого шелка, швейные иглы, протыкающие пену тончайших кружев, грубая кромка ткани, распускаемая на нити. Казалось, это в его пальцах ловко сновала игла, кружила по белому полотну в бесконечном танце.

Наконец образы исчезли.

– Ох! – вздохнул Жан, приложив руку ко лбу. – Что это было?!

– Я, – ответила гостя. – Образно выражаясь. То есть в самом прямом смысле – это мое «я», выраженное в образах. Вот как иногда вспоминаешь о человеке, ощутив, к примеру, запах

трубочного табака, цветочный аромат или бархатистость ткани под пальцами... Глубинные воспоминания, которые словами не опишешь. С вами такого не бывало?

– Ага, – кивнул Локк, потирая виски: судя по всему, его посетило такое же видение.

– Между собой мы общаемся мысленно и начинаем мысленный разговор с того, что посылаем такие вот образы – *сигиллы*, – созданные из определенных воспоминаний, чувств и страстей. По сигиллам мы узнаем друг друга. – Она одернула серебристое кружево манжет, скрыв под ним пять черных колец, утративших призрачный блеск, и улыбнулась. – Теперь моя сигилла вам известна, так что вы не испугаетесь до смерти, если я обращусь к вам мысленно, а не вслух.

– Да кто вы такая? – спросил Жан.

– Нас четверо, – невозмутимо продолжила гостья. – Предполагается, что мы мудрейшие и сильнейшие маги пятого уровня. Так ли это, не мне судить, но живем мы в самых роскошных дворцах.

– Вы повелеваете картенскими магами... – недоверчиво уточнил Локк.

– В данном случае «повелеваете» – слишком сильно сказано. Хотя время от времени нам удается предотвращать всемирные катастрофы.

– А как вас зовут?

– Терпение.

– Что, ваши проклятые правила вам свое имя запрещают называть?

– Нет. Меня так и зовут – Терпение.

– Ни фига себе имечко! Сразу видно, как вас собратья ваши обожают.

– Само по себе имя ничего не значит, ведь девушки, которых зовут Роза, не источают неземное благоухание. Это не имя, а... скажем так, титул. Архидонна Терпение. Ну что, мы наконец примем решение воздержаться от смертоубийства?

– А вот это зависит от предмета нашего дальнейшего разговора, – заявил Жан.

– Ох, вы двое – та еще парочка, – вздохнула гостья. – Я за вашими делами давно присматриваю. Из воспоминаний Сокольника нам удалось извлечь кое-какие обрывки, а наши люди привезли из Каморра его вещи, среди которых был нож, некогда принадлежавший одной из сестер Анатолиуса.

– Ага, окропленный моей кровью, – припомнил Жан.

– Так что нам не составило большого труда вас найти.

– И наши жизни на фиг поломать.

– Вам следует хорошенько уяснить, что вы очень плохо разбираетесь в происходящем и вообще мало что понимаете. В Тал-Верраре я вам жизнь спасла.

– Ха, что-то я вас там не приметил, – проворчал Жан.

– У Сокольника есть друзья, соратники и последователи, которые теперь считают себя орудиями возмездия, – ответила гостья. – Его очень любили, несмотря на все недостатки. На Ночном базаре вам показали салонные фокусы, большего я не позволила. Если бы я не вмешалась, вас бы убили.

– Эти, как вы изволили выразиться, салонные фокусы нам в Тал-Верраре все дело изрядно подпортили.

– Подпортили, но жизни вас не лишили, – заметила она. – По-моему, я обошлась с вами весьма милосердно, хотя мне это и дорого стоило.

– Дорого стоило? Как это?

– Сокольник был дерзок, жесток и неосмотрителен. Да, он выполнил все условия договора – вы же знаете, картенские маги скрупулезно исполняют взятые на себя обязательства, – однако же следует признать, что он взялся за это с... излишней жестокостью.

– Он едва не превратил сотни людей в безмозглых истуканов! В мебель! – воскликнул Жан. – Это не просто излишняя жестокость, а...

– Этого требовал заказчик, – возразила гостя. – А вот о вас и ваших друзьях в соглашении не упоминалось.

– По-вашему, это его извиняет?! Да идите вы с такими извинениями... – Локк закашлялся. – Мне пофигу твое милосердие, старая ведьма! Мне пофигу, как и почему Сокольник с глузду съехал! Я б из него всю кровь выжал, до последней капли, – жаль, времени не было, ему лишь малая толика заслуженных страданий досталась.

– Локк, вы и не представляете, как вы правы. Совершенно не представляете. – Архидонна Терпение со вздохом скрестила руки на груди. – Увы, никто, кроме меня, представить этого не может. Видите ли, Сокольник – мой сын.

Интерлюдия Неутопленница

1

Летом семьдесят седьмого года Сендовани, тем самым летом, когда пропала Бет, тем самым летом, когда Воровской наставник продал своего набедокурившего питомца отцу Цеппи, достославному Безглазому священнику храма Переландро, мирок Локка внезапно расширил свои границы. Привычные тревоги и опасения исчезли без следа, а их место заняли новые, ежедневно меняющиеся трудности, истинный смысл которых по большей части от Локка ускользал.

– А если тебе встретится священнослужитель другого ордена? – спросил отец Цеппи, поправляя белую полотняную рясу послушника, надетую на Локка братьями-близнецами Санца.

– Следует приветствовать его традиционным поклоном, как подобает скромному послушнику... – Локк обхватил левую ладошку правой и склонил голову так низко, что лоб его почти коснулся сложенных вместе больших пальцев. – И пока ко мне не обратятся, должен хранить почтительное молчание.

– Правильно. А если ты встретишься с послушником другого ордена?

– Осеню благословением, отвращающим беды с его пути. – Локк вытянул правую руку раскрытой ладонью вверх и повел ею за левое плечо, словно медленно отгоняя муху.

– И что еще?

– А... на приветственное пожелание доброго здоровья следует отвечать подобным же образом... а если со мной не заговорят, то и я ничего говорить не должен.

– А если тебе встретится послушник ордена Переландро?

– Его я должен приветствовать первым...

– Как именно?

– Ну это... А, надо поклониться, пожелать доброго здоровья и призвать благословение Покровителя сырых и обездоленных... С послушниками разговаривать сердечно и вежливо, а в присутствии священнослужителя рта не раскрывать.

– А с каким приветствием следует обращаться к послушнику в Покаянный день, который выдался дождливым? – полюбопытствовал один из близнецов.

– Ой... – Локк растерянно прикрыл ладошкой рот. – Я не... По-моему...

– Других приветствий не существует ни для Покаянного дня, ни для дождливого, – усмехнулся отец Цеппи. – Что ж, выглядишь ты как подобает. И основные правила затвердил назубок всего за четыре дня. Очень даже неплохо. Многие послушники месяцами ритуалы осваивают и все равно, как с ними ни бейся, до двадцати сосчитать не могут, пока башмаков не скинут.

Отец Цеппи встал и неспешно оправил белую рясу. Он и его питомцы сидели в святилище храма; сырое затхлое помещение свидетельствовало не только о смиренной нищете последователей Переландро, бога милосердия, Покровителя сырых и обездоленных, но и об их полнейшем равнодушии к плесени и застарелой гнилостной вони.

– А теперь, олух десный и олух шуйный, несите-ка мои оковы.

Кало и Галдо наперегонки бросились в дальний конец святилища, где в каменную стену был вбит массивный железный штырь с прикрепленными к нему длинными тяжелыми цепями, и, с грохотом проволочив их по полу, защелкнули широкие кандалы на запястьях священника.

– Вот так-то! – торжествующе воскликнул Санца, первым завершивший свою работу. – Ты, братец, даже пердишь медленно.

– Очень смешно! – хмыкнул второй. – Эй, а что это у тебя под носом?

– Что?

– Мой кулак, вот что!

В следующее мгновение перед глазами Локка стремительно замелькали руки, ноги, локти и колени близнецов; за четыре дня он так и не научился отличать Кало от Галдо. Братья, заливаясь безумным хохотом, увлеченно мутузили друг друга, а потом одновременно взвыли – отец Цеппи с невозмутимым спокойствием ухватил обоих за уши и разнял.

– Ну-ка, умники, надевайте рясы. Когда мы с Локком займем свои места, вынесете к нам чашу для сбора подаяний.

– Так нам же сегодня на ступенях сидеть не надо! – сказал один из близнецов.

– А вы и не будете, просто мне одному чашу таскать лень. Значит, вынесете ее и делом займетесь.

– Каким делом?

– Помните, я вчера таможенные грамоты подделывал? Так вот, это не грамоты, а задачи по арифметике. Каждому из вас – по паре страниц. На кухне есть угольки, пергамент и чернила. Вечером похвастаетесь своими достижениями.

– У-у-у! – разочарованно заныли Кало и Галдо, причем не вразной, а весьма мелодично; они вообще обладали неплохими певческими голосами и даже говорили в лад, – правда, Локк пока не понял, случайно или нарочно.

Отец Цеппи занялся последней, самой важной частью своего наряда: тугая повязка на глазах, создававшая у окружающих ощущение полной беспомощности, была наложена так, что можно было свободно глядеть под ноги.

– Локк, открывай двери, – велел он. – Солнце уже давно встало, а вот деньги сами себя не уворуют.

Локк с усилием потянул рычаг, скрытый за одним из заплесневелых ветхих гобеленов; в стенах святилища что-то глухо заскрежетало, и восточную стену сверху донизу рассекла узкая ярко-золотая полоса, которая, постепенно ширясь, вскоре залила все святилище теплым солнечным светом.

Отец Цеппи взял Локка за руку:

– Ну что, готов?

– Ага. Наверное, – прошептал Локк.

Держась за руки, воображаемый Безглазый священник и его новый воображаемый послушник вышли из воображаемой каменной тюрьмы в знойный полдень. У Локка внезапно пересохло во рту, словно он глотнул сухого жара, струившегося от нагретых солнцем камней.

Так они вместе покинули храм, чтобы дерзко, как грабители в подворотнях, обворовывать почтенных жителей Каморра, причем оружием им служили лишь метко сказанное слово и пустая медная чаша.

2

В первые месяцы, проведенные у отца Цеппи, Локк с удивлением обнаружил, что живет в совершенно неизвестном городе, и ему пришлось заново учить все, что он до сих пор знал о Каморре. Сироты Сумеречного холма выбирались на городские улицы, будто ныряльщики из подводных глубин, и поспешно возвращались в полумрак кладбищенских склепов, предпочитая привычные опасности жизни в подземелье неведомым городским обычаям.

Локк в белой рясе послушника Переландро сидел на ступенях храма, а солнце, которое он еще недавно считал пылающим глазом грозного божества, теперь всего лишь согревало

ему макушку. Любой мальчишка сказал бы, что просить милостыню – дело нудное и скучное, но жизнь на Сумеречном холме научила Локка терпению. Если прежде ему приходилось прятаться в темных углах от побоев и оскорблений, то теперь можно было часами лентяйничать под ласковыми лучами солнца и благодарить горожан за их щедрые подаяния.

Постепенно он изучил распорядок жизни Храмового квартала. Если поблизости никого не было, отец Цеппи негромко отвечал на вопросы Локка, терпеливо объясняя своему подопечному, как определить, к какому ордену принадлежит тот или иной священник, кто из прохожих богат, а кто – не только богат, но и знатен, и прочие важные отличия.

При виде желтокурточников у Локка все еще замирало сердце, но констебли, проходившие мимо храма Переландро, лишь кивали с вежливым равнодушием, а некоторые даже отдавали честь Безглазому священнику и малютке-поводырю. Прежде Локк и представить себе не мог, что тонкая полотняная ряса надежнее прочного доспеха защитит его от всемогущих стражников.

Констебли отдавали Локку честь... С ума сойти! О всевышние боги...

Перемены происходили с Локком и в святилище, точнее в тайном подземелье Древнего стекла, скрытом за нищенским фасадом храма. Впервые в своей жизни Локк наедался досыта, а отец Цеппи увлеченно знакомил его с кулинарными искусствами Каморра, всячески поощряя интерес своего подопечного к приготовлению разнообразных блюд. Впрочем, в сравнении с искусственными в поварском деле братьями Санца от Локка было мало толку, но постепенно он научился и просеивать муку от червей, и нарезать мясо, и отличать фруктовый нож от вилочки для угрей.

– Ох, хвала всем богам, солнце, свежий воздух и еда куда действенней некромантии, – однажды заметил отец Цеппи, похлопав Локка по животу. – Ты больше не ходячий скелетик, хоть и мелковат. Теперь можно и не бояться, что тебя первым же ветерком сдует.

– Отлично! – воскликнул один из близнецов. – Пусть жирок нагуливает, а потом мы его заколем, как всех остальных. Славное выйдет жаркое к Покаянному дню!

– Остальные умерли своей смертью, – успокоил Локка второй Санца. – Ты не бойся, мы тебя не тронем. Вот, съешь лучше хлебушка.

Под опекой отца Цеппи Локку жилось вольготно. Вкусной еды и чистой одежды хватало, кровать была мягкой и удобной, а по ночам ему не угрожало ничего, кроме беззлых проказ братьев Санца. И все-таки легкой жизнью назвать это было нельзя.

В первые же дни Локка научили изображать послушника Переландро, а последующие уроки стали сложнее и труднее. Безглазый священник ничем не походил на Воровского наставника: он не позволял близнецам запугивать Локка и не грозил мясницким ножом заслушание. Нет, он просто... расстраивался. Отец Цеппи обладал некой волшебной силой: на ступенях храма он с невероятным искусством – то рассудительными доводами, то пылкими воззваниями к богам, то нравоучительными наставлениями – заставлял прохожих расставаться с деньгами, а когда обучал Локка секретам своего мастерства, то так разочарованно вздыхал, удивляясь непониманию своего питомца, что это было хуже всяких побоев.

В общем, к новой, странной жизни Локк привыкал с трудом. Огорчать Безглазого священника он опасался, не сомневаясь, во что это выльется (шею Локка обвивал шнурок, на котором висел кожаный мешочек с акулиным зубом – зловещая метка смерти), однако самого отца Цеппи не страшил. Кряжистый бородач искренне радовался, когда Локк правильно выполнял порученное ему задание, а его похвала согревала не хуже солнечных лучей. Иными словами, для воспитания своих питомцев Безглазый священник пользовался всего лишь резкой сменой настроений, переходя от безмерного разочарования к глубокому удовлетворению.

День за днем Локк осваивал тонкости умывания, одевания и кулинарии, заучивал заповеди ордена Переландро и правила поведения за столом, запоминал, что означают флажки на

карем и гербы на доспехах охранников, познакомился с историей Храмового квартала и его достопримечательностями.

Грамота, письмо и счет оказались самым сложным делом. На изучение этих премудростей отводилось по два часа в день, до и после сбора подаваний на ступенях храма. Вначале Локку пришлось изрядно потрудиться, запоминая тридцать букв теринского алфавита и с помощью груды фишек осваивая основы сложения. Он раз за разом повторял буквы и выводил их на дощечке, так что они ему даже снились. Отец Цеппи научил своего подопечного складывать буквы в слова – сначала короткие, потом подлиннее, – а затем показал, как составлять из слов простые предложения.

После этого каждое утро Безглазый священник оставлял Локку письменное задание, которое мальчик должен был сначала прочесть и лишь после этого приступить к завтраку. Когда короткие фразы больше не докучали Локку, ему пришлось заняться арифметическими задачами, записанными мелом на грифельной доске, – отец Цеппи требовал выполнять их письменно, а не в уме.

– Отними двенадцать от двадцати шести, – потребовал отец Цеппи однажды осенним вечером.

Ранняя осень в Каморре выдалась необычно приятной; горожане наслаждались теплыми ясными днями и прохладными ночами. В тот вечер отец Цеппи играл с Галдо в «погоню за герцогом», в перерывах между ходами задавая Локку задачки на сложение и вычитание. Все трое сидели за кухонным столом, под золотистым светом роскошной алхимической люстры, а Кало, пристроившись у кухонного комода, рассеянно перебирал струны обшарпанной мандолы, называемой еще дорожной лютней.

Локк старательно вывел цифры на грифельной доске, повернул ее к отцу Цеппи и объявил:

– Четырнадцать.

– Отлично! – кивнул Цеппи. – А теперь прибавь двадцать один к тринадцати.

– Вперед! – воскликнул Галдо, передвигая одну из фигур по клеточкам игровой доски. – Вперед, за короля Галдо, не щадя живота своего!

– Тут-то он голову и сложил, – ответил Цеппи, делая ответный ход.

– Пока вы там бьетесь не на жизнь, а на смерть, я подходящую песню вспомнил, – заметил Кало и, перебирая струны мандолы, высоким голосом негромко затянул:

Из славного Каморра к холму Священных Врат
Трехтысячное войско отправилось в поход.
Две тысячи героев в сырой земле лежат,
А кровь их обагрывает бескрайние поля...

Галдо кашлянул, задумчиво разглядывая фигуры на доске, и присоединился к брату; их голоса тут же сплелись в идеальной гармонии:

Из славного Каморра к холму Священных Врат
Помчался храбрый герцог на боевом коне.
И всадник, и скакун в сырой земле лежат,
А кровь их обагрывает бескрайние поля...
Из славного Каморра к холму Священных Врат
Сто лиг по бездорожью, туда, где до сих пор
Каморрские герои в сырой земле лежат,
И кровь их обагрывает бескрайние поля...

– Великолепное исполнение не делает лучше дурацкую балладу, сложенную глупцами в оправдание безумного старика, – поморщился Цеппи.

– Ее в каждой таверне поют, – возразил Кало.

– Так и было задумано, – сказал Цеппи. – Эта душещипательная песенка прославляет бессмысленную бойню. В свое время я был одним из этих трех тысяч, так что почти все мои старые друзья сейчас в сырой земле лежат. Лучше спой нам что-нибудь повеселее.

Кало задумчиво закусил губу, настроил мандолу и лихо затянул:

К пастуху как-то в гости простушка пришла,
Он и рад показать ей красоты села:
«Вот коровка, собачка и козочка тут,
Ходит вол под ярмом, куры яйца несут.
Конь и к плугу привык, и с уздой знаком,
Ну а ты подружись-ка с моим петушком...»

– О боги, где тебя этому научили?! – ухмыльнулся Цеппи.

Кало захохотал во все горло, а Галдо тут же невозмутимо подхватил следующий куплет:

Кто встает на заре, кто размерами горд,
А вот мой петушок и задорен, и тверд,
И вдобавок всех прочих усердней в трудах!
Приласкай же его, чтоб совсем не зачах...»²

Гулко хлопнула потайная дверь, ведущая в подземное логово Древнего стекла. Отец Цеппи вскочил из-за стола, а Кало и Галдо бросились к кухонным ножам.

Локк сполз с табуретки и прикрылся грифельной доской, как щитом; разглядев, кто вошел на кухню, он непроизвольно разжал пальцы, и доска с грохотом упала на половицы.

– Ох, а мы тебя так рано не ждали! – обрадованно воскликнул Цеппи.

Посреди кухни стояла Бет – подросток, с темно-русыми волосами, собранными в хвост. Бет. Живая и невредимая.

3

– Не может быть, – ошеломленно пролепетал Локк. – Ты же умерла!

– Еще как может. В конце концов, я здесь живу. – Бет бросила к ногам коричневую кожаную сумку и, вытянув ленту из волос, потрянула головой; русые пряди рассыпались по плечам. – А ты кто такой?

– Я... а ты меня не помнишь?

– Тебя?

Несказанная радость Локка сменилась горьким разочарованием. Пока он лихорадочно соображал, как лучше ответить, Бет, приглядевшись, удивленно воскликнула:

– О боги, да это же Ламора!

– Он самый, – подтвердил Цеппи.

– Вы и его купили?

– По дешевке. Обед в харчевне дороже обходится. Да, твой бывший хозяин мне его сам предложил, – улыбнулся Цеппи, с отцовской гордостью взъерошив русые пряди Бет.

Она почтительно поцеловала ему руку.

² Перевод М. Виноградовой.

– Но все же говорили, что ты утопла! – не унимался Локк.

– Ага, – кивнула она.

– А почему тогда...

– У нашей Сабеты весьма любопытное прошлое, – пояснил Цеппи. – Чтобы объяснить ее исчезновение с Сумеречного холма, пришлось небольшое представление устроить, следы замести.

Бет... Сабета... За время, проведенное с Безглазым священником, Локк не раз слышал это имя и теперь чувствовал себя полным придурком из-за того, что сразу не сообразил, о ком идет речь. Но он ведь думал, что она умерла... Восторг, безмерное удивление, стыд и досада внезапно сменились жаром в животе: Бет жива и живет здесь, у Цеппи!

– А куда... а где ты была? – спросил Локк.

– Училась, – ответила Сабета.

– И как ученье? – полюбопытствовал Цеппи.

– Госпожа Сибелла говорит, что я, в отличие от прочих каморрских учениц, менее вульгарна и неуклюжа.

– А ты... э... значит... – промямлил Локк.

– Великая похвала в устах расфуфыренной старой гримзы, – заметил Цеппи, не обращая внимания на Локка. – Вот мы сейчас и проверим. Галдо, пригласи Сабету на бергамаску. *Complair entant.*

– Может, не надо, а? – заныл Галдо.

– Хороший вопрос. Может, тебя и кормить не надо?

Галдо торопливо направился к Сабете и отвесил преувеличенно церемонный поклон, едва не задев носом половицы.

– Досточтимая сударыня, я покорен вашими чарами. Не позволите ли пригласить вас на танец? Мой покровитель уморит меня голодом, если сочтет, что вся эта хренотень мне не по нраву.

– Как был мартышкой, так ею и остался, – улыбнулась Сабета.

Они с Галдо вышли на свободное пространство у стола.

– Кало, будь так любезен, обеспечь музыкальное сопровождение, – попросил Цеппи.

– Да-да, конечно, – кивнул Кало, провел рукой по струнам мандолы и начал играть быструю ритмичную мелодию.

Галдо и Сабета двигались слаженно, вначале медленно, а затем все убыстряя темп. Локк заворуженно следил за сложным узором чинного танца – ничего подобного в тавернах не увидишь. Каждая фигура сопровождалась мерным четырехкратным стуком каблуков; танцоры сплетали руки, кружились, расходились, менялись местами, но все время отбивали четкий ритм.

– Этот танец очень популярен среди знати, – объяснил Цеппи Локку. – Все танцоры встают в круг, распорядитель бала выбирает из них пару, которая танцует в центре круга. За малейшую ошибку полагается своего рода наказание – романтическое подшучивание или еще что. В общем, милые забавы...

Локк его почти не слушал – все его внимание сосредоточилось на танцующих. Галдо двигался с быстротой и ловкостью, свойственной тем обитателям Сумеречного холма, кто, в отличие от Беззуба, приспособился к тяготам сиротского существования. А в Сабете сквозила врожденная грация; в танце ее колени и локти как будто исчезали, и вся она превращалась в скользящие дуги, изящные арки и непринужденные круги. Щеки ее покраснелись, в алхимическом свете люстры русые пряди отливали золотом, и зачарованному Локку казалось, что они ярко-рыжие...

Цеппи трижды хлопнул в ладоши. Танцоры остановились, но Локк не отводил от Сабеты замороженных глаз. Впрочем, если она и заметила пристальный взгляд Локка, то не подала виду – либо из вежливости, либо из полного безразличия.

– Что ж, недаром я кучу золота просрал на твоё хваленое обучение, – сказал Цеппи. – Молодец! Даже такой увалень, как Галдо, тебе не помеха.

– А то! – Сабета, по-прежнему не обращая внимания на Локка, подошла к столу, мельком взглянула на игральную доску и объявила: – Санца, тебе крышка.

– Ничего подобного! – запротестовал Галдо.

– Простейшая трехходовка, – ухмыльнулся Цеппи. – Но я решил его помучить.

Галдо, подбежав к доске, погрузился в размышления, а Кало и Сабета завели оживленную беседу с Цеппи. В обсуждении Локк участия не принимал, не зная ничего ни о танцах, ни о великосветском этикете, ни о благородных вельможах, ни о далеких городах. Спустя несколько минут Цеппи громогласно обратился к Кало:

– Принеси-ка нам чего-нибудь сладенького. Возвращение Сабеты надо обмыть.

– Лашенский черный херес подойдет? – уточнил Кало. – Я мечтаю его попробовать! – Он открыл буфет, снял с полки бутылку зеленоватого стекла, наполненную чернильно-черной жидкостью. – Фу, гадость какая!

– Сказала повивальная бабка, принимая роды у вашей матушки, – добавил Цеппи. – Неси бокалы, и церемонный не забудь.

Питомцы Безглазого священника столпились вокруг стола. Отец Цеппи расставил бокалы и откупорил бутылку. Локк, пристроившись за спиной у близнецов, беспрепятственно пиялся на Сабету. Цеппи до краев наполнил один из бокалов густым вином, отливающим в свете люстры черным золотом.

– Этот бокал наполнен для того, кто незримо присутствует за нашим столом: для нашего покровителя и защитника, Многохитрого Стража, Отца уловов и плутней, – торжественно провозгласил он и почтительно отставил бокал в сторону. – Сегодня его милостью мы счастливы отпраздновать возвращение его верного последователя и нашего надежного друга. – Цеппи поднес к губам раскрытую левую ладонь и дунул на нее. – Словом своим и дыханием своим я скрепляю клятву: в ночь Сиротской луны море примет наше благодарственное воздаяние за благополучие Сабеты – ровно сто золотых монет, украденных у честных горожан Каморра.

Ночь Сиротской луны наступала раз в год, зимой, когда фаза новолуния совпадала у всех лун. В день летнего солнцестояния на год старше становились все жители Каморра, знавшие дату своего рождения, а в ночь Сиротской луны то же самое происходило с теми, кто, как Локк, точной даты не знал.

Наполнив остальные бокалы, отец Цеппи вручил их своим подопечным. Локк с подозрением поглядел на густо-черное вино – ему, в отличие от остальных, достался почти полный бокал.

– Возблагодарим же Многохитрого Стража за полные карманы без пригляда, – с улыбкой произнес отец Цеппи.

– За стражу, спящую на посту, – добавила Сабета.

– За город, кормящий нас, и за темную ночь, нас укрывающую, – отозвался Кало.

– И за друзей, помогающих нам тратить добытое! – воскликнул Галдо, завершая ставший уже привычным для Локка тост.

Все пятеро одновременно поднесли бокалы к губам, причем Локку пришлось держать свой обеими руками, чтобы не расплескать.

Глоток черного хереса обволок горло невыразимой сладостью сливок, меда, малины и чего-то еще неведомого, восхитительные ароматы жаркими струйками скользнули в нос и в глаза, сотнями пушинок защекотали нёбо и глотку. Остро сознавая торжественность момента,

Локк храбро, хоть и не без труда, осушил бокал и попытался восторженно крикнуть, но вместо этого поперхнулся:

– Кх-э-э-и-ых!

Звук больше походил на писк умирающего птенца. Локк постучал кулачком в грудь и повторил:

– Эх!

– И я того же мнения, – просипел Галдо. – Обалдеть.

– С виду – жидкое дерьмо, а на вкус – чистая радость, будто ангелы от счастья обоссались, – вздохнул Цеппи, разглядывая свой пустой бокал. – Кстати, если вам подобное пойло еще где-нибудь предложат, лучше сразу отказаться, иначе о тяготах бренного существования быстро забудете.

– А что, в других городах вина винного цвета никогда не делают? – поинтересовался Локк, уставившись на бокал, который почему-то начал расплываться перед глазами.

– Есть вещи, которым близкое знакомство с алхимией идет на пользу, – сказал Цеппи. – Например, твоя голова... Наутро она будет гудеть не хуже колокола, хоть вино и впрямь великолепное.

– Ага, великолепное, – с глупой улыбкой согласился Локк.

По телу разливалось приятное тепло, голова стала легче пушинки, а руки и ноги не торопились повиноваться приказам рассудка. Локк хмелел с неумолимостью стрелы, выпущенной в цель.

– Ну что, дружок, – произнес Цеппи каким-то далеким, глухим голосом. – Нам с ребятами тут надо кое-что обсудить, а тебе пора баиньки.

Ощущение беззаботного счастья внезапно развеялось, сменившись острой обидой. Его отправляют спать, как маленького? Лишают удовольствия пребывать в обществе Сабеты? Локк боялся даже моргнуть, чтобы не выпустить из виду чарующий, хоть и несколько затуманенный образ.

– А? Чего? Я не... – забормотал он.

– Возражения не принимаются, дружок, – ласково сказал Цеппи. – Тебе надо хорошенько отдохнуть, завтра у тебя много дел.

– Завтра?

– Завтра, завтра... – Отец Цеппи осторожно разжал ослабевшие пальцы своего питомца, забрал пустой бокал.

Локк недоуменно взглянул на свою руку – он совсем забыл, что так и не поставил бокал на стол.

– Ступай, дружок, – вздохнул Цеппи.

Крошечной, незамутненной частью сознания, не раз спасавшей его на Сумеречном холме, Локк понимал, что его подпоили нарочно, чтобы он поскорее заснул, – и это огорчало еще больше. Он только начал привыкать к привольной жизни в храме Переландро, но внезапное появление Сабеты как будто снова превратило его в бесправного уличника, которого теперь отправляли в темный угол, пока старшие дети наслаждались какими-то запретными удовольствиями.

– Угу... – буркнул он, впервые отводя глаза от Сабеты. – Я... А... Я рад, что ты здесь...

Ему очень хотелось сказать что-то веское и остроумное, заставить ее повернуть прелестную голову и посмотреть на него с тем же изумлением, с которым он сам глядел на Сабету, однако даже во хмелю он понимал, что скорее обосрется драгоценными камнями, чем сможет придумать некие взрослые, проникновенные слова, способные поразить ее в самое сердце.

– Сабета... – пролепетал он.

– Спасибо, – небрежно бросила она, разглядывая столешницу.

– Ну... это... я знал, что... то есть... Сабета... ох, прости... Я рад, что ты не утопла...

Больше всего на свете ему хотелось, чтобы она назвала его по имени – не Ламорой, не безразличным «он», а Локком, – чтобы она хоть как-то признала его существование, их совместную принадлежность к питомцам отца Цеппи... О боги, он готов был каждую ночь укладываться спать раньше всех, если бы ее тонкие губы хоть раз произнесли «Локк».

– Спокойной ночи, – сказала она.

4

На следующий день Локк проснулся с ощущением, будто в ночи из черепа вынули мозг, хорошенько встряхнули и, перевернув, вложили обратно.

– Испей водицы, – предложил один из братьев Санца, сидевший с книгой на коленях у кровати, и протянул ему деревянную плошку.

Хмель из головы еще не выветрился, поэтому Локк так и не понял, Кало это или Галдо. Вода оказалась тепловатой, но чистой, а горло – донельзя пересохшим, поэтому Локк без особых церемоний выхлебал все до последней капли и прохрипел:

– А который час?

– Да уж за полдень перевалило.

– Ой, а как же...

– Сегодня отдыхаем, – объявил Санца, сладко потянулся и зевнул. – Никакой арифметики. Никакой «погони за герцогом». Никаких иноземных языков. И никаких танцев.

– Подаяния не просим, фехтованию не обучаемся, веревки в узлы не вяжем, стоимость монет не рассчитываем.

– Ни музыки, ни уроков этикета, ни истории, ни дурацкой геральдики, – продолжил Санца с книгой.

– А чем же тогда займемся?

– Мы с Кало должны тебя на ноги поставить и проследить, чтобы ты не упал, – объяснил Санца с книгой. – Ну, в случае чего гвоздиками к половицам приколотим.

– А после этого отправим посуду мыть.

– Ох... – Локк сполз с кровати на пол. – А Сабета... Она правда здесь живет? С нами?

– Правда, – ответил Санца с книгой. – Где ж ей еще жить?

– А она сейчас здесь?

– Не-а. Они с Цеппи слиняли ночное дело разведывать.

– Какое дело?

– Не знаю. Знаю только, что у нас сегодня весь день свободный, а тебе посуду мыть, – вот и все.

5

Кало и Галдо исполняли поручения Цеппи с головокружительной быстротой, но, предоставленные самим себе, были отъявленными лентяями. Их шутки, прибаутки и прочая «помощь другу» привели к тому, что на мытье посуды, с которым Локк обычно управлялся за полчаса, ушел целый день. Когда наконец хлопнула тяжелая потайная дверь, возвещая о возвращении отца Цеппи, пальцы Локка сморщились и побелели от алхимического состава для чистки серебра.

– Молодчина! – одобрительно сказал Цеппи. – Ну как, ты в себя пришел или нет еще?

– Ага, пришел, – кивнул Локк.

– Ночью идем на дело. Надо особняк обчистить, основная работа на твои хрупкие плечи ляжет. – Цеппи похлопал себя по внушительному животу. – Сам-то я в окно не пролезу...

– Как домушники? – восхищенно воскликнул Локк, моментально забыв о нудном мытье посуды. – Ой, здорово... Только как же... вы же говорили, что мы таким не занимаемся.

– Да, обычно мы этим не занимаемся, но тебя надо бы испытать... ради твоего же блага.

– Ладно, – сказал Локк, несколько поумерив восторг. – А меня еще долго будут испытывать?

– Пока не похоронят, мальчик мой, – вздохнул Цеппи, ласково потрепав Локка по голове. – Вот как твой хладный труп в землю зароют, так испытания и закончатся. Так что слушай внимательно и запоминай. Наш человек в банкирском доме Мераджо хорошую наводку дал... – Он взял со стола грифельную доску и начал что-то чертить на ней мелком. – Некий торговец оливками подыскал своему безмозглому сыну невесту знатного рода. А чтобы новая родня чернью не гнушалась, хочет свою мощну порастрясти, золотую пыль им в глаза пустить.

– Как это? – недоуменно спросил Локк.

– Ну, он собирается продать свои цацки драгоценные, чтобы звонкой монеты больше было, – пояснил Кало.

– Молодец, соображаешь, – улыбнулся Цеппи. – Так вот, час назад слуга торговца вынес из банкирского дома котомку ценного барахла и с двумя охранниками отправился в Рациону, где торговец особняк снимает. Кроме них троих, сегодня ночью в доме больше никого не будет, торговец с сыном и остальной прислугой завтра утром из имения приедет. Лучшего случая нам не представится.

– А почему именно нам? Вдруг на него еще кто позарится? – настороженно спросил Локк. – Раз охранников всего двое, то любая шайка в дом может забраться.

– Нет, Барсави этого не позволит, – с усмешкой объяснил Цеппи. – Рациона – квартал тихий, спокойный, там бандиты в особняки не вламываются. Для того Тайный уговор и существует. Кто его нарушит, тому яйца отрежут и вместо глаз вставят. Потому мы не грубой силой в дверь пройдем, а угрем в окно проскользнем.

Он повернул грифельную доску к Кало, Галдо и Локку: в верхней части была начерчена карта с указанием особняка и прилегающих к нему улиц, переулков и проходных дворов, а под ней красовалось изображение широкой ленты с подвешенными к ней овалами.

– Вот что нам надобно, – сказал Цеппи, постукивая по рисунку пальцем. – Ожерелье. Там таких штук двадцать, а потому пропажу не сразу заметят. А это чудо из чистого золота, с девятью изумрудными подвесками. Камушки по одному продадим, золото переплавим, и никто следов не найдет. А нам прибыль.

– Как же мы его добудем? – спросил Локк.

– Очень просто, – ответил Цеппи, почесывая подбородок. – Сам понимаешь, раз это твоя проверка, тебе и добывать. В помощниках у тебя Сабета, у нее в таких делах опыта поболее твоего. Кало и Галдо на крышах засядут, выглядчиками. Если вдруг что неладно – вас сразу предупредят и помогут скрыться. Ну а я буду поблизости ошиваться, на всякий случай, но во всем остальном полагаюсь исключительно на вас, моих вороватых питомцев.

У Локка восторженно забилося сердце. Проверка проверкой, но неужели ему и впрямь выпал случай совершить дерзкое ограбление? Вместе с Сабетой?! Ох, видно, боги ему благоволят...

– А где Сабета?

– Вот здесь... – Цеппи указал на квадратик, начертанный в верхнем углу грифельной доски. – На Виа Селена, у четырехэтажного особняка с садом на крыше. Он-то нам и нужен. Сабета там до темноты пробудет, а как первая луна взойдет, вы с ней вот в этом переулке встретитесь. – Он провел пальцем по рисунку, размазывая мел. – Братья Санца тем временем займут свои посты на крышах, а вы с Сабетой придумаете, как в дом пробраться.

– И все?

– И все. Только запомни: мне нужно всего-навсего ожерелье с изумрудами, а не два и не три, и не купчая на дом, и не фамильные драгоценности из дворца герцога Никованте. Понял? Сегодня тебе лучше не выпендриваться.

6

Наконец-то подлинная каморрская ночь вступила в свои права. Весь час Лжесвета Локк провел в переулке, нетерпеливо ожидая появления Сабеты, но теперь они вдвоем уже сидели на крыше пустого дома по соседству с особняком торговца, прячась в заброшенном садике среди деревянных скамеек и расколотых цветочных горшков. Только-только взошла вторая луна, и в темном небе сверкали и перемигивались целые россыпи звезд, будто тысячи глаз, с любопытством глядящих на Локка.

Сабета растянулась у каменного бортика на крыше, в трех шагах от Локка.

– Заткнись, не отставай и не шуми, – сказала она при встрече.

Локк в точности выполнил приказанное: следом за ней взобрался по каменной стене, выходящей в переулок, цепляясь за резные украшения и подоконники, и очень гордился тем, что переборол желание заговорить с ней, – впрочем, от разговоров его больше удерживал страх ее разозлить.

– Наконец-то уснули, – прошептала Сабета.

Локк вздрогнул от неожиданности:

– Что? Кто?

– Тут три старухи живут, – пояснила она, приложив ухо к крыше и напряженно вслушиваясь. – Их спальни на втором этаже, но осторожность не помешает.

– Ага, – торопливо закивал Локк.

– Ты ведь раньше на крышах не работал? – спросила Сабета, бесшумно приподнявшись и выглядывая за край крыши.

– Не-а, – ответил Локк. – Не приходилось.

Сабета снова устроилась в тени, да так ловко, что Локк не услышал даже шороха ее одежды.

– Ты, главное, рукам воли не давай – придержи только то, что сказано, и ничего больше. Или лучше заранее желтокурточников предупредить, чтобы бочки с водой готовили, на случай если тебе вздумается Рациону спалить?

– Ой, я сделаю все, что скажешь. Осторожненько...

– Все, что скажу? – переспросила Сабета; лицо ее скрывалось в серебристо-серой тени, но в глазах, обращенных к Локку, отразился звездный свет. – Обещаешь?

– Ага, – закивал Локк. – Вот чтоб гореть мне в адском пламени и в огне Древних. Обещаю и клянусь.

– Ну тогда, может, и не напортачишь. – Она поманила его к себе. – Давай сам погляди – только сильно не высовывайся.

Локк осторожно приподнял голову над бортиком: справа виднелась крыша соседнего, нужного им дома с пышным ухоженным садом, а четырьмя этажами ниже серебрилась в лунном свете брусчатка пустынной улицы. Рациона действительно была тихим кварталом: ни пьяниц в канавах и подворотнях, ни драк в тавернах, ни гулко-хлопанья дверей и ставен, ни топочущих желтокурточников с дубинками на изготовку и щитами наперевес. Вдоль улиц, в окнах домов и над дверями диковинными сияющими гроздьями висели алхимические шары-светильники; сумрак окутывал лишь крыши и узкие переулки.

– Кало и Галдо видишь? – спросила Сабета.

– Не-а.

– Вот и славно. Значит, они на месте. Если вдруг желтокурточники откуда ни возьмись объявятся или еще что случится, они орать начнут: «Хозяин вина требует, хозяин вина требует».

– И что тогда?

– Они наутек со всех ног припустят, и мы с тобой драпака зададим.

Сабета придвинулась к нему поближе, и у Локка от волнения перехватило дух.

– Первое правило работы на крышах знаешь? – зашептала она ему в самое ухо. – Прежде чем за дело взяться, разведай, как ноги уносить. Как отсюда уходить?

– Так же, как пришли?

– Нет, это слишком медленно и рискованно. Ночью быстро спускаться опаснее, чем днем. – Сабета указала на тонкую серую полосу посреди крыши, полускрытую разбитыми горшками, поломанными скамейками и покосившимися трельяжными решетками. – Вон, я там веревку привязала, полушелковую. Она футов пяти до земли не достанет. Если вдруг удирать придется, сбросишь ее с крыши и по ней спустишься, понял?

– Ага.

– Ну, теперь сюда смотри... – Она подтолкнула Локка в нужном направлении. – Вон в том переулке через дорогу один из близнецов будет дожидаться, поможет уйти. Цеппи неподалеку прогуливается, в паре кварталов отсюда. А если вдруг что, ищи Кало или Галдо. Понятно?

– Ага. А если ничего страшного не случится?

– Делай то же самое, только не торопись. Ну что, готов?

– Да. А как мы на соседнюю крышу попадем?

– По пожарной доске. – Сабета подползла к длинной узкой доске, прислоненной к бортику. – Такие в каждом доме есть, на случай пожара. Как полыхнет, перекидываешь ее на соседнюю крышу и перебираешься. Если, конечно, с соседями не в ссоре.

Дети осторожно подняли пятнадцатифутовую доску на бортик; Локк всем телом навалился на край доски, будто ядро в ложе катапульты, а Сабета тихонечко подвела ее к бортику крыши соседнего дома. Как только противоположный край доски надежно улегся на парапет особняка, Сабета вскочила на доску и опустилась на четвереньки.

– Ползем по одному: сначала я, потом ты, – прошептала она. – Главное – не суетись и почем зря не высывайся.

Сердце Локка восторженно забилося – вот оно, воровское приключение. Сырой и теплый Ветер Палача, насыщенный запахами возделанных полей, трепал Локковы волосы. На северо-востоке гигантскими тенями в сумраке высились Пять башен, увенчанные серебристыми и золотистыми фонарями, – рукотворные созвездия среди холодных равнодушных звезд.

Наконец пришла очередь Локка. Для взрослого доска была бы слишком узкой, но щуплый мальчишка развернулся бы на ней, не вставая. Локк с легкостью перебрался на соседнюю крышу, перевалил через бортик и присел на корточки, окруженный влажными ароматами ухоженного сада. Над головой шуршала густая темная листва. Сабета, протянув руку из теней, коснулась плеча Локка, и он вздрогнул от неожиданности.

– Ш-ш-ш! Не шуми! – прошептала она. – Я притащу ожерелье, а ты следи, чтобы доска не свалилась. Ну и за крышей тоже присматривай.

– А вдруг что-то случится?

– Топни три раза, да погромче. Если опасность раньше меня заметишь, нам все одно удирать придется. Только имя мое не выкрикивай, понял?

– Да, понял. Ну... это... удачи тебе, – сказал Локк, но Сабета уже скрылась в темном саду.

Чуть погода раздалась тихие щелчки – Сабета, орудуя отмычками, вскрыла замок, – а потом еле слышно скрипнули дверные петли.

Потянулись долгие минуты ожидания. Локк, стоя у края доски, зорко вглядывался во мрак, ведь в сплетении виноградных лоз и среди густых кустов могли прятаться враги. Время от времени он высовывался из-за парапета и проверял, не появился ли кто на соседней крыше.

Внезапно на верхнем этаже особняка поднялся какой-то шум, началась возня. Локк опустился на колени и приложил ухо к теплым каменным плитам, вслушался в голоса. Говорили взрослые, голоса звучали все громче и встревоженней, а потом раздались крики.

– Вляпались, – с ужасом прошептал Локк.

Издалека донесся топот, громко хлопнула дверь; Сабета, выбежав из темноты, схватила Локка за руки и вытолкнула на доску.

– Беги, – выдохнула она. – Быстрее!

– Что случилось?

– Да беги же! Я доску придержу.

Локк стремглав прополз по доске пятнадцать футов и неуклюже перекатился через бортик, едва не вышибив зубы о камни. От удара перед глазами все плыло, но Локк тут же обернулся к Сабете.

– Ну быстрее же! – закричал он.

– Сбрось веревку! – зашипела она в ответ.

– Я тебе доску придержу. – Локк стиснул зубы и, зажмурившись, изо всех сил навалился на доску, хотя и понимал, что со стороны это выглядит нелепо, – весил он чуть больше воробья.

Почему Сабета медлит?

– Сбрось веревку и беги! – завопила она.

Локк приоткрыл глаза и увидел, как к Сабете устремляются темные массивные фигуры взрослых. Сабета даже не обернулась – она обеими руками обхватила доску, пытаясь...

– Не троньте ее! – выкрикнул Локк.

Сабету схватили в тот самый миг, когда ей удалось столкнуть доску с крыши. Тяжелая доска ухнула одним концом вниз, а противоположный конец, взвившись вверх, больно ударил Локка в подбородок и отбросил от парапета. Локк отлетел на середину крыши и повалился навзничь одновременно с гулким ударом доски о камни мостовой четырьмя этажами ниже.

– БЕГИ! – прозвучал крик Саветы и тут же оборвался, – похоже, ей заткнули рот.

Локк поднялся, сплюнул под ноги кровь.

– Проверьте соседнюю крышу! Скорее, на улицу! – завопил грубый мужской голос.

Локк хотел остаться, как-то помочь Сабете, однако ноги, не повинаясь приказам рассудка, сами несли его прочь. Он схватил веревку, сбросил ее с крыши и, не задумываясь, сиганул с четвертого этажа. Мимо пронеслись каменные стены, веревка нещадно обдирала ладони. Локк, вереща от резкой, обжигающей боли, не выпустил веревки до самого конца, кулем свалившись на мостовую.

Болел ушибленный доской подбородок, ладони жгло, будто с них содрали кожу тупым тесаком, голова кружилась, но, к счастью, переломов не было. Локк бросился бежать, шлепая босыми пятками по булыжникам мостовой. Дверь особняка распахнулась, на ярко освещенном пороге возникли два темных силуэта, и преследователи с криками устремились в погоню.

Локк, с усилием дергая ногами, будто поршнями водяного двигателя, свернул в мглистый проулок, стараясь увеличить расстояние между собой и преследователями. Со всех сторон из мрака надвигались зловещие порождения кошмаров, оказываясь на поверку обычными вещами: пустыми бочками, кучами мусора, поломанными тележками и тачками.

За спиной гулко топали сапоги. Локк задышался, шумно втягивая воздух, и отчаянно надеялся, что не наступит босой ногой на разбитую бутылку или острый осколок глиняного горшка. Босиком по стенам карабкаться легче, а вот убегать от погони удобней в обуви. Преследователи приближались...

Локк с разбегу на что-то налетел – с такой силой, что из него вышибло дух. Поначалу он решил, будто врезался в стену, но тут его схватили за рубаху и швырнули оземь; кто-то, выскочив из темноты, бросился прочь – кто-то чуть побольше самого Локка или...

– Ш-ш-ш! Замри! – прошептал ему в самое ухо один из братьев Санца.

Локк оцепенел, прижавшись щекой к холодным мокрым камням. Он сообразил, что его втолкнули в крошечную подворотню, выходящую в кирпичный проулок. Санца, державший Локка, укутал их обоих какой-то тяжелой, волглой и вонючей попоной, оставив в ней лишь узенькую щелочку. Преследователи, бранясь и тяжело переводя дух, промчались мимо двух мальчишек, укрывшихся под грязным тряпьем.

– Они за Кало вволю набегаются, – немного погодя сказал Санца, – а он от погони уйдет и к нам вернется.

– Галдо, Бет поймали! – сказал Локк.

– Знаю, – вздохнул Галдо, сбрасывая вонючее тряпье, оказавшееся ветхой, прогрызенной крысами кожаной накидкой, перемазанной уличной грязью. – Мы едва крики услышали, так сразу и приготовились к худшему. Ну, давай сейчас по-быстрому, только тихо.

Галдо помог Локку подняться и вытолкнул его в проулок.

– Бет поймали! – повторил Локк; по щекам покатались жгучие слезы. – Ее поймали. Надо что-то делать... Надо...

– Да знаю я, знаю! – Галдо схватил его за руку и потащил за собой. – Цеппи придумает, как ее вызволить. Ну, пошли!

Галдо вывел Локка на берег канала, служившего западной границей Рацины. Там, в одном из пустующих складов, пропахшем камфорой и гнилью, дожидался своих питомцев отец Цеппи, облаченный не в рясу священника, а в длинный темный сюртук. Завидев двоих мальчишек, Цеппи встряхнул алхимический шар-светильник, вспыхнувший слабым сиянием, и поспешно направился к ним.

– Их застукали, – сказал Галдо.

– Ее поймали, – всхлипнул Локк, ничуть не стыдясь слез. – Ее поймали! Поймали! А я... А я даже ничего не...

Отец Цеппи притянул его к себе, подхватил на руки и долго поглаживал хрупкие плечи, сотрясавшиеся от рыданий. Наконец Локк немного успокоился.

– Вот и славно, дружок, – сказал Цеппи. – Ты с нами. Все в порядке. Скажи, кто ее поймал?

– Не... не знаю. Кажется, охранники... ну, те, что в доме были...

– Не желтокурточники?

– Не-а... нет, не они. Простите, я не... я не мог...

– Ты бы ей ничем помочь не смог, – уверенно произнес Цеппи, утирая рукавом сюртука мокрые щеки Локка. – Хорошо, что сам ноги унес.

– А мы... мы ожерелье не...

– Плевать я хотел на проклятое ожерелье! – Цеппи обернулся к одному из близнецов. – Где Галдо?

– Тут. Это я.

– Тьфу ты! А где тогда...

– Кало погоню за собой увел.

– И кто за ним погнался? Ты заметил мундиры или ливрею? Оружие у них было?

– По-моему, это не желтокурточники. Скорее всего, охранники торговца.

– Вот же ж адское дерьмо! – Цеппи схватил тяжелую трость (модный аксессуар, при необходимости служивший прекрасной заменой увесистой дубинке), снял с пояса кинжал в ножнах и швырнул его Галдо. – Ждите меня здесь. Свет погасите и спрячьтесь. Да гляди у меня, Кало ненароком не заколи, если он раньше меня вернется.

- А вы куда? – спросил Локк.
- Разобраться, что там происходит.

Цеппи направился к двери с поспешностью, весьма удивительной для человека, обычно жалующегося на полное бессилие и старческую немощь. Галдо швырнул Локку крошечный алхимический шарик, и тот сжал его в ладонях, погасив слабое сияние. Оба мальчугана устроились в темном углу и замерли в настороженном ожидании.

7

Не прошло и часа, как Цеппи привел на склад мертвенно-бледного Кало. Локк метнулся к ним навстречу.

- Где она? – спросил он.

Цеппи поглядел на своих подопечных, вздохнул и негромко произнес:

- Мне нужен самый щуплый.
- Я?

– Да, Локк, именно ты, – ответил Цеппи и, присев на корточки, приобнял братьев Санца за плечи и что-то прошептал им на ухо.

Локк не разобрал, что именно, но близнецы в ужасе отпрянули.

– Голубчики, вы же понимаете, выбора у нас нет, – со вздохом сказал Цеппи. – Так что возвращайтесь домой и ждите нас.

Братья Санца без лишних возражений умчались прочь.

– Пойдем, – обратился Цеппи к Локку. – Сегодня время работает против нас.

– А куда мы идем? – спросил Локк, ускоряя шаг.

– Тут недалеко. Дом в квартале от того особняка, где вы с Сабетой были.

– А... а туда не опасно возвращаться?

– Со мной тебе ничего не грозит. – Цеппи уверенно свернул на широкую улицу, ведущую на восток, туда, откуда совсем недавно сбежал Локк.

– А кто ее поймал? Желтокурточники?

– Нет, иначе ее бы в участок отвели. А ее в доме держат.

– Кто? Те, кого мы ограбить хотели?

– Нет, все гораздо хуже, – вздохнул Цеппи; его лица Локк не видел, но хорошо представлял себе огорченное выражение. – Полуночники. Люди герцога. Его тайный сыск. Ими поведает человек без имени.

– Как это – без имени?

– Его называют Пауком. А Полуночники – соглядатаи, лазутчики и жестокие убийцы – выполняют особые секретные поручения, с которыми желтокурточникам не справиться. Их даже Путные люди боятся.

– А почему они в особняке засели?

– Эх, хочется, конечно, свалить все на простое невезение, но, боюсь, меня неспроста на ожерелье навели. Наводка с подвохом оказалась.

– То есть... ой, значит, среди нас стукач завелся?

– Ты, малец, грех на душу не торопись брать. Такими словами попусту не разбрасываются, – прошипел Цеппи, внезапно останавливаясь.

Он навис над Локком и сурово погрозил ему пальцем; мальчик отшатнулся от неожиданности.

– Для нас, Путных людей, нет хуже оскорбления, так что, прежде чем кого-то в стукачестве обвинять, надо знать наверняка, – мрачно продолжил Цеппи. – Иначе можно и нож под сердце заполучить, ясно тебе?

– Ага, – торопливо закивал Локк.

– В Мераджо у меня человек надежный... – Цеппи размашисто зашагал дальше, и Локк побежал следом. – И во всех своих подопечных я уверен, как в себе самом.

– Я не...

– Знаю, знаю. А это значит, что сама наводка была своего рода ловушкой. Западной для любого, кто на нее купится. Закинули удочку и ждали, какая рыбка клюнет.

– А зачем это им?

– Ну, мало ли... Отыскать воров, у которых связи в Мераджо имеются... узнать, кто дерзнет в тихом квартале особняк ограбить. Как бы там ни было, Полуночники считают, что слишком дерзких воров надо к ногтю прижать, а то и вовсе от них избавиться.

Локк, ухватив Цеппи за рукав, едва поспевал за своим покровителем. Они вернулись в тихие кварталы, где обитали зажиточные горожане, но тишина и покой еще больше напомнили Локку о недавнем происшествии. Цеппи привел Локка в небольшой ухоженный сад за трехэтажным особняком, присел на корточки за каменную стену и указал на дом напротив.

В соседнем дворе стояла карета без гербов, под охраной двух стражников. В доме горели огни, но все окна мозаичного стекла были занавешены толстыми шторами. Лишь на задней стене дома, во втором этаже, оранжевый свет лился из чуть приоткрытого оконца без занавесей.

– Она там? – шепотом спросил Локк.

– Да. Окно открыто.

– А как ее оттуда увести?

– Никак.

– Но... а зачем мы сюда пришли?

– Локк... – Цеппи опустил тяжелую ладонь на правое плечо мальчика. – Она там, связанная по рукам и ногам, под охраной четверых Полуночников. Еще двое во дворе, у кареты. Людям герцога закон не писан. Нам с ними не справиться.

– А для чего вы меня сюда привели?!

Цеппи полез за пазуху, сорвал с шеи шнурок и протянул Локку стеклянный фиал, размером чуть больше мизинца.

– Вот, держи, – вздохнул Цеппи. – Вскарабкаешься по плющу на задней стене, проскользнешь в окно и...

Локка замутило от внезапного озарения:

– Нет, я не могу...

– Послушай, дружок, время не ждет. Нам ее оттуда не увести. А ее вот-вот начнут допрашивать. А знаешь, что такое допрос Полуночников? Каленое железо, ножи и мало ли еще что... Они все досконально вызнают – и про тебя, и про меня, и про Кало с Галдо... И кто мы такие, и чем занимаемся, и где обитаем. И тогда в Каморре нам жизни не будет. Даже Путные люди не помогут.

– Нет, она умная, она ничего не...

– Мы не железные, мальчик мой. – Цеппи крепко, до боли, сжал правую ладонь Локка и вложил в нее стеклянный фиал, согретый теплом его руки. – Мы люди из плоти и крови, и если нас долго мучить, то мы скажем все, что от нас хотят услышать. – Он осторожно сомкнул пальцы Локка над фиалом, медленно отвел руку и негромко произнес: – Она поймет, что с ним делать.

– Я не могу... – умоляюще всхлипнул Локк; по щекам снова заструились слезы. – Прошу вас, не надо...

– Тогда ее будут пытаться, – напомнил Цеппи. – Ты же знаешь, она будет держаться до последнего... Ее ждут страшные муки, долгие часы, а то и дни невероятных страданий. Ей все кости переломают, кожу станут живьем сдирать... Кроме тебя, в окно никто не пролезет. Я вот заметил, что ты при ней сам не свой становишься. Она тебе нравится?

– Да... – Локк уставился в темноту, отчаянно пытаясь найти какой-то выход из безнадежного положения; неужели все, на что он способен, – это забраться в окно и передать Сабете фиал с ядом?

Увы, сейчас дерзкие уловки и ухищрения были бесполезны.

– Это нечестно! – всхлипнул он.

– Нам ее не спасти, – с неподдельной горечью вздохнул Цеппи; скорбный тон подействовал на Локка пуше всяких уговоров, упреков и приказов. – Все остальное только от тебя зависит. Если ты к ней не проберешься, то она еще поживет – недолго, в адских мучениях. А вот если сможешь ей фиал передать, то...

Локк неохотно кивнул, сгорая от ненависти к себе.

– Молодчина, – шепнул Цеппи. – Все, не тяни. Ступай уже. Тихонечко, легче ветерка.

Локку не составило особого труда прокрасться тридцать шагов по темному саду и вскарабкаться по лозам плюща к окну второго этажа, но каждый миг словно бы превратился в час, и мальчик так дрожал от напряжения, что казалось, стук его зубов слышат все в доме.

Милостью Многохитрого Стража тревоги никто не поднял, ставни и двери не хлопали, стражники не метались по саду. Локк осторожно подобрался к окну, приоткрытому на два пальца, и сквозь щелочку заглянул внутрь.

Посреди комнаты стояло громоздкое тяжелое кресло, а в нем, спиной к окну, сидела Сабета. Рядом с ней темнел какой-то громоздкий предмет – нет, огромный здоровяк в длинном черном сюртуке. Локк поспешно втянул голову в плечи. Цеппи был прав – с таким амбалом им вдвоем не справиться, а в доме наверняка есть и другие охранники.

– Я тебе не враг, – произнес здоровяк глубоким низким голосом, четко выговаривая слова. – И прошу я самую малость. Твои друзья наверняка понимают, что тебя не спасти. От нас им тебя не спасти.

Сабета молчала.

Здоровяк вздохнул:

– Наверное, ты думаешь, что мы смилуемся, что не станем измываться над малолетней девчонкой. Только нам терять нечего, а тебе все равно на виселице болтаться, так что рано или поздно ты нам все расскажешь... Поплачешь, покричишь – и расскажешь. В этом мы тебе подсобим. С чистой совестью. Я сейчас отлучусь ненадолго, а ты подумай хорошенько. Участь тебя ждет незавидная, нашего терпения надолго не хватит.

Хлопнула тяжелая дверь, лязгнул ключ в замочной скважине, замок защелкнулся.

Пора. Пора забраться в комнату, передать Сабете фиал и ускользнуть. А потом Сабета выпьет яд, а Локк... Локк...

– А вот фиг вам! – яростно прошептал он, осторожно подтолкнув створку окна вверх.

Подъемные окна были относительно недавним нововведением в Каморре – их было немного, и даже Локк знал, что стоили они немереных денег. Хорошо смазанная створка поднялась легко и почти бесшумно. Он взобрался на подоконник, и Сабета, удивленно раскрыв глаза, повернула голову к окну.

– Привет, – прошептал Локк, неуклюже спрыгивая на мягкий ковер, что несколько подпортило общее впечатление.

Подбежав к креслу, он сокрушенно вздохнул – массивная деревянная конструкция была выше и шире окна и наверняка весила больше самого Локка. Руки Сабеты были свободны, но ноги сковывали тяжелые кандалы.

– Ты что задумал? – прошипела она.

– Тебя спасаю... – Он торопливо оглядел комнату.

Судя по всему, здесь находилась библиотека, но полки были пусты – ни книг, ни свитков, ни острых предметов, ни рычагов, ни завалящего перочинного ножа. На двери тоже не оказалось ни засова, ни защелки, ни крючка.

– Мне отсюда не выбраться, – напряженно зашептала Сабета. – Они вот-вот вернутся... А что это у тебя?

Внезапно Локк вспомнил, что в правом кулаке у него зажат фиал, и, как дурак, поспешно спрятал руку за спину.

– Ничего, – буркнул он.

– Да знаю я, зачем Цеппи тебя прислал... – Сабета устало закрыла глаза. – Ничего страшного. Мы с ним об этом говорили...

– Нет, я что-нибудь придумаю! Помоги мне...

– Не бойся, все будет хорошо. Давай сюда фиал.

– Не дам. – Он умоляюще протянул к ней руку. – Помоги мне тебя отсюда вытащить.

– Локк...

Услышав свое имя из ее уст, Локк оцепенел. Сердце замерло, будто расплющенное ударом тяжелого кузнечного молота.

– Локк, ты обещал сделать все, что я скажу. Помнишь? Ты еще поклялся адским пламенем и огнем Древних... Так вот, пришла пора сдержать слово.

– Но... а как же... ты ведь умрешь!

– Иначе нельзя, – вздохнула она, протягивая к нему раскрытую ладонь.

– Не дам! – Он зажмурился и потер глаза кулаком, стараясь сдержать набежавшие слезы.

– Значит, твоему слову веры нет, Локк?

Он похолодел. Все промахи, допущенные им за свою недолгую жизнь, все ошибки и неудачи, все побои и издевательства, все несчастья и утраты – ничто не могло сравниться с горькой, безысходной болью этого поражения.

Он поднес фиал к протянутой ладони, мимолетно коснулся теплых пальцев Сабеты. Она легонько сжала его руку, и Локк, ахнув от неожиданности, выпустил фиал. Сабета тут же схватила его – не отобрать.

– Иди уже! – прошептала она.

Он ошеломленно поглядел на нее, отвернулся и двинулся к окну, до которого было всего три шага. Ноги не слушались. Чтобы не упасть, Локк оперся ладонью о подоконник, и тут за спиной громко щелкнул замок.

Дверь приоткрылась.

Локк выскочил за окно, ухватился за побеги плюща, льнувшие к кирпичной стене, и...

– Локк, погоди! – раздался знакомый низкий голос.

Изо всех сил вцепившись в подоконник, Локк приподнял голову и заглянул в комнату. В дверном проеме стоял отец Цеппи.

– Ой... – выдохнул Локк, сообразив, в чем заключалось его испытание.

Значит... значит, Сабета не...

Он, обессилев от внезапного счастья, выпустил из рук плющ и с криком сверзился со второго этажа в темный сад.

8

– Да живой он, живой! Я же говорил, – прозвучал в темноте голос одного из близнецов Санца. – Я любому лекарю фору дам. А ты мне за советы платить должен.

– Ага, – ответил ему второй Санца где-то у правого уха Локка. – Тумаками. Тебе понравится.

Локк открыл глаза. Он лежал на столе, в ярко освещенной комнате, неуловимо похожей на пустую библиотеку во втором этаже: кроме стола и нескольких стульев, здесь ничего не было – ни гобеленов на стенах, ни безделушек, словно бы здесь и не жил никто. Локк поморщился, глубоко вздохнул и сел. Спина и голова ныли.

– Ш-ш-ш, не торопись, дружок! – Цеппи подошел к столу. – Ты знатно кувыркнулся. Я не ожидал, что ты такой юркий, а то бы не... – Он попытался снова уложить Локка на стол.

– Вы все меня обманули! – прохрипел Локк, отталкивая Цеппи.

– Прости меня, – негромко произнес Цеппи. – Сам понимаешь, мы должны были убедиться, что...

– Вы меня обманули! – гневно выкрикнул Локк; даже его мучители, Грегор и Веслин, не вызывали в нем такой злости – а ведь он их убил... – Это нечестно! Вы так нарочно подстроили, чтобы...

– Сам посуди, – беззлобно заметил Цеппи, – с настоящими Полуночниками мы бы вряд ли справились...

– Да я не о том, – отмахнулся Локк. – Если бы все было по-настоящему, я бы ее спас!

– Нет, с герцогскими людьми ты бы не совладал, – возразил Цеппи. – А так в безвыходной ситуации поступил правильно.

– Нет, неправильно! ЭТО ВСЕ НЕПРАВИЛЬНО! – Локк изо всех сил пытался сосредоточиться, объяснить, что он имеет в виду. – Настоящие стражники так бы себя не вели. А вы все нарочно подстроили, чтобы у меня выхода не оставалось.

– Верно, – кивнул Цеппи. – Рано или поздно каждый из нас попадает в безвыходную ситуацию. Надо уметь проигрывать.

– Нет, – заявил Локк; жаркая волна гнева окатила его с головы до ног. – ВСЕ БЫЛО НЕПРАВИЛЬНО!

– Он и нам такое же устроил... – Кало утешающе пожал Локку руку. – Даже хуже. Мы вообще чуть не умерли, так хреново было.

– Он нам всем такое же устроил, – вздохнула Сабета.

При звуке ее голоса Локк, задрожав всем телом, повернул голову: Сабета стояла чуть поодаль, скрестив руки на груди, и с непонятным удивлением смотрела на него.

– Он прав, – продолжила она. – Нам надо было убедиться, что ты на это способен.

– И ты с честью выдержал испытание, – кивнул Цеппи. – Даже лучше, чем мы ожидали...

– Нет, это несправедливо! Так нечестно! Все было заранее обречено на провал! – выкрикнул Локк.

– Увы, такова жизнь, – вздохнул Цеппи и повторил: – Надо уметь проигрывать, Локк.

Локк, оттолкнув руку Кало, встал на столешницу и поглядел на Цеппи сверху вниз.

О боги, однажды он уже думал, что навсегда потерял Сабету, а потом оказалось, что она жива. А теперь его самого послали ее убить... Вот почему в нем бушевала злобная ярость, неугасимым костром опаляя сердце. Цеппи заставил его поверить, что он снова с ней расстанется, и на этот раз – навечно; сегодня Локк впервые остро ощутил свою беспомощность в безвыходной ситуации.

– Я больше никогда не проиграю, – веско произнес он, будто найдя решение сложной арифметической задачи, а потом крикнул во все горло, так, чтобы его услышали все в Каморре: – Я БОЛЬШЕ НИКОГДА НЕ ПРОИГРАЮ!

Глава 2

Афера

1

О милосердные боги, – ошеломленно прошептал Локк. – Ваш сын? Настоящий, из плоти и крови? Зачатый... гм-м... традиционным способом?

– Да уж явно не в ведьмином котле, – усмехнулась Терпение.

– Ну, мало ли... – хмыкнул Локк. – Мы же все равно проверить не сможем.

– Другого способа для этого пока не придумали.

– Ох, давайте не будем развивать эту тему, – вздохнул Локк.

– Пока сердце Сокольника бьется, вам незачем меня бояться.

– Ага, так мы вам и поверили! – Защитные инстинкты, отточенные годами побед и поражений, подсказывали Жану, что даже если архидонна Терпение не собиралась немедленно отомстить им с Локком, то подспудно наверняка об этом мечтала. – Его друзья горят желанием нас уничтожить, а вы с печальной понимающей улыбкой нас прощаете... Так, что ли?

– Похоже, вы с сыном не в ладах, – заметил Локк.

– Это еще мягко сказано, – ответила Терпение, не поднимая глаз, что, по мнению Жана, было ей совсем несвойственно. – Еще до того, как Сокольник заслужил свое первое кольцо... он всегда выступал противником моих убеждений – философских, магических и жизненных. Если бы на его месте оказалась я, он тоже не стремился бы к отмщению.

Она медленно повернула голову, и Жан впервые по-настоящему увидел ее глаза: холодные, отрешенные, пронизательные. Такие глаза он мысленно называл «глазами лучника». Их обладатель – хладнокровный убийца, который смотрит на мир как на мишени и поражает первую, не давая окружающим опомниться и сообразить, что время для разговоров миновало. Именно такие глаза были у архидонны Терпение.

– Еще до того, как он договорился с каморрским заказчиком, мы с ним приняли определенные решения, – пояснила она. – Вот только я пока не знаю, стоит ли объяснять вам, что это были за решения.

– Что ж, дело ваше... – Жан, отступив на шаг, примирительно воздел руки.

– И то правда. – Локк закашлялся. – Короче говоря, вы способны нас убить, но почему-то не желаете. Ваш сын сам виноват в том, что умом тронулся, но вам якобы это все равно. Так в чем же дело, архидонна Терпение? Вы в Лашен приехали плащик мне ссудить?

– Я хочу предложить вам работу.

– Работу? – рассмеялся Локк, но смех тут же сменился затяжным приступом кашля. – Работу?! Да я теперь только на подстилку для твоего гроба гожусь, картенская ведьма!

– Пока вы, Локк, находите силы на саркастические замечания, плакальчиков звать преждевременно.

– Я б на вашем месте подсутился... – Локк слабо стукнул кулаком в грудь. – Это раньше я по счетам платить отказывался, а теперь, боюсь, от расплаты не увильнуть. Вот если б вы не растрепали о наших делах архонту Тал-Веррара, он, сволочь эдакая, меня бы не отравил. И тогда, возможно, мы и согласились бы на ваше предложение. А сейчас, увы, времени у меня на вас не осталось.

– Я могу избавить вас от яда.

Жан обомлел. Локк презрительно поморщился. Архидонна Терпение, воздерживаясь от дальнейших объяснений, хранила молчание. За окном выл ветер, сухо потрескивали потолочные балки.

– Херня, – буркнул Локк.

– Вы вините меня во всех ваших злоключениях, полагая меня всемогущей. В таком случае почему бы вам не предположить и обратное? Или вы не допускаете, что я способна оказать любую необходимую помощь? – Она скрестила руки на груди. – Наверняка многие черные алхимики, к которым вы обращались за советом, упоминали картенских...

– Мне плевать на ваше проклятое колдовство! Просто теперь мне ясно, в чем заключается ваша игра. Все это херня. Действие первое: врываются лашенские громилы и обирают нас до нитки. Действие второе: появляется таинственная незнакомка, обещает нам спасение, и мы покорно соглашаемся на все ее предложения. Вы сами все это и подстроили.

– Визит Кортессы вызван тем, что Жан вчера недооценил лекаря, только и всего. Я никакого участия в этом не принимала.

– Весьма убедительное оправдание, – съязвил Локк. – Да за кого вы меня принимаете?! – Он зашелся в очередном приступе кашля, но неимоверным усилием воли подавил его. – О боги, неужели вы думаете, что я не замечу подвоха у себя под носом?

– Локк, успокойся! – Жан тяжело сглотнул. – погоди, давай сначала обсудим...

Понятно, что их пытались заманить в какую-то ловушку, сыграть очередную злую шутку, подстроить каверзу, но... О боги, что бы это ни было – все лучше, чем зловещая безысходность смерти! Мысленно Жан отчаянно молил Многохитрого Стража послать Локку ясность рассудка, хотя бы на несколько минут.

– У меня нет ни денег, ни сокровищ, ни сил устоять на ногах. Одно-единственное, что вы можете у меня отобрать, – это...

– Послушай, если подумать, то...

– Мое имя! – язвительно прохрипел Локк. – Вот что вам от меня нужно! – торжествуя, заключил он, довольный тем, что наконец-то нашел веское, убедительное доказательство своей правоты; судя по всему, Отец уловов и плутней остался глух к мольбам и не послал Локку ясности рассудка. – Сначала вы лишаете нас всего, а потом, за миг до конца, появляетесь и милостиво предлагаете отсрочку. В обмен на мое настоящее имя, разумеется. Потому что за Сокольника вы никого не простили и прощать не собираетесь.

– Вы и так при смерти, – напомнила она. – К чему мне утруждать себя лишними заботами? Да и чем вас еще истязать?

– Да чем угодно, лишь бы желаемого добиться! – Локк утер тыльной стороной ладони кровавую слюну на губах. – Я и сам толк в отмищении знаю, да только ваши возможности мне и не снились. В общем, я твердо уверен, что вы способны на все.

– Положим, ваше настоящее имя я могу узнать без особых трудов...

– Фиг вам, а не...

– Вот начну измываться над вашим приятелем Жаном Танненом, – невозмутимо продолжила Терпение, – так вы сами ваше имя мне и назовете.

– Да ты такая же сволочь, как твой драгоценный Сокольник! – начал Локк. – Стерва...

– Локк! – воскликнул Жан.

– ...та еще... Чего тебе?

– Будь так любезен, – медленно и четко произнес Жан, будто уговаривая расшалившегося ребенка, – заткнись немедленно.

У Локка от удивления отвисла челюсть.

– Она права, – с невольным восхищением продолжил Жан. – Если бы ей надо было узнать твое настоящее имя, то лучшего способа не придумать. Так было бы и быстрее, и проще. Оста-

новить ее я бессилен, мое настоящее имя ей известно. Так почему же я до сих пор не корчусь от боли?

– Потому что если бы этих типов интересовало, как быстрее и проще, то Сокольник бы нас еще в Каморре прикончил.

– Вот межеумок! Подумай хорошенько! Ну почему?

– Потому что ей твоя смазливая рожа нравится?

– Да потому, что если она легких путей не ищет, то...

– Значит, еще какую-то гадость замышляет! – Локк полуобернулся к архидонне, устало закрыл глаза, потер их. – Хочет, чтобы я по своей воле голову в петлю сунул, ясно тебе? Чтоб я сам с обрыва сиганул, чтобы жилы себе вскрыл и кровушку выпустил... Жаждет моим унижением сполна насладиться... – Он снова зашелся кашлем.

Жан, присев на краешек кровати, протянул руку (избитое тело заныло от боли) и легонько похлопал друга по спине. Локк немного успокоился.

– Мы с вами сейчас обсуждаем предложенную работу, – невозмутимо изрекла Терпение. – Ни о каком принуждении речи не было. Как ни странно, меня нисколько не привлекает участь Лучано Анатолиуса или Максилана Страгоса. Я слишком хорошо знаю, что насильно вас работать не заставишь, а потому всего лишь предлагаю взаимовыгодный обмен услугами.

– А вы на самом деле можете избавить его от яда? – спросил Жан. – И для этого вам его настоящее имя знать не обязательно?

– Да. Только времени у нас почти не осталось.

– Если вы лжете, – негромко произнес Жан, – если вы от нас хоть что-то скрываете, то я вас убью. Ну, попытаюсь. Понятно? И плевать я хотел, что вы меня как букашку прихлопнете.

Терпение кивнула:

– В таком случае перейдем к делу.

– Нет уж, спасибо, – прошипел Локк. – Выстави эту стерву за дверь. Я марионеткой быть не желаю.

– Заткнись! – Жан удержал Локка за плечи, не позволяя ему приподняться. – Ну, рассказывайте, что у вас там за дело.

Локк хрипло вздохнул, готовясь разразиться очередной возмущенной тирадой, но Жан стремительно зажал ему рот и вдавил голову в подушку.

– Локкова согласия я вам гарантировать не могу, но мы готовы выслушать ваше предложение. В чем именно оно заключается?

– Видите ли, оно связано с политикой, – ответила Терпение.

– Кгы-ы пышвы-э э-э-о нэ-э хф-ыйый... – глухо замычал Локк из-под руки Жана. – Кхэ-кхы-ва хрэ-мэ м-вх-хэх...

– Он находит это предложение весьма заманчивым, – перевел Жан. – И просит рассказать поподробнее.

2

– Необходимо добиться определенного результата на выборах.

– Какого именно?

– Победы. – Терпение задумчиво поглядела на дождь за окном. – Любой ценой и любыми способами.

– Вообще-то, мы с политиками и правительствами дел никогда не имели, – вздохнул Жан. – Опыта у нас маловато.

– Глупости, – отмахнулась она. – Правительство мало чем отличается от узаконенного воровства, так что вы будете среди единомышленников.

– И что за выборы нам придется подтасовывать?

– Раз в пять лет жители Картена избирают городской совет, так называемый Консель, – объяснила Терпение. – По одному представителю от каждого из девятнадцати округов. Эти distinguished горожане и управляют Карте́ном. От вас требуется, чтобы среди консельеров большинство составляли представители нужной мне партии.

– А мы-то тут при чем? – Локку наконец удалось высвободиться из-под руки Жана. – Говорю же, херня. Да вы своим колдовством добьетесь гораздо лучших результатов, чем мы с Жаном – своими плутнями. Вам стоит лишь пальцем шевельнуть – и горожане любую шелудивую дворнягу в ваш проклятый Консель выберут.

– Нет, – вздохнула она. – Картенские маги публично объявили о своем невмешательстве в дела городского управления, а наши заповеди и вовсе запрещают воздействовать на правительство с помощью магии. И на правительство, и на обычных горожан.

– То есть картенцы вам подчиняются без всякого колдовства? Сами по себе?

– Безусловно. Картен – наш город. В нем все, включая жизнь его обитателей, устроено для нашего удобства. Но в выборы нам вмешиваться запрещено.

– А чего ради вы себе жизнь решили усложнить? Зачем такие ограничения?

– Вы же знаете, на что мы способны... Вы и с Сокольником встречались, и в Тал-Верраре уцелели.

– Ага, уцелели, – буркнул Локк.

– Представьте себе общество, где такими способностями обладает каждый, – пояснила она. – Представьте, что вы на пиршестве, где перед каждым из четырехсот приглашенных лежит заряженный арбалет. Необходимы весьма строгие правила, чтобы гости дожили хотя бы до первой перемены блюд.

– А, понятно, – кивнул Жан. – Не гады там, где ешь, что ли?

– Маги не имеют права применять магию друг против друга, – пояснила Терпение. – Мы во многом похожи на обычных людей – наша жизнь так же сложна и запутана, полна сомнений и конфликтов. Главное отличие заключается в том, что в порыве мимолетного раздражения мы способны легким движением руки стереть противника в порошок. Дуэлей мы не устраиваем, друг перед другом своим искусством не похваляемся и избегаем любых ситуаций, которые могут привести к случайному столкновению наших интересов.

– Вот как выборы, например, – заметил Жан.

– Совершенно верно. Так или иначе, мы должны держать Консель под контролем. После выборов новое правительство становится нашим орудием, но любое наше воздействие на консельеров осуществляется лишь по всеобщему согласию. А вот при проведении выборов применение магии строгойше запрещено, мы остаемся сторонними наблюдателями. Зрителями, если вам угодно. – Она раскрыла ладони, словно взвешивая на них два невидимых предмета. – Картенские маги делятся на две группы. Соответственно, в картенской политике существуют две партии. Таким образом, политическая борьба отражает разногласия между группировками магов. Для проведения политической кампании каждая группировка назначает своего ставленника – не из магов, а из обычных людей. В прошлом такими ставленниками были демагоги и ораторы, политические деятели и народные любимцы, а в этот раз я убедила своих сторонников прибегнуть к услугам лиц с несколько иной репутацией.

– Но почему? – удивился Жан.

– Некоторые любят играть в ручной мяч, а некоторые – в «погоню за герцогом», – с улыбкой ответила Терпение. – А картенские маги предпочитают вот такую игру. Выборы помогают разрядить напряжение между группировками, а победившей партии достается почет и всеобщее уважение. Считайте, что выборы – наша славная традиция.

– Ха, я всегда считал, что вы всем в Картене заправляете, – фыркнул Локк. – Но до такого даже я не додумался. Славно вы над картенскими обывателями измываетесь. Они, бедняги, совершенно уверены, что раз в пять лет свою собственную волю изъясняют!

– Зато, кто бы ни победил в выборах, картенцы живут в прекрасно управляемом городе, – возразила Терпение. – В городскую казну руки никто не запускает, деньгами почем зря не сорят, сам город содержится в образцовом порядке и чистоте. Мы за этим следим.

– Да в вашем кукольном театре всем глубоко по фигу, следите вы за этим или нет, – прохрипел Локк. – А теперь вы, значит, для поддержания чистоты и порядка решили услугами плутов и мошенников воспользоваться? Гениальная мысль!

– Воровство останется воровством, а плутни – плутнями. Приди эта мысль вам в голову, вы бы от такой возможности не отказались. Вдобавок как ни крути, а дело выгодное. Если вы согласитесь принять мое предложение, то не умрете.

– И на какой срок вам понадобятся наши услуги?

– Выборы через шесть недель.

– А на какие шиши? Нам нужны деньги, наряды, жилье...

– Все уже подготовлено: и ваши вымышленные заслуги, и всевозможные удобства, а для проведения избирательной кампании выделены немалые средства...

– Только для избирательной кампании? – спросил Локк.

– Вы шесть недель будете в роскоши купаться. Что вам еще нужно?

– Ох, ради Переландро, а что, в случае победы вознаграждения не полагается?

– Вознаграждения? Вам мало, что я вам жизнь сохраню? Вы будете одеты, обуты, наберетесь сил, получите возможность... вернуться к своим обычным занятиям. А в случае победы мы с благодарностью доставим вас в любой город, по вашему выбору.

– А если мы проиграем?

– Тогда придется пешком из Картена убираться. Поражение мы поощрять не намерены.

– Знаете, вот лично я... – начал Локк.

Жан подавил разочарованный вздох.

– Так вот, лично я от своих слов отказываться не собираюсь. Фиг его знает, на что вы способны. Я вам не доверяю. И предложению вашему не верю, хоть и подловить вас на лжи не могу. Если вы нас обманываете, то, понятное дело, хотите заманить в ловушку, а если не обманываете, то все равно здесь какой-то подвох.

– А как же ваши непрожитые годы? Отпущенное вам время, несвершенные подвиги?

– Да идите вы со своими уговорами. Тоже мне, мать родная выискалась! Если Жан согласен на ваше предложение, лучшего человека вам не отыскать. Вот пусть и займется. Плутовать и мошенничать он не хуже меня умеет, и при этом без меньших хлопот на свою голову. Так что благодарю за визит, рад был познакомиться, а теперь оставьте меня в покое.

– Погоди... – начал Жан.

– Вы меня разочаровываете, – вздохнула Терпение. – Я-то думала, что вам с жизнью жаль расставаться хотя бы ради того, чтобы еще раз Сабету повидать...

– Ах ты стерва! – взвился Локк. – Плевать я хотел, что ты там про меня разузнала, но вот о ней даже не заикайся.

– Как вам будет угодно. – Она небрежно шевельнула правой рукой, между пальцев блеснула серебристая нить. – Похоже, я напрасно трачу ваше время. Ну что, Жан, вы приедете в Картен после того, как приятеля похороните?

– Погодите! – воскликнул Жан. – Послушайте, нам с Локком нужно поговорить. Наедине...

Архидонна Терпение понимающе кивнула; на правой руке снова возникло переливчатое серебристое кружево. Жан моргнул, и гостя бесследно исчезла, словно растворилась в воздухе.

– Охренеть, – буркнул Жан. – Ну ты силен, дружище! Молодец, здорово ее уел.

– Приятно сознавать, что кое на что я еще способен, – ответил Локк.

– Ты совсем спятил? Окончательно и бесповоротно? Она же может тебя спасти!

– Мало ли что она может...

– Локк, соглашайся.

– Она что-то задумала.

– Неужели? Да ты просто гений сообразительности и проницательности! Тоже мне, нашел, чем удивить. Напомни-ка мне, какие у нас еще варианты имеются, а то я что-то подзабыл.

– Ей от меня что-то нужно, вот только она не говорит, что именно! Тебя она уже досуха выжала, ты же сам сказал. Если она захочет с тобой расправиться, тут уж ничего не поделаешь. Но если она все-таки свое обещание сдержит, то бояться тебе нечего.

– То же самое и к тебе относится.

– Нет, игрушкой проклятой ведьмы я не стану! Ни за какие деньги. Жан, ты что, не понимаешь? Картенские маги – нелюди!

Жан холодно посмотрел на Локка, который, будто загнанный зверь, скорчился под богато расшитым плащом архидонны. Бледное, измученное лицо с покрасневшими белками глаз выглядело жутковато в обрамлении дорогой ткани, стоившей не меньше двухлетнего заработка простой вышивальщицы.

– Она права, – негромко произнес Жан. – Она действительно напрасно потратила наше время. Не имеет значения, когда ты умрешь, захлебнувшись собственной кровью, – сегодня или завтра, все равно. Зато будешь собой гордиться. Еще бы, такое достижение!

– Жан, подожди...

– Да запарился я ждать! – вспыхнул Жан.

Долго сдерживаемые досада и горечь наконец-то вырвались на свободу, будто лопнуло последнее волокно донельзя истертого каната. Жаркая волна ярости металась под кожей, захлестнув Жана от макушки до кончиков пальцев. Увы, выплеснуть ее было не на кого, точнее, избить было некого. Попадись сейчас под руку Зодешти или Кортесса, Жан расколол бы им все кости, будто глиняные горшки, а архидонну придушил бы, и никакое колдовство его не удержало бы. Однако как бы он ни злился, а поднять руку на Локка не мог. Приходилось обходиться словами. Припомнив все былые обиды и разочарования, Жан укоризненно произнес:

– Надоело! Я только и делаю, что жду, вот только чего дожидаясь – не пойму. На яхте ждал, пока на тебя яд подействует. Здесь, в Лашене, каждый день гляжу, как тебе становится все хуже и хуже, но как последний дурак жду чуда. А ты...

– Жан, да пойми же, я нутром чую: здесь какой-то подвох!

– Да что ты говоришь?! А то я сам не догадался. Я вот что тебе скажу: раз уж мы знаем, что они нас подловить собираются, обратим это себе на пользу.

– Бросай меня и уходи. Вот увидишь, у них к тебе сразу всякий интерес пропадет. Им же главное – надо мной поиздеваться, а я им этого удовольствия не доставлю.

– Великолепно придумано! Лучше не бывает. Шедевр, да и только. Значит, ты сдохнешь, а твоя смерть доставит им некоторое неудобство. Может быть, даже немного разочарует. Ты им удовольствия не доставишь? Ну да, примерно так же, как если бы я собрался в «погоне за герцогом» твою фигуру с доски снять, а ты бы себе горло перерезал, чтоб мне неповадно было.

– Но ведь...

– Заткнись. Я тебя умоляю, закрой свой проклятый рот. Молчи и слушай. Знаешь, вот когда ты в добром здравии, то сами боги тебе не указ, ты над ними в открытую насмехаешься, но стоит прихворнуть, как ты превращаешься в редкую сволочь.

– Я всегда...

– Нет, вот этого ты в жизни не признаешь. Ты ведь к обычной жизни не приспособлен, Локк Ламора. Помнишь, в Тал-Верраре мы мечтали, как удалимся на покой? А ведь оба прекрасно понимали, что все это – чушь собачья. Ты не умеешь отдыхать. Для тебя покой хуже смерти. Ты мечешься от одной аферы к другой, как паук на раскаленной сковородке. А когда

остаешься без дела – не по своей воле, а вынужденно, в силу обстоятельств, – так вот, когда ты остаешься наедине с собой, когда тебя ничто не отвлекает от дурацких мыслей, то ты и впрямь готов умереть. Ох, какой же я болван! Почему я раньше этого не понял!

– Ты сейчас о чем?

– Помнишь, как мы стеклянное подземелье подожгли, чтобы с убийцей Клопа расправиться? И потом, когда из Каморра сбежали... Помнишь, о чем мы с тобой на корабле говорили? Помнишь, как ты в Вел-Виращо над собой измывался? Серому Королю тебя заколоть не удалось, так ты сам решил в вине утопиться. А теперь вот... Нет, когда ты болен, ты не просто невыносим, ты... Ох, Локк, в старовадранском есть такое хорошее слово *Endliktgelaben* – я его узнал, когда послушником в храме Азы Гийи был. Оно означает, что на человека иногда накатывает такое настроение, когда хочется себя уничтожить. И не умозрительно, из-за дурацкой обиды на жизнь и от жалости к себе, любимому, а в полном смысле слова – покончить со своим бранным существованием раз и навсегда.

– Ох, ради Переландро, Жан! Ни о чем таком я и не помышлял! Можно подумать, у меня сейчас есть выбор.

– Нет, ясное дело, умом ты этого не желаешь, – вздохнул Жан. – Желание это сидит в тебе так глубоко, что ты и сам не понимаешь, что это и откуда. Вот ты гордишься своим благородным, самоотверженным поступком – ну как же, ты герой, вынудил архидонну Терпение убраться восвояси, несолоно хлебавши... А на самом деле это какая-то черная дурь подзуживает тебя изнутри, хочет тебя изничтожить. Уж не знаю, что и когда тебя так напугало, но ты теперь от любой тени шарахаешься и соображаешь с точностью до наоборот.

– Вот раз ты такой умный, то и объясни, что меня так напугало.

– Да не знаю я! Может, наша гостья твои мысли читать умеет, как раскрытую книгу, а мне неизвестно, что у тебя в голове происходит. Зато я тебе честно признаюсь, что меня самого страшит больше всего на свете. Одиночество, вот что! Я боюсь остаться один. Не хочу быть последним из Благородных Каналий исключительно потому, что ты – самовлюбленный осел и жалкий трус!

– Нет, так нечестно, – прохрипел Локк.

– Ну да, нечестно. А ты вспомни, сколько хороших людей за тебя смерть приняли? Давай, продолжай в том же духе, и сам с ними скоро увидишься. И как ты свое появление Кало и Галдо объяснишь? А Клопу? А отцу Цеппи? Наске? – Жан склонился над Локком и прошептал ему на ухо: – А что ты скажешь моей любимой женщине, которая ради тебя, стервеца, сгорела заживо?!

Мертвенная бледность покрыла и без того бледное лицо Локка; он шевелил губами, но не мог вымолвить ни слова.

– Раз уж я с этим живу, то и ты, сволочь несчастная, как-нибудь проживешь! – Жан отступил от кровати. – В общем, ты выбирай, что тебе больше по нраву, а я пока за дверью подожду.

– Жан... позови ее.

– Чтобы что? Напоследок съехидничать захотелось?

– Нет. Прошу тебя, позови архидонну Терпение.

– А, стыдно стало?

– Да. Да! Стыдно. Ну что, добился своего, упрямый осел?

– Значит, в обмен на то, что тебе жизнь сохранят, ты исполнишь все, что от тебя требуется?

– Да зови ее уже скорее! Чем быстрее она меня исцелит, тем быстрее я тебе в морду дам.

– Ох, давно бы так! Терпение! – завопил Жан во все горло, обернувшись к двери.

– К вашим услугам, – раздался знакомый голос у него за спиной.

Жан ошарашенно уставился на нее.

– Я далеко уходить не стала, – объяснила она, предупреждая вопрос. – Значит, вы оба согласны?

– Да, мы...

– На определенных условиях, – вмешался Локк.

– Ты опять за свое?! – укоризненно заметил Жан.

– Я знаю, что делаю! – Локк подавил очередной приступ кашля и обратился к архидонне: – Во-первых, все наши обязательства ограничиваются подготовкой и проведением избирательной кампании. Мы соглашаемся только на это, и ни на что другое. Так что избавьте нас от всяких неожиданностей. Давайте обойдемся без всех этих ваших поганных колдовских штучек.

– Что вы имеете в виду? – спросила Терпение.

– То, что слышали, – хрипло ответил Локк неожиданно окрепшим голосом, как будто злость придавала ему сил. – Чтобы потом через пять лет какой-нибудь из ваших магов не начал утверждать, что за мной должок значит потому, что вы мне жизнь спасли. Вот прямо сейчас нам и подтвердите: как только мы ваши дурацкие выборы проведем, то больше вам ничем не обязаны.

– Да уж, недаром говорят, что нахальство – второе счастье, – вздохнула Терпение. – А в вашем исполнении, Локк, оно и вовсе сродни высокому искусству. Но раз вы настаиваете, то так тому и быть – услуга за услугу, и никаких претензий. Как я и обещала.

– Прекрасно. И еще одно...

– По-моему, за вашу работу вы получите более чем щедрое вознаграждение...

– А по-моему, вы не на рынке с лоточником из-за пирожка торгуетесь. Или вам победа на выборах не нужна?

– Ну и чего же еще вы хотите?

– Ответов. Причем ответов ясных и четких, а не каких-то там отговорок, мол, все это непостижимо, необъяснимо и простым смертным понять не дано...

– И что же вы собираетесь у меня спрашивать?

– А что в голову взбредет, то и спрошу. Про магию вашу, про Картен, про Сокольника или вот про вас. Надоели мне эти ваши так называемые разговоры – муть какую-то разводите, ходите вокруг да около, ничего не поймешь. Нет уж, если я на вас работать согласился, будьте так любезны, объясните, что к чему.

Поразмыслив, Терпение ответила:

– У каждого мага есть частная и публичная жизнь. О последней я готова вам рассказать, а вот первой касаться не советую. Во избежание нежелательных... последствий.

– Договорились... – Локк кашлянул, утер кровавую слюну рукавом рубахи. – Жан, ты согласен?

– Да.

– Вот и славно. Я тоже согласен, – заявил Локк. – Терпение, вы нас наняли. Мы в вашем распоряжении. Можете приступать к исполнению своих обязательств. Избавьте меня от этой дряни.

– Увы, здесь это невозможно, – вздохнула она. – В лашенском порту нас ждет корабль, на котором мы переберемся через Аматель. Чем скорее мы на него попадем, тем лучше. Там у меня уже все готово.

– Ладно, я пойду за... – начал Жан.

Терпение щелкнула пальцами, и входная дверь распахнулась. На улице стояла карета с золотистыми фонарями, запряженная четверкой лошадей.

– Ага, я изумлен до дрожи, – фыркнул Локк.

– Локк, мы и так слишком много времени потеряли, усмиряя вашу гордость. Теперь каждая минута на счету. И без того трудно сказать, выдержите ли вы предстоящее испытание.

– Погодите-ка, я не понял... – сказал Жан. – Что за испытание и почему это он его не выдержит?

– Увы, в этом отчасти моя вина... Надо было раньше к вам прийти, до того, как вы лекарей похищать вздумали. Состояние Локка – хуже некуда, а то, что ему предстоит, не всякий здоровый человек выдержит.

– Но вы же...

– Жан, успокойся, – прервал его Локк. – Ты же помнишь, это наш любимый прием: сначала заманиваем простаков обещаниями золотых гор и молочных рек с кисельными берегами и только потом начинаем уваливать. Поберегите силы, архидонна Терпение. Лучше приступайте к вашему проклятому делу. Я так зол, что мне теперь любое колдовство нипочем.

– Гм, похоже, Жан нашел чем вас пристыдить. Впрочем, я рада, что храбрость к вам вернулась – без нее вам не выжить. – Она хлопнула в ладоши.

На пороге появились два высоких здоровяка в широкополых шляпах и длинных кожаных плащах. Терпение, коснувшись Локкова лба, велела своим слугам уложить больного на носилки. Поначалу Жан с опаской приглядывал за ними, но успокоился, убедившись, что с Локком обращаются заботливо и с должной осторожностью.

– Могу с уверенностью обещать лишь одно: то, что мне предстоит сделать на корабле, будет худшим испытанием в вашей жизни, – предупредила Терпение.

Интерлюдия

Мальчик, который гонялся за красными платьями

1

Ты до сих пор на меня сердит, – вздохнул отец Цеппи.

Это очевидное утверждение не требовало объяснений, потому что чувства Локка были понятны даже самому тупому чурбану.

С «поимки» Сабеты прошли сутки. Локк вполне оправился от падения со второго этажа, но, вернувшись в храм Переландро, ходил туча тучей, разговаривать ни с кем не желал, готовить еду и садиться за стол наотрез отказывался. Отец Цеппи не стал его долго уговаривать, а просто отвел на крышу храма.

В час, когда все видимые массивы Древнего стекла заливали Каморр волшебным сиянием ярче вечерней зари, призрачный ореол Лжесвета льнул к каждому мосту, к каждой башне и к каждому дому, а сумеречное небо над городом казалось темным покрывалом, расшитым тысячами мерцающих стежков.

Парапеты заброшенного сада на крыше храма надежно защищали Локка и Цеппи от любопытных взоров. Мальчик и старик сидели друг напротив друга, окруженные разбитыми цветочными горшками и разошедшимися кадками. Цеппи то и дело затягивался сигаркой, скрученной из листового табака, – тлеющий кончик ее вспыхивал с каждым глубоким вдохом.

– Ну вот, я из-за тебя на анакастийский черный перешел, – пробормотал он. – А ведь для праздника его приберегал. Конечно, ты до сих пор на меня сердит. Тебе ведь лет семь, не больше, и мировоззрение у тебя соответствующее. Вот такой шириты... – Он вытянул большой и указательный палец левой руки и свел их в узенькую щелку.

Такой несправедливости Локк не выдержал:

– Вы все нечестно подстроили!

– Ах нечестно... погоди, ты на полном серьезе веришь в то, что жизнь устроена по-честному, дружок? – Цеппи в последний раз глубоко затянулся и выбросил окурочок в темноту. – В Горелище все до одного перемерли, кроме тебя и горстки твоих приятелей. На Сумеречном холме ты чудом избежал смерти, хотя совершил две непростительные ошибки, за которые и взрослому яйца ободрали бы, как виноградины, а теперь рассуждаешь о том, что честно, а что...

– Не-а... – Праведное возмущение Локка моментально сменилось мучительным стыдом, словно его застали в обмоченных штанишках. – Нет, я не про это. Я знаю, что жизнь не по-честному устроена. Просто... Я думал... Я думал, что вы... ну, что вы...

– Ах, вот оно что! – сказал Цеппи. – Ну я вот себя безусловно честным считаю, это верно. А скажи-ка мне, дружок, что тебя больше расстроило – то, что я тебе соврал про Сабету, или то, что в испытании, которое я для тебя придумал, твоя изобретательность ничем помочь не могла?

– Не знаю... Наверное, и то и другое. И вообще все!

– М-да, обучать тебя формальной риторике, пожалуй, еще рановато, но послушай моего совета: с любым затруднением можно справиться, если рассмотреть его по частям и попытаться найти решение каждой. А теперь я задам тебе еще один важный вопрос. Тебе нравится у нас в храме?

– Да!

– Ты ешь до отвала, спишь в теплой и мягкой постели, одет, обут, развлечений хватает, и купаешься ты дочиста раз в неделю.

– Да. Да, мне все это очень нравится. Ради такого я даже купаться согласен.

– Гм-м. Вот как у тебя молоко на губах пообсохнет и хотелка встанет, тогда и скажешь мне, такой ли уж тяжелый труд – купание, особенно когда вокруг начнут увиваться девицы с весьма осязаемыми прелестями.

– Чего-чего? Как у меня что?

– Да ничего особенного. Не волнуйся, у тебя будет достаточно времени над всем этим поразмыслить. Значит, тебе у нас нравится. Здесь уютно и безопасно. А как здесь с тобой обращаются – так же, как на Сумеречном холме?

– Не-а... Нет, совсем не так.

– И все же ничего из вышеперечисленного не оправдывает нашего вчерашнего гнусного поступка, так? Никто из нас не заслуживает твоего доверия? И ты никого из нас прощать не собираешься – ни за что и никогда?

– Ну... я... не-а, я не... просто... а... – Локк отчаянно пытался ухватить ускользающую нить красноречия, но, по обыкновению, промахнулся. – Ну я же не в том смысле... мне... ох, да я...

– Ш-ш-ш, успокойся, дружок. Хоть ты пока и невежа неотесанный, да и невежда тоже, но, возможно, в чем-то ты и прав. А теперь слушай меня внимательно. Мы здесь все обитаем под одной крышей. Конечно, в храме гораздо лучше, чем на Сумеречном холме, однако рано или поздно даже родные стены начинают давить на тех, кто за ними бок о бок живет.

– А мне не давят, – торопливо возразил Локк.

– Понимаешь, голубчик, дело не в стенах, а в людях. Если богам будет угодно, то храм Переландро долгие годы будет служить родным домом и тебе, и Сабете, и братьям Санца. Вы станете одной большой семьей. А между родственниками всегда возникают... некоторые недоразумения. Поэтому всякий раз, как тебе что-то не по нраву придется, не стоит затыкать жопу пальцем и изображать из себя каменную стену. Нам всем пора понять, что размолвки и недоразумения лучше всего разрешать словами, иначе, да хранит нас Многохитрый Страж, в один прекрасный день мы проснемся с перерезанным горлом.

– Я... мне... ох, извините, я же не хотел...

– Ну чего ты жмешься, как побитый щенок? Лучше заруби себе на носу, что, коль уж ты живешь с нами, тебе в обязанность вменяется элементарная вежливость, равно как сбор милостыни на ступенях храма и мытье посуды. А теперь, пока я нежусь в ореоле славы, с ловкостью заправского фехтмейстера изложив очередное глубокомысленное поучение, умерь свои восторги, и давай-ка обсудим все, что произошло прошлой ночью. Во-первых, ты расстроился, потому что все было подстроено так, что тебе другого выхода не оставалось – разве что свернуться в клубочек и рыдать.

– Ага... Потому что если б все было по-настоящему, то стражники... Ну они бы меня не ожидали, и вообще...

– Верно. Если бы там были люди герцога, то кое-кого можно было бы подкупить, или они небрежно отнеслись бы к поручению и не стали бы строго охранять какую-то девчонку. Ты это имеешь в виду?

– Угу.

– Ну а если бы они на самом деле были герцогскими стражниками, то, скорее всего, отвели бы ее в действительно неприступное место... например, во Дворец Терпения. А вместо шести стражников могло бы быть двенадцать, или двадцать, или вообще весь отряд Полуночников, и все они шастали бы по улицам, чтобы тебя отыскать. Для доверительной беседы... – Цеппи ткнул Локка указательным пальцем в лоб. – Нельзя во всем на удачу полагаться. Сколько

ни жалуйся, что тебе не везет, станет не лучше, а только хуже. И вот это затверди крепко-накрепко. Всегда может быть хуже. Понял?

Локк кивнул с видом школяра, которого заставляют принять на веру нечто недоступное его разумению и непостижимое, как число ангелов, играющих в ручной мяч на краю розового лепестка.

– Что ж, если мои слова заставят тебя хотя бы чуть-чуть задуматься, то, можно сказать, я свою задачу выполнил. Мал ты еще, дружок... не сочти за оскорбление. – Отец Цеппи с хрустом размял костяшки пальцев. – В конце концов, ты во всеуслышание объявил, что проигрывать больше не намерен. Прости, голубчик, но это так же маловероятно, как то, что я начну золотыми слитками срать.

– Но ведь...

– Локк, хватит уже. Нрав у тебя упрямый, и почему зря уговаривать я тебя не собираюсь. Лучше вернемся к нашему предмету разговора. А во-вторых, ты расстроился из-за того, что я поручил тебе сделать... для Сабеты.

– Ага.

– Ты к ней питаешь... ну, скажем, некие теплые чувства.

– Я... я это... не...

– Ш-ш-ш! Это важно, так что отнекиваться не стоит. Я же вижу, что тут замешано нечто большее, чем оскорбленное самолюбие. Расскажи-ка мне, дружок...

Локку больше всего на свете хотелось сбежать куда глаза глядят, но он нашел в себе силы, запинаясь, поведать Цеппи о своем знакомстве с Сабетой и о ее последующем исчезновении.

Небо постепенно темнело, город погружался в сумрак.

– Тьфу ты! – вздохнул Цеппи, выслушав сбивчивый рассказ своего подопечного. – Теперь понятно, отчего ты так расстроился... Я и сам никому не пожелаю такое дважды пережить. Прости меня, Локк. Если честно, я и не подозревал, что ты еще на Сумеречном холме к ней привязался.

– Да ладно... – буркнул Локк.

– По-моему, ты влюбился, дружок.

– Это как? – Локк примерно представлял, что это означает, но слово «влюбился» казалось ему куцым. Недостаточным.

– Нет, что ты, я не намерен умалять твои чувства, мой мальчик. Влюбленность накатывает на человека, как болезнь, опаляет жаром. Мне это хорошо известно. И хотя плоть твоя по-настоящему к этому еще не готова, влюбленности до этого дела нет. У нее своя сила. Такая вот проблема.

– И что в этом хорошего?

– А то, что влюбленность проходит. Уж поверь мне на слово. Влюбленность – как искры, летящие из пламени костра: сначала горят ярко, обжигают, но быстро гаснут.

Локк задумчиво наморщил лоб – ему совсем не хотелось расставаться с чувствами, которые он питал к Сабете. В них таилась какая-то загадка, манящая и приятная до дрожи.

– Ты, конечно же, мне сейчас не веришь или верить не желаешь, – вздохнул Цеппи. – Что ж, я тебя отговаривать не собираюсь. Но имей в виду, вам с Сабетой все время жить бок о бок придется, так что через пару лет она тебе будет как сестра. Постоянное общение стачивает остроту чувств, по себе знаю.

2

Шло время, дни и месяцы складывались в годы, к Благородным Канальям присоединился Жан Таннен. Летом семьдесят седьмого года Переландро, два года спустя после появления

Жана, в Каморре наступила засуха, и уровень Анжевины понизился на десять футов. Вода в каналах побурела и загустела, стала вязкой, как кровь в жилах покойника.

Великолепные канальные деревья, которые обычно покачивались на воде, впитывая длинными ползучими корнями зловонные городские нечистоты, сбились в кupy у берегов Анжевины и на Плавучем рынке; раскидистые кроны поникли, блестящая листва, обычно отливающая изумрудным шелком, поблекла и скукожилась, а корни обвисли, будто щупальца дохлых морских гадов. День изо дня Храмoвый квартал окутывали клубы густого дыма – в каждом храме приносили жертвы, сжигая на алтарях все, что попадалось под руку, в надежде вымолить у богов очистительный ливень. Увы, дождя все не было и не было.

В Котлище и в Отбросах, где люди ютились в тесных хибарах без окон, участились убийства. Герцогские труполовы, вылавливая смердящие тела из каналов и отхожих мест, весело насвистывали – за работу им платили поштучно. Путные люди Каморра проявляли бoльшую заботу о чистоте городского воздуха, а потому избавлялись от улик, по ночам сбрасывая трупы жертв в гавань, на радость хищникам Железного моря.

Вечера на крыше храма особого удовольствия не доставляли из-за палящего зноя, едкого дыма и невыносимого зловония, поэтому отец Цеппи позволил своим пятерым подопечным собираться на кухне, в прохладной свежести стеклянного подземелья. В последнее время из-за жары Цеппи временно прекратил уроки кулинарного мастерства, и едой запасались в ларьках у Плавучего рынка.

В тот вечер, впервые за полгода, все питомцы Цеппи оказались дома одновременно. Безглазый священник с искусством заправского жонглера то и дело отправлял каждого из подопечных обучаться различным ремеслам или в храм кого-нибудь из двенадцати богов, для тщательного ознакомления с обычаями, ритуалами, особенностями поведения и тайными традициями. Все это Цеппи организовывал с помощью необычайно разветвленной сети знакомств, простиравшейся далеко за пределы каморрского преступного мира, а щедрые пожертвования горожан с лихвой покрывали плату за обучение.

К этому времени малолетние питомцы подросли. Кало и Галдо первыми вступили в подростковый возраст; близнецы вытянулись, несколько подрастеряв прежнюю грацию движений, а их некогда гармоничные голоса начали ломаться. Жан Таннен все еще напоминал румяного пухлого ангелочка, но плечи его уже раздались вширь, а навыки, приобретенные в войне с Полукронами, придавали ему вид уверенного в себе человека, привыкшего знакомить врагов с булыжниками мостовой.

Локк, замечая перемены во внешности приятелей, втайне горевал: голос у него пока не ломался, а сам он хоть и окреп, но в окружении приятелей повыше и пошире все еще выглядел щуплым коротышкой. Его не утешало даже то, что во всех своих проделках Благородные Каналы полагались в основном на его хитроумие и изобретательность. Больше всего он ощущал свою ущербность в присутствии Сабеты.

Неизвестно, как Сабета относилась к тому, что была единственной девочкой среди Благородных Каналей, – сама она об этом никогда не говорила. Недавно она вернулась домой после продолжительного обучения у судебного стряпчего, и ее внешность тоже претерпела разительные перемены. Она по-прежнему была чуть выше Локка, и алхимические красители все так же скрывали естественный цвет ее волос, заплетенных в тугую косу, однако под тонкой сорочкой уже наметились соблазнительные округлости груди, а восхищенный взгляд Локка не преминул подметить и другие прелести юной девичьей фигуры.

Врожденная грация Сабеты с возрастом лишь увеличилась. Для троих мальчишек Локк был бесспорным главарем Благородных Каналей, но Сабета, обладая властью иного рода, не оспаривала, но и не вполне признавала его главенство. В ней сквозила какая-то серьезная вдумчивость, не свойственная ни одному из мальчишек, и Локка очень привлекало это качество. Непонятным образом перескочив через отрочество, Сабета избежала комичной щеня-

чей неуклюжести, доставившей немало страданий близнецам Санца, и неожиданно повзрослела, словно бы ей, единственной из всех Благородных каналов, не терпелось приступить к тем важным, взрослым делам, для которых отец Цеппи так тщательно готовил своих питомцев.

– Сударыня, – сказал Цеппи, входя на кухню, – и вы, судари мои, уж какие есть. Премного благодарен за то, что вы явились по моему первому зову, и за вашу любезность я отплачу тем, что направлю ваши легкие стопы на извилистую стезю обид и огорчений. Мне с недавних пор чудится, что вы уж слишком дружно живете. Мирно, можно сказать.

– Прошу прощения, сударь, – учтиво возразила Сабета, – но вы ошибаетесь. Взять, к примеру, Кало и Галдо...

– Ну, Кало и Галдо так друг с другом общаются, – фыркнул Цеппи. – Вот мы с вами, сударыня, объясняемся словами, а близнецы Санца между собой выражают свои мысли громким пердением, а для пущей ясности подкрепляют их тумаками. А мне надобно, чтобы вы все друг с дружкой поцапались.

– То есть как это? – спросил Локк. – Подрались, что ли?

– Ой, а можно я подерусь с Сабетой?! – тут же выкрикнул Кало. – А потом пусть Локк меня побьет.

– И меня тоже пусть Локк побьет! – добавил Галдо.

– Да тихо вы, мартышки репоголовые! – сказал Цеппи. – Я вовсе не о драках говорю. Я вам много испытаний устраивал, проверял и поодиночке, и всех разом. И что самое удивительное, вы их с честью выдержали. А сейчас настало время ваш уютный мирок разворошить. Устроим состязания.

– Какие состязания? – спросил Жан.

– Очень увлекательные, – ответил Цеппи, поигрывая бровями. – Особенно для согбенного старца, который будет на них смотреть. За прошедшие три-четыре года вы наверняка хоть чему-то научились, вот и поглядим, усвоили ли вы преподанные уроки и пригодятся ли они вам в состязании с хорошо подготовленным противником.

– Значит, с Жаном нам драться не надо? – вмешался Кало. – Это я так, для уточнения спрашиваю. На всякий случай.

– Гм, на это только невероятный глупец согласится.

– Ага, – кивнул Кало. – А как мы будем состязаться?

– Лето выдалось жаркое, – заметил Цеппи. – Вот я и решил, что в вашем обучении пора перерыв устроить. Погоняетесь друг за другом по нашему прекрасному городу, а я на вас полюбуюсь. И начнем мы с... – Он наставил указующий перст на Локка. – Да вот хотя бы с тебя. И... – Палец медленно описал дугу в воздухе и уперся в Сабету. – И с тебя.

– И что от нас требуется? – спросил Локк, в животе у которого тысячи проклятых бабочек моментально затрепетали крылышками бритвенной остроты.

– Да ничего особенного – обычная слежка и уход от таковой. Завтра в полдень, на улице Златохватов.

– На виду у сотен людей, – невозмутимо добавила Сабета.

– Совершенно верно, голубушка. Легко следить за своей жертвой, если загодя к засаде подготовиться. Но вам предстоит кое-что потруднее. Ты пойдешь с южной оконечности улицы Златохватов, а в открытой сумке у тебя будет четыре мотка шелка разных цветов – так, чтобы их можно было разглядеть шагов с двадцати, не ближе. Так вот, неторопливо прогуляешься по всему кварталу, а в это время за тобой увяжется Локк, в сюртуке с медными пуговицами – число пуговиц тоже можно сосчитать не ближе чем с двадцати шагов. Условия игры чрезвычайно просты. Для победы Сабете надо пройти по мосту Золотонош с улицы Златохватов в Двусеребряный парк так, чтобы Локк не успел разглядеть, какого цвета шелк у нее в сумке. Или сосчитать пуговицы на сюртуке Локка. Меня удовлетворит лишь один-единственный правильный ответ, никакие догадки и предположения не принимаются.

– Погодите-ка, а почему у Сабеты два способа победить, а у меня только один? – возмутился Локк.

– А ты мост Золотонош подожги, может, и выиграешь, – сладким голосом произнесла Сабета.

– К счастью для Каморра, мост Золотонош – каменный, – сказал Цеппи. – Да, у Сабеты два способа выиграть, потому что ей не только содержимое сумки придется уберечь, но и, как было сказано, вести себя чинно, с достоинством. Добрые каморры по кварталу Златохватов неспешно прогуливаются, по крышам не бегают и в подворотнях не ошиваются. Локк, у тебя свобода передвижения почти неограниченна, но предупреждаю – лишнего шума не поднимай.

– Угу.

– Прикасаться друг к другу нельзя. Прикрывать мотки шелка или пуговицы нельзя. Чинить препятствия друг другу тоже нельзя. Ах да, и за помощью к другим Благородным Канальям обращаться строго запрещено.

– А что же мы будем делать? – спросил Галдо.

– Дома сидеть, – ответил Цеппи. – Вместо меня на ступенях храма милостыню просить.

– Да ну... Интересно же поглядеть...

– Нет уж, на этот раз обойдемся без зевак. Наблюдать за состязанием буду я сам, вернусь – все вам красочно изложу. А теперь... – Он вытащил два кожаных кошелька и швырнул их Сабете и Локку. – Вот вам на расходы.

В кошельке Локка оказалось десять серебряных солонов.

– За ночь обдумайте хорошенько, что и как, – предупредил Цеппи. – Сами решайте, надо ли вам что-нибудь покупать, но ни в коем случае не тратьте больше, чем вам выдано.

– А вот зачем все это? – спросил Локк.

– Чтобы проверить, насколько...

– По-моему, он хочет узнать, какая награда ожидает победителя, – сообразила Сабета.

– Ну конечно! – улыбнулся Цеппи. – Кроме кратковременного, но весьма удовлетворительного ощущения своего морального превосходства, победителя ожидает освобождение от мытья посуды сроком на три дня. Эта тяжелая работа достанется побежденному.

Локк устался на Сабету. Она, помедлив, кивнула, и он сделал то же самое. Сабета погрузилась в размышления, и Локк несколько напрягся: в своих способностях он нисколько не сомневался и хитростью мог выманить все что угодно – от кошельков до свежих трупов, а вот всех умений Сабеты не знал никто. В храме она была редкой гостьей, почти все время проводила в обучении непонятным наукам и наверняка могла доставить Локку немало неприятных сюрпризов.

3

Немного погодя Сабета ушла из храма готовиться к завтрашнему состязанию, и Локк, переодевшись в белую рясу послушника Переландро, торопливо последовал за ней, однако на жарких, задымленных улицах Храмового квартала тут же потерял ее из виду. Может, она где-то притаилась и хочет за ним проследить, выведать, что он на завтра задумал? Впрочем, никаких определенных планов у него все равно не было, так что и выведывать было нечего.

Поработав, он решил отправиться на улицу Златохватов, дабы освежить в памяти место предстоящего действия.

Чувствуя себя в полной безопасности под защитой рясы послушника, Локк спрятал руки в широкие рукава и засеменил по ночным улицам, – впрочем, в богатых городских кварталах ему особо ничего не угрожало. Он дважды прошелся по улице Златохватов в оба конца, но так ничего путного и не придумал.

Улица была пустынна, банкирские дома закрыты тяжелыми ставнями, в тавернах и кофейнях сидели редкие посетители, а по каналу, источавшему неприятный душок, редко-редко проплывали лодки с подвыпившими гуляками. Напрасно Локк разглядывал памятники, мосты и опустевшие площади – вдохновение снисходить не торопилось.

В конце концов он уныло отправился домой, улегся спать и, прислушиваясь, не прозвучат ли легкие шаги Сабеты в стеклянном туннеле, ведущем из храма в подземелье, сам не заметил, как уснул.

4

Палящие лучи полуденного солнца заливали улицу Златохватов, как потоки расплавленной бронзы, но знатных каморрцев это ничуть не смущало. Локк и Сабета готовились присоединиться к толпе разнаряженных обывателей.

– На этом роскошном поле, дети мои, состоится ваша великая битва, – торжественно возгласил Цеппи, – из которой один выйдет, осиянный славой победителя, а другому достанутся груды грязных тарелок.

Отец Цеппи, штурмуя головокружительные высоты каморрской моды, нарядился в черный бархатный камзол, под которым красовался дублет, шитый жемчугом; внушительный живот Безглазого священника обхватывали три широких пояса с крупными серебряными пряжками, кудри каштанового парика прикрывала широкополая шляпа, а по лицу ручьями струился пот, которого с лихвой хватило бы, чтобы наполнить один из многочисленных каналов города.

Локк был одет куда скромнее: белый дублет, черные панталоны и удобные прочные башмаки. Сюртук с медными пуговицами оставался у Цеппи до тех пор, пока Сабета не займет свое место. Сегодня Сабета надела простое льняное платье, темно-красное, почти багряное, с такой же пелериной, а волосы и лицо скрыла под четырехуголкой с длинной дымчатой вуалью – этот головной убор вошел в моду из-за жары и невыносимой вони в городе. Отец Цеппи, с головы до ног осмотрев своих подопечных, остался доволен: Локк и Сабета выглядели как хорошо одетые слуги или небрежно наряженные отпрыски зажиточного семейства – если не станут поднимать шума, то не привлекут к себе ничего внимания.

– Ну что, милые мои, день в полном разгаре. Время не ждет. – Цеппи присел на корточки и притянул к себе детей. – Готовы?

– Конечно, – заявила Сабета.

Локк просто кивнул.

– Пропустим даму вперед, – предложил Цеппи. – Ровно через двадцать секунд открывай сумку. Я буду следить за вами из толпы всевидящими очами безжалостного божества. Того, кто попытается меня обмануть, ждет грозная кара. Ну, ступай!

Сабета скользнула в толпу, а Цеппи придержал Локка за руку. Немного погодя он повернул мальчика лицом к себе и набросил ему на плечи сюртук. Локк торопливо ощупал правую сторону, насчитав ровно шесть пуговиц.

– И воздел я мощную длань, и отправил тебя в путь... – Цеппи легонько подтолкнул Локка в спину. – Ну, счастливой охоты, дружок. Посмотрим, сокол ты или попугайчик.

Пробравшись в толпу, Локк огляделся, отыскал взглядом темно-красное платье. Сабета шла ярдах в тридцати от него, направляясь на север. По улице Златохватов прохожие прогуливались неспешно, небольшими группами, среди которых Локку было удобно лавировать, а Сабете – никуда не скрыться.

Локк дрожал от восторга, но, надо признать, вовсе не чувствовал себя соколом. За ночь он так и не придумал никакого плана, во всем полагался лишь на свое хитроумие и на счастливый случай, тогда как Сабета наверняка была способна на что угодно... А вдруг она нарочно

всю ночь не являлась домой, чтобы Локк подумал, будто она усиленно готовилась к сегодняшнему испытанию?

При этой мысли Локк едва не застонал от ужаса, но вовремя сообразил, что сам себя запугивает прежде времени – Сабета пока ничего не предпринимала.

Поначалу ничего особенного не происходило. Локк украдкой подобрался чуть поближе, хоть и с большим трудом – Сабета была длинноногой, и шаг у нее был шире. Со всех сторон до него доносились обрывки разговоров: на улице Златохватов прохожие обсуждали торговые синдикаты, прибытие и отправление кораблей, процентные ставки, скандальные происшествия, погоду и тому подобное, – в сущности, разговоры мало чем отличались от бесед, что велись и в кварталах победнее, хотя там наверняка понятия не имели о нормах прибыли с учетом реинвестирования, но и там, и здесь судачили об игре в ручной мяч и о любовных интрижках.

Локк устремился вслед за Сабетой. Если она его и заметила, то шаг ускорять не стала – в конце концов, ей приходилось держать себя чинно. Впрочем, она постепенно удалялась от берега канала, стараясь держаться поближе к ступеням банкирских домов слева от Локка.

Сумка с мотками шелка небрежно висела на правом плече Сабеты, но девочка совершенно естественным образом сдвинула ее чуть в сторону и вперед, к правому бедру, так что Локк не видел содержимого. Ах вот как?! Локк, не касаясь ряда медных пуговиц с правой стороны сюртука, выдвинул вперед левое плечо, чтобы правая сторона груди ненароком не попала Сабете на глаза.

Цеппи маячил огромной темной тенью где-то по правую сторону Локка и, судя по всему, не считал такое поведение нарушением правил. Прищурившись, Локк быстро огляделся по сторонам – не скрыт ли где в толпе подвох или угроза – и снова уставился на Сабету, которая как раз в этот миг устроила небольшое представление.

Словно бы случайно споткнувшись (этот четко отработанный прием был хорошо известен Локку), она ткнулась в широкий, обтянутый шелком зад какого-то важного негоцианта. Тот резко оглянулся, но Сабета, повернувшись к Локку в профиль, отвесила торговцу церемонный поклон, пробормотала какие-то извинения и одновременно сдвинула сумку вбок, подальше от глаз Локка, хотя сама наверняка косилась на него из-под вуали. Локк, ожидавший этого, повернулся к ней левой стороной, якобы разглядывая что-то важное справа от себя. Ха! Явная ничья!

Локк не расслышал, что именно Сабета говорила толстяку, но тот, удовлетворенный принесенными извинениями, важно прошествовал по своим делам, а девочка торопливо направилась дальше. Локк поспешил за ней. Щеки у него покраснелись не только от жары – он сообразил, что они уже прошли половину южной оконечности улицы Златохватов, почти четверть отведенного им места. Вдобавок он только сейчас понял, что Сабета его дразнит – ведь ей вовсе не требуется пересчитывать пуговицы на его сюртуке, достаточно просто дойти до моста Золотонош и пробежать к Двусеребряному парку.

Она продолжала уклоняться вправо, подбираясь к какому-то банкирскому дому – внушительному высокому зданию с фронтоном, украшенным массивными квадратными колоннами с резными изображениями толстопузого Гандоло, Отца удачи, Покровителя сделок и звонкой монеты. Сабета взбежала по ступеням на крыльцо и скрылась за колонной.

Наверное, она заманивает его в ловушку, хочет получше разглядеть пуговицы на сюртуке. Локк, повернувшись левым боком в ту сторону, где скрылась Сабета, устремился к колоннам банкирского дома. А вдруг она решила войти внутрь? Нет, вот она...

О боги, их две! Из тени колоннады выступили две стройные девичьи фигурки в одинаковых багряных платьях и четырехуголках с длинными вуалями; на правом плече у каждой висела раскрытая сумка.

– Не может быть... – прошептал Локк.

Увы, так оно и было. Ночью, пока Локк шатался по пустынным улицам, не зная, что предпринять, Сабета раздобыла одинаковые наряды и договорилась с какими-то подругами. И так, Сабета и ее двойник оставили за спиной резные изображения толстого бога и направились на север, к мосту Семи фонарей, отмечавшему середину места, отведенного для состязания. Локк напряженно всматривался в две одинаковые фигурки – он считал, что изучил каждую черточку Сабеты, но сейчас никаких отличий между девочками обнаружить не мог.

– Вот засада... – буркнул он, пытаясь получше разглядеть сумки – уж в них-то наверняка можно заметить различия.

– Кровь за дождь! – прогремел у него над ухом громовой голос.

На Локка надвигалась процессия священнослужителей в черно-серых рясах; на мантиях красовались скрещенные молоты и лопаты – символы Морганте, Отца города, бога порядка, священноначалия и тяжелых последствий, покровителя судей, констеблей и палачей. Воры, еретически признавая существование Безымянного Тринадцатого бога, считали Морганте единственным враждебным божеством среди двенадцати теринских богов и никогда по своей воле не посещали его храмов.

Полтора десятка служителей Морганте волокли за собой телегу, на которой высилась железная клетка. В клетке стоял изможденный человек, скованный цепями; тело его покрывали кровавые шрамы. За клеткой одетый в черное священник держал в руках деревянный шест с прикрепленным к нему острым загнутым ножом длиной в палец.

– Кровь за дождь! – снова заорал один из священнослужителей, и послушники протянули в толпу прохожих корзинки для сбора подаяния.

Судя по всему, совершалась передвижная церемония жертвоприношения: за каждую монету, брошенную в корзинку, человек в клетке получал весьма болезненный, но тщательно рассчитанный порез. Узник наверняка был преступником, ожидавшим казни во Дворце Терпения, – за то, что вызвался стать добровольной жертвой, полагалось смягчение наказания. Впрочем, Локку некогда было раздумывать над судьбой узника: две фигурки в красных платьях, обогнув процессию слева, почти затерялись в толпе. Локк метнулся за ними, держась на почтительном расстоянии от процессии, чтобы ни на кого больше не натолкнуться.

Девочки в красных платьях невозмутимо направлялись к мосту Семи фонарей. Локк чуть замедлил шаг, не желая подбираться к ним слишком близко: на широком мосту вполне могли разъехаться два экипажа, но спрятаться там было негде. Теперь Локк следовал за ними как привязанный, держась на расстоянии тридцати ярдов. Подумать только, вот уже половина состязания прошла, а он так ничего и не узнал!

Каменный мост Семи фонарей был не загадочным созданием Древних, а творением рук человеческих. С пологой арки моста, за низкими парапетами, виднелись десятки лодок, неторопливо плывущих по каналу, но Локку было не до пейзажных красот – он не спускал глаз с двух стройных фигурок в красных платьях. Ни карет, ни телег на мосту не было. Девочки, отойдя друг от друга, встали у парапета на противоположных сторонах моста и одновременно повернулись к воде.

– Проклятое адское дерьмо, – пробормотал Локк, впервые в жизни, в подражание взрослым, пытаясь изобрести длинную и складную цепочку изощренных ругательств. – Ссыкливые сраные мартышки...

Что задумала Сабета? Задержать его на мосту, чтобы от солнца у него мозги расплавились? В поисках вдохновения он огляделся и...

В двадцати ярдах у него за спиной на мост поднималась третья девочка в темно-красном платье.

У Локка екнуло сердце, а желудок, сжавшись, совершил кувырок на зависть придворным акробатам.

Локк поспешно отвернулся, стараясь ничем не выдать своего изумления. О Многохитрый Страж, как же он облажался! Ну почему он сразу не проверил место за колоннами банкирского дома! Нет, у него вовсе не троилось в глазах: две девчонки на мосту неторопливо приближались к нему, а третья наступала сзади. Локк оказался в самом центре треугольника красных платьев. Если броситься наутек, Цеппи и Сабета поймут, что он признал свое поражение, а одна из девчонок наверняка успеет сосчитать пуговицы на его сюртуке.

О боги, Сабета его с самого начала по всем статьям обставила!

– Нет, я не сдамся, – прошептал он, лихорадочно соображая, чем их отвлечь. – Не сдамся, не сдамся!

Смутная досада исчезла, Локка обуял настоящий ужас – и не просто страх поражения, а жуткий, кошмарный стыд: надо же так тупо попасться на простейшую уловку, опозориться перед той самой девчонкой, ради которой он готов раскаленные гвозди глотать! Ох, теперь Сабета уж точно решит, что он глупый, никчемный малец, с которым и связываться не стоит. Никогда...

И тут вдохновение не подсказало ему новую великолепную мысль, а напомнило о нехитрой обманке уличника – грубой, но проверенной, выработанной еще на Сумеречном холме. Локк, почти не сознавая, что делает, привалился к ближайшему парапету, едва не оцарапав начищенные медные пуговицы о камень, закашлялся и притворился, что его тошнит.

– Кхэ-э-х! – За первым робким стоном последовала серия отвратительных, мерзких звуков: – Кхэ-эх-х-х-хы! Кхэ-кхэ-хээ-ых-ха! КХА-ХЭК-ХЫХ!

Приближение приступа рвоты Локк изобразил весьма убедительно, упираясь дрожащей рукой в парапет, – это всегда вызывало у взрослых неподдельную тревогу: брезгливые отступали шага на три, а сочувствующие бросались на помощь.

Он стонал, дрожал и тужился, исподволь оглядываясь на прохожих. Важные особы и богачи поспешно обходили его стороной – помогать чужому слуге или посыльному они не собирались. Девчонки в красных платьях недоуменно замерли, будто привидения под дымчатыми вуалями: приближаться к Локку было опасно, а стоять столбом – неразумно, потому что это привлечет нежелательное внимание. Локк прекрасно сознавал, что всего-навсего выиграл время для краткой передышки, но и это было лучше, чем попасться в подстроенную Сабетой хитроумную ловушку.

– Да блевани же! – подстегнул он себя, отчаянно пытаясь последовать своему совету, – глупо, конечно, но ничего иного не оставалось; следующий шаг должен сделать кто-то другой.

– Эй, малец, что с тобой? – прозвучал над ухом властный женский голос.

Его обладательница носила горчично-желтый мундир городской стражи.

– Что, с завтраком расстаешься? – Стражница легонько ткнула Локка носком сапога. – Давай, вали отсюда, проблюешься на том конце моста.

– Помогите! – пролепетал Локк.

– Тебя ноги не держат? – Стражница, скрипнув тугой кожей доспеха, присела на корточки рядом с Локком; дубинка, висевшая на поясе, глухо стукнула о камни моста. – погоди...

– Я не болен... – зашептал Локк. – Прошу вас, пригнитесь поближе. Мне грозит опасность...

– Да что тут происходит? – встревоженно спросила она, склонившись к Локку.

– Вы только не удивляйтесь... Вот, возьмите... – Он стремительно вложил в левую ладонь стражницы кожаный кошелечек с серебряными монетами. – Здесь десять солов. Мой хозяин очень богат. Помогите мне, и он вас щедро отблагодарит.

– О боги... – изумленно выдохнула стражница – такую сумму она зарабатывала месяца за три, не меньше. – Да в чем дело-то?

– Мне грозит опасность, – повторил Локк. – За мной следят. Мой господин велел мне весточку доставить кому надо, а ее хотят перехватить. Там, на площади, меня чуть не поймали.

– Давай я тебя в участок отведу.

– Нет, не надо. Просто помогите мне добраться до северной оконечности моста. Вот, взвалите меня на плечо, будто вы меня задержали, и отнесите туда. Тогда мои преследователи наверняка отстанут, объяснят своим господам, что меня стража схватила. А потом вы меня отпустите...

– Как это?

– Ну, сделаете вид, что отругали, прикрикните для порядка, а я убегу.

– Странно все это...

– Ну вы же стражница, вам все позволено. Вам никто не указ...

– Гм, не знаю...

– Послушайте, вы же законов не нарушаете. Просто помогите мне... – уговаривал ее Локк; деньги она взяла, оставалось лишь посулить ей еще. – Честное слово, мой господин вам еще столько же даст, если не больше.

Стражница на миг задумалась, потом встала и ухватила Локка за ворот.

– Да ты притворяешься! – громко выкрикнула она. – Порядок нарушаешь!

– Ой! Пустите! – взвизгнул Локк, отчаянно надеясь, что она просто исполняет его просьбу, а не собирается тащить его в участок.

Стражница сгребла его в охапку и направилась к северной оконечности моста. Щегольски разодетые прохожие, одобрительно посмеиваясь, расступились, а желтокурточница бесцеремонно прижала Локка к левому боку и понесла к желанной цели.

Он отбрыкивался и упирался – впрочем, без особого притворства, потому что рукоять дубинки больно тыкала его под ребра, – однако торжествовал: пуговицы были надежно укрыты от посторонних глаз.

Локк успел заметить, как две девчонки в красных платьях шмыгнули влево, держась подальше от стражницы. Сабета вряд ли поверит, что его на самом деле поймали, и теперь ей с неведомыми помощниками придется составлять новый план.

Тем временем в голове Локка постепенно складывался четкий замысел дальнейших действий: как только он обгонит своих противников, то перекроет им путь к мосту Золотонош, а там уж не составит труда распознать, которая из трех девчонок – настоящая Сабета.

Наконец стражница принесла брыкающегося и отчаянно визжащего Локка на площадь у северной оконечности моста, где находились самые главные банкирские дома на улице Златохватов – Мераджо и Бонадуретта; их власть распространялась в самые дальние уголки света.

– Заткнись, не то все зубы повышибаю! – прикрикнула стражница на Локка, проходя мимо очередного скопления зевак, с любопытством глядящих ей вслед.

Локк невольно восхитился ее актерским мастерством. Теперь оставалось лишь, чтобы его отпустили на свободу, и тогда...

– Ох, констебль! Погодите, констебль! – раздался голос Сабеты.

За спиной желтокурточницы прошелестели торопливые шаги, и Локк задергался, пытаясь сообразить, с какой стороны приблизится Сабета. Увы, она, откинув вуаль, уже стояла справа от стражницы и протягивала ей раскрытую ладонь, на которой лежал кошелечек.

– Констебль, вы уронили...

– Что? – Стражница резко обернулась к Сабете, давая Локку возможность взглянуть прямо на нее.

Щеки Сабеты разругались, а открытая сумка висела чуть ли не перед его носом. Разинув рот от удивления, Локк торопливо присмотрелся: четыре мотка шелка – красный, зеленый, черный и синий.

– Я ничего не роняла, – сказала стражница.

– Да я своими глазами видела! – закивала Сабета. – Он у вас из кармана выскользнул... – Она вложила кошелек в правую руку стражницы и, подступив на шаг, настойчиво зашептала: – Здесь четыре солона. Отпустите моего братика, пожалуйста! Очень вас прошу!

– Кого? – недоуменно переспросила желтокурточница, с привычной ловкостью опуская кошелек в карман мундира; Локк только сейчас понял, что принимать подношения ей не впервой.

– Он не нарочно шум поднял, – умоляющим тоном произнесла Сабета. – Мы его одного никуда не пускаем, вы же видите, он тронутый...

– Эй! Погодите... – встрепенулся Локк, неожиданно сообразив, что ситуация каким-то непостижимым образом вышла из-под его контроля.

Что еще Сабета задумала?

– Он у нас совсем дурачок, – прошептала Сабета, осторожно касаясь руки стражницы. – Как на свет народился, так с головой и не дружит. Все время из дому убегает, всякие небылицы выдумывает. Ему без присмотра никак нельзя.

– Послушай... я не... так, вот я сейчас...

Локк испуганно зажмурился – телега его везения, и без того хлипкая, вот-вот развалится. Внезапно между желтокурточницей и Сабетой протиснулась знакомая крупная фигура.

– Ах, констебль, какое счастье, что оба моих питомца попали к вам под защиту, – негромко произнес Цеппи. – Вы – несравненный дар небес, ваши действия заслуживают всяческих похвал! Позвольте пожать вашу честную руку!

В ладонь ошеломленной стражницы ловко скользнул третий кошелек – обмен произошел с такой быстротой, что Локк едва успел его заметить.

– Сударь, я...

Цеппи склонился к самому уху стражницы и прошептал несколько слов. Желтокурточница сразу же осторожно опустила Локка на землю. Он неуверенно подошел к Сабете и замер, всем своим видом изображая полнейшую невинность.

– Да-да, конечно, – пробормотала стражница, присоединяя кошелек Цеппи к двум другим.

– Разумеется. – По лицу Цеппи расплылась сияющая улыбка. – Да благословят вас Двенадцать богов, и да ниспошлют они дождь нашему прекрасному городу. Счастливо оставаться, констебль. Ну, нам пора.

Цеппи радостно помахал рукой стражнице (та с неменьшей радостью помахала ему в ответ) и подтолкнул Локка и Сабету к восточной стороне площади, откуда к причалу сбегали широкие ступени лестницы.

– А где твои помощники? – спросил Цеппи Сабету.

– Как желтокурточница Локка схватила, я им велела смыться, а сама на выручку отправилась, – объяснила она.

– Очень хорошо. Ну, теперь заткнитесь и ведите себя смирно, а я лодку найму. Нам самим отсюда надо ноги уносить, и чем скорее, тем лучше.

У пристани оказалась лишь одна свободная гондола, да и к той направлялся какой-то торговец средних лет, нащупывая в кармане кошелек. Цеппи, прибавив шаг, обогнал его и подал лодочнику замысловатый условный знак.

– Ох, простите, что мы припозднились. Мы так спешим на встречу с друзьями наших друзей! А ваша лодка самая надежная и быстрая.

– Вы правы, сударь, ни надежней, ни быстрее во всем Каморре лодки не сыскать, – ото-звался молодой лодочник, тощий как жердь и загорелый до цвета конского навоза; к середине впалой груди, прикрытой ветхой синей рубахой, спускалась длинная соломенная борода с вплетенными в нее серебряными и костяными охранными амулетами, которые тоненько позвяки-

вали при каждом его движении. – Премного извиняюсь, сударь, но я вот с этим господином раньше вас уговорился.

– Как это? – возмутился торговец. – Да ты только что к причалу пристал!

– Ваша правда, сударь, только мы с этим вот господином так и уговаривались. Прошу простить великодушно, но...

– Нет, своей очереди я никому уступать не собираюсь! Лодка моя – и точка!

– Сударь, мне очень неловко об этом напоминать, – вмешался Цеппи, помогая Сабете забраться в гондолу, – но лодка принадлежит не вам, а вот этому самому юноше с шестом.

– И, к моему глубокому сожалению, сейчас я вам ничем услужить не могу, – добавил лодочник.

– Ах вы сволочи! Да кто вам позволил, крысы портовые, уважаемым людям дерзить?! Я первым лодку нанял! Не лезь, щенок, кому говорят! – завопил торговец, хватая за шиворот Локка, который робко следовал за Сабетой.

Цеппи тут же отвесил торговцу внушительную затрещину – тот, отлетев шага на два, едва не свалился в канал.

– Еще раз к моим детям прикоснешься, – прошипел Цеппи тоном, которого Локк никогда прежде от него не слышал, – я тебя в такие мелкие клочья разорву, что ни одна городская шлюха твой сморчок не опознает.

– Мразь! – заверещал торговец. – Пес смердящий! Извольте представиться, сударь! Я требую сатисфакции! Мой лакей доставит вам мое...

Цеппи, обвив мощной рукой шею торговца, притянул его к себе, что-то хрипло прошептал в самое ухо и презрительно оттолкнул.

– Да-да, сударь... Я все понял, – залепетал смертельно побледневший торговец; побелевшие губы дрожали и не слушались. – Смиренно прошу прощения, достопочтенный...

– Вали отсюда...

– Всенепременно, сударь, – ответил торговец и торопливо, почти бегом, ушел с пристани.

Цеппи помог Локку забраться в гондолу. Локк уселся рядом с Сабетой, на носовую скамью, и, нечаянно коснувшись коленом девичьей ноги, мучительно покраснел. Цеппи устроился на скамье напротив, лодочник оттолкнулся шестом от пристани, и гондола поплыла по теплой, вязкой воде.

Локк пребывал в священном ужасе, вызванном не только непосредственной близостью Сабеты, но и всемогуществом отца Цеппи. Судя по всему, его покровитель обладал колдовской способностью очаровывать желтокурточников, повелевать лодочниками и нагонять страху на богачей – и все это с помощью нескольких тихих слов. Кто он такой? С кем он знаком? Какое место он занимает среди подданных капы Барсави?

– Куда вас отвезти? – спросил лодочник.

– В Храмовый квартал, к причалу Венапорты, – ответил Цеппи.

– А кто вы такие?

– Благородные Канальи.

– А, как же, слышал. Вы все больше среди знати отираетесь. Хорошее дело...

– Не жалуемся. А ты из людей Щербатого будешь?

– Из них самых, брат. Мы на западе Скопища промышляем, нас Умниками прозывают. Только жизнь там не сахар. Потому некоторые, вот как я, например, решили в лодочники податься. Перевозим простофиль, кое-какое барахлишко к рукам прибираем...

– Ну, раз ты нас с ветерком прокатаешь, держи на память герцогов портрет, – ухмыльнулся Цеппи, выкладывая на скамью золотой тирин.

– Ух ты! Спасибо, дружище! Я за ваше здоровье сегодня вечером выпью, – пообещал лодочник и с новой силой заработал шестом.

Цеппи, обернувшись к Локку и Сабете, скрестил руки на груди и негромко спросил:

- И что за хренотень вы учудили на улице Златохватов? Извольте-ка объясниться, оба.
- На сюртуке шесть пуговиц, – сказала Сабета.
- Красный-зеленый-черный-синий, – одновременно с ней выпалил Локк.
- Э, нет, – вздохнул Цеппи. – Состязание окончено. Я объявляю ничью. По техническим

причинам.

- Попытка не пытка, – заявила Сабета. – А вдруг...
- А вдруг в этом и заключается урок... – пробормотал Локк.
- Конец наступает не тогда, когда его объявляют, а когда он действительно наступает...

Ну или как-то так, сами знаете, – изрекла Сабета.

– О боги, и это – мои лучшие ученики! – горестно вздохнул Цеппи. – Иногда погоня друг за другом по оживленной площади – всего-навсего погоня друг за другом по оживленной площади. Что в этом непонятного? Ладно, проехали. Разбор сегодняшнего происшествия начнем с тебя, Локк. В чем заключался твой замысел?

– Ну, я... это...

– Видишь ли, дружок, упование на милость богов, строго говоря, замыслом не является. Ты у нас юноша весьма изобретательный, но когда фантазия тебе отказывает, то, сам знаешь, неприятности огребаешь по полной. В любой афере надо все просчитывать на несколько ходов вперед, как в «погоне за герцогом». Помнишь, как ты лихо с трупом дельце провернул? Ну вот, я же знаю, на что ты способен. А сегодня облажался.

– Но...

– Так, а теперь обсудим Сабету. Насколько я понимаю, ты Локка удачно подловила – отправила его следом за своими двойниками, а сама под конец появилась, верно?

– Ага, – неохотно кивнула Сабета.

– А двойниками кто был?

– Девчонки знакомые, из домушников, я с ними еще на Сумеречном холме водилась. Они сейчас в других шайках, на подхвате. Мы вчера ночью наряды стырили и план разработали.

– Ах, вот оно как, – улыбнулся Цеппи. – Именно об этом я только что тебе и говорил, Локк. Любую хитрую уловку следует предварительно обдумать. А что у них в сумках было?

– Мотки цветной шерсти, – ответила Сабета. – Шелка мы раздобыть не успели.

– Недурственно. И все же, несмотря на тщательную подготовку, тебе не удалось одержать победу над этим вот бестолковым головотяпом, который ничего придумать не удосужился. Ты заманила его в ловушку, а потом... Что произошло?

– Ну, он притворился, что ему плохо стало. А как желтокурточница его зацапала, я и решила, что его надо выручить...

– Меня? Выручить? – вскинулся Локк. – С чего ты взяла, что меня надо выручать? Я этой тетке десять солонов отдал, чтобы она меня через мост перенесла!

– Я же думала, что она тебя в самом деле заграбастала! – Карие глаза Сабеты угрожающе потемнели, на щеках вспыхнули алые пятна. – Болван, я же тебя спасти хотела!

– А... почему?

– А потому! – Сабета сдернула четырехуголку, сердито вытащила из волос длинные лаковые шпильки. – Блевотины-то на мосту не было, вот я и решила, что желтокурточница тебя на обмане подловила.

– Ты решила, что меня сцапали, потому что я не блеванул *по-настоящему*?

– Я же помню, что ты устраивал, когда заманухой был!

Сабета раздраженно тряхнула головой, крашенные русые волосы рассыпались по плечам, и Локково сердце взволнованно забилось, грозя проломить ребра.

– Так вот, говорю же, я никакой жеваной апельсиновой корки не увидела, ну и подумала, что ты взаправду попался.

– Ну ты даешь! Я же тогда *маленький* был! По-твоему, я всю жизнь такими глупостями должен заниматься?!

– Да не в этом дело! – Сабета скрестила руки на груди и отвела взгляд.

Гондола плыла на восток, по каналу, широкой дугой огибавшему северную оконечность Виденцы; вдаль, за спиной Сабеты, над черепичными крышами высилась темная громада Дворца Терпения.

– Ты знал, что проигрываешь, никакого замысла у тебя не было, вот ты, как дурак, устроил истерику и все испортил! – воскликнула Сабета. – Ты ведь даже выиграть не пытался, просто сглупил, и все. А я, как дура, на твою глупость повелась.

– Гм, я так и знал, что рано или поздно это случится, – задумчиво произнес Цеппи. – Надо бы нам придумать свои собственные условные знаки, похитрее тех, которыми мы обмениваемся с другими Путными людьми. Изобрести свой тайный язык, так сказать, чтобы подобных недоразумений больше не возникало.

– Сабета... – с замирающим сердцем начал Локк, не слушая Цеппи. – Ни на что ты не повелась, ты все здорово придумала и победу заслужила...

– Да, заслужила, – фыркнула она. – Но ты же не проиграл, а значит, я не победила.

– Нет-нет, я сдаюсь. Признаю свое поражение. Ты победила. Я три дня буду посуду мыть, как мы и уговари...

– Ах, ты сдаешься? Да мне твои жалкие подачки не нужны! Тьфу!

– Нет, я честно... Это не подачка. Я... Ну, ты же взаправду меня спасти хотела, значит я перед тобой в долгу. Давай я за тебя посуду буду мыть? Всегда, а? Я с удовольствием... ну, это... сочту за честь.

Она, не оборачиваясь, искоса поглядела на него. Отец Цеппи умолк и сидел неподвижно, как изваяние.

– Вот полудурок, – наконец фыркнула Сабета. – Он решил меня очаровать, ха! Нет уж, Локк Ламора, поддаваться твоим чарам я не собираюсь. – Ухватившись за борт гондолы, она повернулась спиной к Локку и чуть слышно добавила: – Сегодня, по крайней мере.

Обида Сабеты проглоченной осой уязвила Локка, но острая боль в сердце постепенно сменялась другим, ранее неведомым чувством, от которого стучало в висках и распирало грудь так, что она готова была расколоться, как яичная скорлупа.

Несмотря на все свое кажущееся безразличие, досаду и неприступность, Сабета, забыв о состязании, бросилась ему на помощь, едва лишь решила, что он попал в беду.

Все бесконечное знойное лето семьдесят седьмого года Переландро Локк хранил это невероятное откровение в своем сердце, как талисман.

Интермедия I

Лучина

Во вневремени и внепространстве мысли свидетелей заговора не существует. Мысль старика пролетела сто двадцать миль над водой – легче легкого для того, у кого на запястье четыре кольца. Ответ пришел незамедлительно.

– *Все исполнено?*

– **Каморрцы согласились на ее условия. Как я вам и говорил.**

– *А я и не сомневаюсь. Убеждать она умеет.*

– **Мы уже в пути.**

– *И как Ламора?*

– **Ей не следовало мешкать. Увы, она ошиблась в своих расчетах.**

– *И увы, не в первый раз. А если Ламора умрет?*

– **Ваш ставленник легко справится с Танненом – он хоть и силен, но скорбь его сокрушит.**

– *А не могли бы вы подтолкнуть Ламору к смерти?*

– **Нет, на это я не пойду. Не хочу рисковать. Мне моя жизнь дорога.**

– *Простите мое необдуманное предложение.*

– **Ламору она выбрала не для того, чтобы вас разозлить. Вы о нем многого не знаете.**

– *А почему вы объясняетесь намеками?*

– **Повторяю: я не хочу рисковать. Все гораздо сложнее и запутаннее. Дело не только в пятилетней игре. Терпение вам сама все объяснит.**

– *Это-то меня и тревожит.*

– **Не волнуйтесь. Продолжайте игру. Если Ламору удастся спасти, то вашему ставленнику предстоят интересные шесть недель.**

– *К встрече мы уже подготовились.*

– **Вот и славно. Желаю удачи. Завтра мы прибудем в Картен.**

Весь разговор занял три биения сердца.

Глава 3

Кровь, дыхание и вода

1

Небо над лашенской гаванью затянула угольная слизь клубящихся туч, не пропускающих ни лучика звездного или лунного света. Слуги архидонны вынесли Локка из апартаментов гостиного двора и погрузили носилки в карету, которая тут же помчалась сквозь морозящий дождь к порту, где у причала теснились десятки судов с мачтами, поскрипывающими под ветром. Жан ни на миг не отходил от друга.

По пристани сновали лашенские стражники и портовые рабочие, но на карету архидонны никто не обращал внимания. Локка на носилках доставили к краю каменного причала, где на волнах покачивалась шлюпка с алым светильником на носу.

Слуги Терпения, осторожно уложив носилки поперек скамей в лодке, взялись за весла. Жан уселся в ногах Локка, Терпение устроилась на носу. Гладь озера, будто дрожа под ветром, рябила черными волнами. Жан, привыкший к соленому аромату моря, удивленно принюхивался к свежим запахам пресноводного Аматаля.

Лодка подошла к бригу, стоявшему на якоре в северной оконечности гавани. В серебристом сиянии кормовых фонарей виднелось название корабля, выведенное над окнами капитанской каюты: «Небесный скороход». Бриг выглядел новехоньким. На шкафуте сутились матросы, опуская за борт тали с привязанной к ним боцманской люлькой.

– Ох, похоже, мне предстоит очередное унижение, – пробормотал Локк. – Терпение, а слабо вам меня колдовством на борт перенести?

– Я бы с удовольствием развлекала вас дешевыми фокусами, – без улыбки ответила она, – но для того, что нам предстоит, потребуются все мои силы.

Боцманская люлька представляла собой широкую кожаную петлю с прикрепленными к ней веревками. Жан привязал Локка к полосе кожи и махнул матросам. Локк, раскачиваясь, будто кукла, медленно поплыл вверх, пару раз стукнувшись о борт корабля, а потом его приняли крепкие руки моряков, осторожно уложили на палубу и начали распутывать веревки. Жан ловко взобрался по высадочной сетке, разогнал матросов, сам высвободил Локка и подхватил его на руки. Боцманскую люльку снова спустили за борт, для Терпения.

Жан огляделся: «Небесный скороход» действительно был новым кораблем, пахнущим смолистым деревом и свежей парусиной. Палубную лебедку вращали четверо матросов, а на самом бриге было до странности тихо. Нет, вода плескала о борта, посвистывал ветер в снастях, тихонько побряхтывали мачты и реи, но не было слышно ни шарканья ног, ни кашля, ни разговоров, ни храпа на нижней палубе.

– Спасибо. – Терпение, высвободившись из боцманской люльки, подошла к Локку. – Что ж, самое легкое сделано. Все трудности впереди.

Слуги снова раскрыли носилки и помогли Жану уложить на них Локка.

– Проводите наших гостей в каюту и немедленно отправляйтесь в путь, – велела Терпение.

– А как же лодка, архидонна? – спросил грузный седобородый мужчина в водонепроницаемой накидке с откинутым капюшоном; правую глазницу затягивал уродливый шрам, а по лысой, как шар, голове, скатывались дождевые капли.

– Оставим здесь, – ответила Терпение. – Я слишком замешкалась.

– Простите, архидонна, но именно об этом я вам говорил вчера и позавче...

– Да-да, Хладнокровие, я помню, – вздохнула она.

– Слушаю и повинуюсь, архидонна... – Он обернулся и, кашлянув, крикнул во все горло: – Курс норд-норд-ост, так держать!

– Есть курс норд-норд-ост, так держать! – скучающе повторила какая-то женщина, отходя от остальных матросов, разбиравших шпиль лебедки.

– А где команда? – спросил Жан.

– А зачем она нам? – сказала Терпение.

– Ну, вообще-то, если ветер дует с северо-востока, вот как сейчас, значит корабль встанет в левентик, и придется лавировать, постоянно меняя галсы, а для этого нужно много больше, чем восемь человек, которые сейчас на борту. С такой командой мы даже из гавани не выйдем...

– Левентик? Лавировать? Менять галсы? – переспросил тот, кого называли Хладнокровие. – И чего только не выдумают... Лучше помогите перенести вашего друга в кормовую каюту.

Кормовая каюта «Небесного скорохода» находилась на нижней палубе; Локка пришлось нести по ступеням шканцевого трапа в узкий сходный тамбур, – разумеется, на корабле не предполагалось присутствия тех, кто не в силах передвигаться самостоятельно.

Каюта оказалась не больше той, которую Локк с Жаном занимали на «Красном гонце», и обставлена была скудно: ни развешанного по стенам оружия, ни карт, ни разбросанной одежды, ни подушек, ни подвесных коек. Посреди каюты, освещенный золотистым сиянием светильников, одиноко стоял стол – точнее, несколько сундуков с уложенными поверх деревянными планками. Кормовые окна были плотно закрыты ставнями. В каюте витал застарелый нежилой дух; пахло корицей, кедровой смолой и еще какими-то ароматными маслами, которые обычно используют в платяных шкафах.

Жан помог уложить друга на стол, утер дождевые капли с его лица, взял у седобородого Хладнокровия невесть откуда появившееся серое одеяло тонкой шерсти и заботливо накрыл им Локка.

– Уже лучше... – прошептал Локк, еле шевеля губами. – Немного, совсем чуть-чуть, но лучше. И... Ох, а это еще что за...

Из темного угла каюты отделилась крошечная черная тень и вспрыгнула Локку на грудь.

– Жан, я брежу, – ахнул Локк. – У меня видения начались.

– Успокойся, это не видение. – Жан погладил шелковистую черную шерстку котенка, с которым они не так давно распрощались, думая, что это навсегда; за это время Король нисколько не изменился, даже белая манишка на горле осталась прежней. – Хотя, может быть, мы с тобой оба бредим.

Котенок, громко мурлыча, потерялся о висок Локка.

– Откуда ему здесь взяться? – пробормотал Локк. – И вообще, этого не может быть.

– Странно, что вы не верите в случайности, – заметила Терпение, входя в каюту. – Вашу яхту приобрели мои люди. Несколько недель тому назад она стояла бок о бок с «Небесным скороходом», вот юный проказник и решил к нам переселиться.

– Ничего не понимаю, – проворчал Локк, осторожно ухватив Короля за шкирку. – Я и котов-то не особо люблю.

– Надеюсь, вы понимаете, что котам глубоко безразличны желания людей? – спросила Терпение.

– Так же, как вольнонаемным магам, – съязвил Жан. – И что теперь будет?

– Теперь мы с вами поговорим начистоту. Вам будет невыносимо трудно смотреть на то, что сейчас произойдет. Для тех, кто... кто не обладает особым даром, тяжело находиться в непосредственной близости от нашей магии. В каюте на нижней палубе есть подвесные койки и все удобства для...

– Нет, спасибо. Я остаюсь. Это не обсуждается.

– Что ж, будь по-вашему, но сначала выслушайте меня внимательно. Что бы ни происходило, что бы вы ни увидели, не смейте вмешиваться. Ни в коем случае не прерывайте меня. Любое вмешательство грозит смертью – и не только Локку, но и всем нам.

– Ладно, буду паинькой, – сказал Жан. – В случае чего кулаки себе пообкусываю.

– Я знаю, что нрав у вас горячий и вспыльчивый, поэтому...

– Послушайте, если я начну буяннить, вы меня успокойте – вам же мое проклятое имя известно!

– Посмотрим, – вздохнула Терпение. – Главное – ни во что не вмешивайтесь. Помните, чем это грозит. Кстати, будьте добры, заберите отсюда нашего юного друга.

– Пойдем-ка, малыш. – Жан подхватил Короля на руки.

Котенок, сладко зевнув, свернулся клубочком у Жанова локтя, еще не понимая, что его куда-то уносят.

На верхней палубе Жан с удивлением обнаружил, что корабль идет под всеми парусами, хотя на палубе не раздавалось ни приказов, ни топота ног матросов. Он поднялся на шканцы, всмотрелся в далекие, размытые дождем огни Лашена за кормой. Алый светильник оставленной в гавани лодки превратился в крошечную точку, слабо мерцавшую в темных волнах.

Женщина, которая вращала лебедку, теперь стояла у штурвала, позади грот-мачты, на границе, отделявшей шкафут от шканцев. Лицо, полускрытое капюшоном плаща, казалось погруженным в размышления. Жан с удивлением заметил, что она не касается спиц штурвала. Левая рука ее была поднята, ладонь чуть согнута; время от времени пальцы едва заметно шевелились, словно бы отталкивая что-то невидимое.

В небе сверкнула молния; вспышка осветила остальных членов команды странного корабля, неподвижно стоявших на палубе в той же позе, что и женщина у штурвала. Над водами Аматаля глухо зарокотал гром.

Жан подошел к женщине.

– Простите, что помешал, – неуверенно начал он. – Скажите, пожалуйста, а каким курсом мы идем?

– Норд... норд-ост, – медленно, будто во сне, ответила она, не поворачивая головы. – Прямо в Картен.

– Против ветра?!

– У нас... свой... ветер.

– Охренеть, – пробормотал Жан и спросил: – А куда кота можно пристроить?

– Через люк на палубе... спуститесь в трюм.

Жан отнес пушистого приятеля на шкафут, отыскал трюмный люк, сдвинул крышку в сторону. Узенький трап уходил на шесть или семь футов в сумрачную глубину, где пол был устлан соломой, а у переборок лежали тюфяки.

– Не знаю, малыш, с чего я взял, что справлюсь с колдунами, которые погодой заправляют, – вздохнул Жан.

– Мр-р-мяу, – сказал котенок.

– Ты прав, это я от отчаяния. И по глупости. – Жан разжал пальцы, и Король спрыгнул на тюфяк. – Сиди и не высывайся, дружок. Похоже, здесь сейчас такая херня начнется...

2

– Прикройте дверь поплотнее, – велел Хладнокровие, когда Жан вернулся в кормовую каюту.

– На засов?

– Нет, чтоб ветром дождь не задувало. Погоде надлежит бушевать снаружи.

Терпение наливала бледно-золотистую жидкость из бурдюка в глиняную чашку.

– Во, а мне напоследок выпить дадут! – объявил Локк.

– Это что? – подозрительно осведомился Жан.

– Всякая всячина, в основном обезболивающая, – ответила Терпение.

– Ваше зелье его усыпит?

– Увы, уснуть ему не доведется... – Она поднесла чашку к губам Локка.

Тот с трудом приподнял голову, проглотил предложенное снадобье и брезгливо помотал головой:

– Бр-р! Фу, ну и гадость это ваше зелье! На вкус – чисто ссаки рыбника, выкачанные из его смердящего трупа через неделю после смерти.

– Противно, зато весьма полезно, – вздохнула Терпение. – Успокойтесь, оно быстро подействует.

– Угу, уже подействовало, – буркнул Локк.

Хладнокровие поставил у стола кадку с водой, снял с Локка рубаху, обнажив бледное тело, иссеченное старыми шрамами. Локк безвольно обмяк. Хладнокровие влажной тряпицей обтер Локку грудь, лицо и руки. Терпение сложила серое одеяло вдвое и прикрыла им ноги Локка.

– А теперь – самое необходимое, – объявила она, поставив на стол инкрустированный ларец ведьмина дерева.

По мановению ее руки ларец распахнулся – внутри оказались аккуратно уложенные наборы странных инструментов, как в сундучке лекаря.

Терпение достала из ларца крохотный серебряный ножичек, срезала несколько влажных прядей Локковых волос и бросила их в глиняную плошку, подставленную Хладнокровием. Жан заметил, что левое запястье бородача обвивали четыре вытатуированных черных кольца.

– Нам потребуется самая малость, – пояснила Терпение. – Заодно и красоту наведем.

Хладнокровие подставил новую плошку к правой руке Локка, и Терпение осторожно срезала ему кончики ногтей. Локк запрокинул голову, что-то прошептал и вздохнул.

– И всего пару капель крови, – продолжила Терпение. – У него и так ее почти не осталось.

Она уколола Локковы пальцы кончиком ножа, но Локк даже не шевельнулся. Хладнокровие собрал алые капли в третью плошку.

– Надеюсь, после того как все... закончится, вы ничего из этого себе не оставите, – встревоженно заметил Жан.

– Прошу вас, не волнуйтесь прежде времени, – вздохнула Терпение. – Лучше надейтесь, что, после того как все закончится, ваш друг выживет.

– Мы ничего предосудительного с ним не сделаем, – добавил Хладнокровие. – Ваш приятель – весьма ценный... гм, объект.

– Да неужели? – не выдержал Жан. – Объект, говорите? Объект – это то, что на полку ставят или в опись вносят, сволочь! Не смейте говорить о нем, как о вещи!

– Жан! – укоризненно воскликнула Терпение. – Успокойтесь, или вас успокоят.

– Да я спокоен. Безмятежен, как трубочный дымок... – Жан скрестил руки на груди. – Можно сказать, невозмутим. А это вам еще зачем?

– Последнее, что нам требуется, – его дыхание. – Терпение поднесла к губам Локка глиняный сосуд и, плотно закупорив его, отставила в сторону.

– Ах, как все это интересно, – сонно пробормотал Локк. – Ну, начинайте уже извлекать из меня эту дрянь.

– Увы, по одному моему повелению этого не произойдет, – объяснила Терпение. – Жизнь оборвать просто, а вот залатать куда сложнее. И никакая магия этого не изменит. Так что не воображайте, что я вас буду исцелять.

– А что же вы собираетесь делать? – спросил Жан.

– Перенаправлять, – ответила Терпение. – Представьте себе, что яд – это искра, тлеющая в древесине. Если искра разгорится в пламя, то Локк умрет. Необходимо, чтобы она вспыхнула в другом месте, чтобы огонь поглотил не плоть, а нечто иное, а затем угас сам собой.

Еще с четверть часа Терпение и Хладнокровие наносили странно пахнущими чернилами замысловатую вязь загадочных узоров на лицо, руки и грудь Локка. Он изредка бормотал что-то неразборчивое, но не шевелился и ни на что не жаловался.

Пока чернила сохли, Хладнокровие принес откуда-то высокий железный подсвечник и установил его напротив стола, перед закрытыми кормовыми окнами. Из ларца Терпение достала три белых свечи.

– Восковые свечи из Каморра, – объяснила она. – И железный подсвечник каморрской работы. Разумеется, вещи краденые, что позволяет установить прочную симпатическую связь с вашим несчастным другом.

Она согрела одну свечу в ладонях, и воск обрел сияющую прозрачность. Серебряным ножиком Хладнокровие переложил на свечу Локковы волосы и обрезки ногтей, размазал по воску капли крови. К безмерному удивлению Жана, воск словно бы впитал в себя все «самое необходимое».

– Образ безымянный, нарекаю тебя именем, – возгласила Терпение. – Создаю тебя, носитель крови, тень души, обманный сосуд! Передаю тебе плоть живущего, но не имя его духа. Ты – он и не он.

Она вставила свечу в подсвечник, а потом провела ту же церемонию с двумя оставшимися.

– А теперь не двигайтесь, – негромко сказала она Локку.

– Можно подумать, я тут пляшу, – буркнул он.

Хладнокровие взял моток веревки и вместе с Терпением прочно примотал ноги Локка к столу.

– Кстати, – сказал Локк, – прежде чем приступить к своему черному делу, дайте мне побыть с Жаном наедине. Мы служим богу, от которого вам лучше держаться подальше, и...

– Мы не станем мешать вашим священным обрядам, – ответила Терпение. – Но не мешайте, а главное – ничего не трогайте.

Терпение и Хладнокровие вышли из каюты, плотно прикрыв за собой дверь. Жан опустился на колени у стола.

– От ее зелья у меня мозги закисло, но теперь вроде соображать полегче стало, – сказал Локк. – На меня сейчас, наверное, смотреть смешно.

– Ох, да на тебя всегда смотреть смешно!

– Да пошел ты... – усмехнулся Локк. – Слушай, а этот твой энд-ликт-ге... как его там?

– *Endliktgelaben*.

– Ага, он самый. Ты его нарочно придумал, чтобы меня разозлить, или это все на полном серьезе?

– Ну, вообще-то, я тебя разозлить хотел, – поморщился Жан. – На полном серьезе. Сказал, что думал. Не знаю только, правда это или нет. Хочется верить, что нет. Но когда тебе приходит в голову винить себя во всех наших бедах, то ты становишься совершенно невыносим, гад эдакий! И вот это чистая правда.

– Знаешь, Жан... если честно, то умирать совсем не хочется. Может, это потому, что я трус и сердце у меня цыплячье. Нет, на магов мне насрать, и деньги их мне не нужны, но вот... умирать я не хочу. Не желаю!

– Ш-ш-ш! Успокойся, – сказал Жан. – Вот и докажи, что не хочешь. Не умирай.

– Дай мне руку.

Они сомкнули левые ладони.

Локк, кашлянув, торжественно произнес:

– О Многохитрый Страж, Безымянный Тринадцатый бог, к тебе взывает твой слуга. Мои недостатки и прегрешения неисчислимы, и я не стану отягощать твой слух их описанием... – Он закашлялся, утер кровавую слюну рукавом. – Но честно признаюсь, что... не хочу умирать, не хочу расставаться с жизнью покорно и без боя. О Хранитель воров, ежели ты изыщешь в своем сердце хоть толику жалости, склони чашу весов на мою сторону еще один раз... Ну если не ради меня, то ради Жана, он-то уж точно у тебя на хорошем счету.

– Внемли нашей сердечной мольбе, о Великий Благодетель! – добавил Жан, поднимаясь с колен. – Страшно?

– До усрачки.

– Ничего, я тебе жопу подотру.

– Сволочь ты! – Локк устало закрыл глаза. – Зови уже их. Пусть начинают.

3

Немного погодя Терпение и Хладнокровие встали по обе стороны стола, напротив друг друга.

– Доставайте грезосталь, – сказала Терпение.

Хладнокровие вытащил из-под рубахи цепочку с серебристой подвеской, прошептал какое-то заклинание, и металл превратился в сверкающую жидкость, которая стекла по его пальцам и собралась в сияющий шар на ладони.

– Это ртуть? – спросил Жан.

– Нет, от ртути рассудок мутится. Это грезосталь, наше изобретение, облекающее мысли в осязаемые образы. Для тех, кто умеет с ней обращаться, она безобиднее воды. Ну, почти.

Маги простерли руки над столом. Из сияющего шара на ладони Хладнокровия вытянулись тонкие струйки грезостали, поползли между пальцев и медленно, как во сне, стекли на грудь Локка, не расплескиваясь, а покрывая переливающейся серебристой пленкой каждый завиток черных узоров, начертанных на его теле.

– А сейчас вы испытаете не совсем обычное ощущение, – предупредила Терпение и одновременно с Хладнокровием сжала руки в кулак.

Замысловатые серебристые узоры вздыбились, словно бы срываясь с кожи. Локк выгнулся дугой, но маги осторожно прижали его к столешнице. Грезосталь застыла тысячами тончайших острых волосков, бескровно вонзившихся в плоть Локка, будто иглы чудовищного дикообраза.

– Бр-р! – прошептал Локк. – Холодно...

– Так и должно быть. – Терпение взяла глиняный сосуд с дыханием Локка и подошла к подсвечнику. – Образ именованный, возжигаю тебя, – изрекла она, откупорив сосуд и поднося его поочередно к трем свечам. – Носитель духа, передаю тебе дыхание живущего, но не имя его духа. Ты – он и не он.

Она шевельнула пальцами правой руки, и дрожащее белое пламя охватило фитильки трех свечей.

Вернувшись к столу, она положила правую ладонь на грудь Локка, и Хладнокровие повторил ее жест так, что их кончики пальцев соприкоснулись. Между пальцами обвилась нить с серебряным отливом, и маги едва заметными быстрыми движениями начали ее сплетать. Жан невольно поежился, вспомнив, как Сокольник управлялся с такой же нитью.

Терпение и Хладнокровие свободными руками придержали Локка за плечи.

– А сейчас, что бы ни случилось, Локк, – предупредила Терпение, – ни на миг не расставайся со стыдом и с ненавистью. Если хочешь, гневайся на меня, на моего сына, на всех картенских магов, да на кого угодно. Вложи в свою ненависть все силы, иначе тебе не выжить.

– Да полно вам меня пугать, – проворчал Локк. – Вот как все закончится, мы с вами поговорим.

– О Многохитрый Страж, – зашептал Жан, – ты выслушал мольбу Локка, внемли же и моей смиренной просьбе! О Гандоло, Отец удачи, молю тебя, не оставь своим призрением отпрыска торгового семейства! О Венапорта, Двоеликая госпожа, озари нас своей благосклонной улыбкой! О Переландро, всепрощающий Покровитель сирых и обездоленных, будь к нам милосерден – хоть мы и притворялись, что тебе служим, но пеклись о том, чтобы имя твое не сходило с уст каморрцев! – По его вискам заструился пот. – О Аза Гийя, Всемиловитейшая госпожа, я заглядывал тебе под юбки, но не ради смеха, а по необходимости. Молю тебя, не освящай нас сегодня своим безмолвным присутствием!

Жан ощутил мерзкий холодок в затылке – такой же, какой он чувствовал в присутствии Сокольника и на Ночном базаре в Тал-Верраре, среди торговцев, попавших под власть картенских магов.

Терпение и Хладнокровие напряженно взирали на Локка.

Локк охнул.

Жан едва не поперхнулся, внезапно ощутив на языке противный металлический привкус, и попытался сглотнуть, но рот словно бы набили скомканной шершавой бумагой. Куда подевалась слюна?

– О боги, – простонал Локк, выгибая спину. – Морозит... хуже холода...

Доски переборки затрещали, будто корабль швыряло по волнам. Жан чувствовал, что «Небесный скороход» по-прежнему величаво скользит по озерной глади, но все в каюте затряслось мелкой дрожью, желтые алхимические светильники раскачивались, по углам трепетали тени.

Локк снова застонал. Терпение и Хладнокровие склонились над ним, придерживая его за плечи и беспрерывно сплетая замысловатые узоры из нитей, отливавших серебром. В обычных обстоятельствах подобное зрелище заворожило бы Жана, но сейчас ему было не до того. Желудок взбунтовался, как будто Жан объелся несвежих устриц и сейчас они просились на свободу.

– Тьфу ты... – прошептал он, изо всех сил вгрызаясь в кулак.

От боли тошнота отступила, но в каюте происходили донельзя странные вещи. Алхимические светильники тряслись и гремели, как кипящий чайник на плите, а белое пламя свечей вспыхивало и танцевало, словно под неощутимыми порывами ветра.

Локк, содрогнувшись, забился, пытаясь высвободиться из опутывавших его уз; с губ сорвался громкий, мучительный стон; серебристые игольчатые узоры, покрывавшие руки, грудь и лицо, вспыхнули и засияли переливчатым, мерцающим светом.

Что-то зашипело, затрещало и щелкнуло хлыстом. Алхимические светильники разлетелись на куски, осколки рассыпались по каюте, едко запахло серой. Жан зажмурился, а маги отпрянули от стола. Под ногами хрустнуло стекло.

– Меня много раз отравить пытались, – ни с того ни с сего произнес Локк.

– Помогите, – напряженно прошептал Хладнокровие.

– Как? Что я должен сделать? – спросил Жан, сгибаясь под очередной волной накатившей тошноты.

– Да не вы...

Дверь распахнулась. Один из слуг, на ходу сбрасывая мокрую накидку, вбежал в каюту, приложил ладони к лопаткам Хладнокровия и уперся, широко расставив ноги, будто под напором какой-то незримой силы. По каюте метались сумрачные тени, трепетало пламя свеч. Жан, борясь с тошнотой, повалился на колени.

Воздух, переборки, половицы и все в каюте затряслось мелкой дрожью; дрожали даже Жановы кости, будто он всем телом припал к какому-то огромному заводному механизму, в

котором с невероятной скоростью вращались тысячи шестеренок. Жан закрыл глаза, но дрожь не унималась, а, наоборот, переросла в острую боль, словно бы в голове бился в поисках выхода обезумевший шершень, жаля и царапая без разбору все подряд. Жан страдальчески изогнулся и шумно блеванул; вместе с остатками последней трапезы на половицы хлынула кровь из носа. Жан грязно выругался, сглотнул кислую слюну и, хотя не мог подняться на ноги, с трудом запрокинул голову, стараясь не выпускать из виду картенских магов, колдовавших над Локком.

– Прими смерть, образ именованный. Ты – он... – хрипло воскликнула Терпение, – и не он!

Раздался громкий треск, будто под молотом хрястнули разбитые кости, и над тремя свечами вспыхнули огромные огненные шары, больше Жановых кулаков. Пламя померкло, стало темнее полуночи, на угольно-черные переливы было больно смотреть. Из глаз Жана брызнули слезы, и он невольно зажмурился. Черное пламя продолжало полыхать, заливая каюту жутким сиянием, грязно-серым, как вода в застоявшейся кладбищенской луже.

Корабль содрогнулся от бушприта до кормы. Картенский маг, стоявший за спиной Хладнокровия, внезапно отпрянул и повалился на пол; из носа заструилась кровь. В каюту вбежала женщина – та самая, с которой Жан говорил у штурвала. Она прикрыла рукой глаза, привалилась к переборке и торопливо зашептала какие-то заклинания на неизвестном Жану наречии.

«О боги, а кто ж кораблем управляет?» – рассеянно подумал Жан.

Мерзкое серое сияние пульсировало в такт с биением его сердца, словно в лихорадочном ознобе; воздух как будто сгустился от неимоверного жара.

– Прими смерть! Ты – он... – выдохнул Хладнокровие, – и не он! Смерть – твоя!

Что-то пронзительно взвизгнуло и длинно закрипело, будто гигантским гвоздем провели по грифельной доске, а стоны Локка перешли в крик – нет, в истошные, мучительные, длинные, непрекращающиеся вопли.

4

Боль для Локка была не внове, но, когда картенские маги прижали его к столу и обрушили на него всю мощь своего колдовства, он испытал такие муки, для которых не существовало слов.

Каюта стала взвихренной воронкой сияющих белых высверков и дрожащих, зыбких потоков вязкого воздуха. Слезы застили глаза, лица Терпения и Хладнокровия расплывались лужичками растопленного воска. Что-то с грохотом разбилось, череп пронзили тысячи раскаленных игл, перед глазами заколыхалось желтоватое марево. Внезапно серебристые завитки на груди налились жаром, и Локк, ахнув от неожиданности, не смог сдержать невольный стон, – казалось, под кожу насыпали толстый слой горячей золы.

Сцепив зубы, чтобы не выпустить рвущийся наружу крик, Локк подумал: «Ничего страшного, ножами меня уже протыкали. И шпагами тоже. В плечо. В запястье. В руку. И саблями рубили, и дубинками поколачивали, и кулаками молотили, и ногами пинали... и топили... почти утопили... А теперь отравили...»

Он перебирал в уме долгий список своих былых увечий, а в крошечном незамутненном уголке сознания неотвязно билась мысль, что нелепо и очень забавно вспоминать о прошлой боли ради того, чтобы справиться с болью настоящей.

– Меня много раз отравить пытались, – сказал он, всем телом содрогаясь от жаркой волны боли, смешанной с невероятным желанием расхохотаться.

После этого все вокруг слилось в невнятный шум и гомон: голоса картенских магов, крики Жана, какой-то вой, стук, стон, треск, грохот и скрежет. Локк изо всех сил старался не потерять самообладания, но получалось плохо. Страдание длилось бесконечно, а потом в

сознание прорвался чей-то голос – нет, не голос, а мысленные образы, созданные архидонной Терпение, которые Локк распознал каким-то глубинным чутьем.

– Ты – он... и не он!

Под кожей, зудящей от бесчисленных укусов грезостальных игл, что-то шевельнулось; живот скрутило, под ложечкой засосало. Воздух словно бы покорежился, белое пламя свечей почернело. Неведомая сила, развернувшись змеиными кольцами, скользнула вверх, под ребра, сжала легкие, сдавила отчаянно колотящееся сердце.

Локк попытался выругаться, но язык не слушался, а губы не шевелились. Внутри что-то бушевало и билось, разливалось пенной волной кипящей смолы, обжигая каждую клеточку измученного тела, от паха до кончика носа, словно бы Локка захлестнул поток раскаленной лавы.

«О боги, как больно... как больно... перестаньте... остановитесь... умоляю...»

Боль путала мысли, подменяла слова отчаянным, звериным воем, беззвучным, безостановочным воплем.

– Ты – он... и не он! – слабо прошелестело эхо над громадным огненным валом, поглотившим Локка целиком.

Кто это произнес? Хладнокровие? Терпение? Да не все ли равно... Руки и ноги Локка онемели, исчезли в безумном вихре ощущений, главным из которых была мучительная, непрекращающаяся, жгучая боль в самой середине его естества. Картенские маги и все остальное словно бы растворились в тумане, твердые доски стола ушли в небытие, слепящая тьма обволокла его как сон. Веки обессиленно опустились, благословенное леденящее оцепенение медленно расплывалось по груди, животу и по всему измученному, истрадававшемуся телу, гася полыхавшее в нем адское пламя.

«Наверное, это конец... О боги, я не хочу умирать... но пусть это будет конец, новой боли я не вытерплю...»

Все вокруг смолкло, но во внезапно наступившей тишине все еще звучали какие-то робкие шорохи – еле слышное биение сердца, сухой шелест вдоха. Если бы он умер, то никаких звуков не было бы. Грудь что-то сдавило – над самым сердцем лежала чья-то рука. Холодная. С неимоверным усилием Локк разжал веки, чуть приоткрыл глаза.

Над ним склонился Клоп, приложив к груди холодную как лед ладонь. На мертвом лице темнели черные лужицы глаз.

– Боль никогда не кончается, – сказал Клоп. – Всегда больно. Всегда.

Локк раскрыл рот. Вместо крика с губ сорвалось тихое шипение. Он попытался шевельнуться, но руки и ноги налились неподъемной тяжестью свинца. Тело отказывалось повиноваться, он даже головы не мог повернуть.

«Так не бывает... Он не настоящий...» – ошеломленно подумал Локк, не в силах вымолвить ни слова.

– А что настоящее? – Бледная, посеревшая кожа Клопа собралась складками, будто плоть под ней растворилась изнутри; некогда кудрявые волосы безжизненными патлами прикрывали лоб над мертвыми черными глазами; в горле торчала арбалетная стрела, покрытая запекшейся кровью.

В каюте было темно. Клоп каким-то образом сидел рядом с Локком, но тот ощущал только вес ледяной ладони над самым сердцем.

«На самом деле тебя здесь нет...»

– Мы оба здесь. – Клоп раздраженно дернул древко арбалетной стрелы, будто поправлял тугой шейный платок. – А знаешь почему? Когда умираешь, все твои грехи выцарапывают в глазах. Вот, посмотри...

Локк, непроизвольно заглянув в жуткие глазницы, с ужасом увидел, что глаза Клопа черны от бесчисленных строчек, слившихся в мглистую муть.

– Поэтому я и не могу отсюда выбраться, – негромко произнес Клоп. – Не вижу, куда идти...

«Тебе было двенадцать лет... когда ты успел столько нагрешить...»

– Грешил делом... и грешил словом... принял грехи моих наставников... и моих друзей...

Холодная тяжесть сдавила сердце Локка.

«Неправда, я лучше знаю, я же посвященный служитель Многохитрого Стража...»

– Ну и как тебе служится? – Клоп провел рукой по окровавленной шее, перемазав кончики бледных пальцев бурой пылью. – По-моему, так и вовсе хреново. Никакого толку от этого служения нет. Ни мне, ни тебе.

«Нет, так быть не должно, я знаю! Я посвященный служитель Безымянного Тринадцатого бога, мне ведомо...»

– А мне ведомо, каково доверять людям, которые даже своего истинного имени друзьям не называют...

Холодная рука сжала сердце.

«Я сплю... Это сон... Мне снится...»

– Спишь. Или умираешь. А может быть, это одно и то же. – Губы Клопа сложились в едва заметную улыбку – так улыбаются тем, кто попал в беду. – Ну, ты решение принял. Теперь поглядим, кто из нас прав.

«Погоди... Не...»

Грудь Локка содрогнулась от новой боли, волнами раскатившейся от сердца по всему телу – на этот раз не обжигающей, а холодной, как сама смерть. Ледяные тиски, сомкнувшись, сдавили невыносимой тяжестью, затем накатила темнота, и сознание Локка, как корабль, разбившийся о скалы, погрузилось в непроглядный мрак.

Интерлюдия Сиротская луна

1

Его наконец-то высвободили из мрака; целый час он беспомощно провел в душной мгле, но теперь прохладный воздух оведал раскрасневшиеся щеки.

На место совершения обряда его притащили без особых церемоний, взвалив на плечо – благо весил он немного, – но бесчисленные лестницы и узкие извилистые туннели особого удовольствия не доставляли. По дороге, изо всех сил стараясь не сопеть под надетым на голову колючим мешком, он напряженно вслушивался в шепотки и кряхтение взрослых.

Наконец мешок сняли. Локк подслеповато заморгал, очутившись под высокими округлыми сводами сумрачного зала, слабо освещенного бледным сиянием алхимических шаров в настенных светильниках, и торопливо окинул взглядом каменные стены, колонны и облупившиеся от старости фрески. Откуда-то доносилось журчание воды, – впрочем, в каморрских подземельях это не редкость. Зато ясно было, что помещение построили люди, Древнего стекла здесь не было и в помине.

Локка уложили навзничь на каменный постамент посреди огромного зала. Ни руки, ни ноги связаны не были, но двинуться не позволял нож, приставленный к Локкову горлу неким коленопреклоненным типом. Судя по тому, как лезвие впивалось в кожу, нож был очень острым.

– Отныне и во веки веков, до тех пор, пока душа твоя не ляжет на священные весы богов, ты связан нерушимой клятвой и незыблемым обетом хранить молчание о том, что произойдет этой ночью, – провозгласил человек с ножом.

– Я связан нерушимой клятвой и незыблемым обетом, – повторил Локк.

– Кто приносит нерушимую клятву и незыблемый обет?

– Я приношу нерушимую клятву и незыблемый обет, – ответил Локк.

– Клятвопреступник приговаривается к смерти.

– Если я преступлю нерушимую клятву и незыблемый обет, то понесу заслуженную кару.

– Кто вынесет тебе приговор?

– Я сам вынесу себе приговор. – Правой ладонью Локк накрыл руку, держащую нож.

Незнакомец высвободил руку, оставив приставленный к горлу нож в пальцах Локка, и торжественно произнес:

– Вставай, младший брат.

Локк послушно встал с невысокого постамента и вернул нож длинноволосому мускулистому гарристе, имени которого не знал, – мир, которым правил капа Барсави, был велик, и подданных в нем было не счесть.

– Зачем ты здесь? – спросил гарриста.

– Быть воров среди воров, – ответил Локк.

– Тогда запомни наше приветствие, – сказал гарриста, выставив вперед левую руку с чуть раздвинутыми пальцами.

Локк повторил его жест, приложив свою левую ладонь к руке гарристы.

– Обнаженная левая ладонь прижата к обнаженной левой ладони в знак того, что ты встречаешь своих братьев и сестер без оружия, что не гнушаешься их прикосновения и что не ставишь себя превыше их самих. Ступай и жди.

Локк отвесил церемонный поклон и отошел в тень колонны. Огромный зал с легкостью вмещал несколько сот человек, но сейчас в нем находилась лишь небольшая группа людей. Судя по всему, Локк стал одним из первых, принявших тайную клятву, и сейчас его распирало от восторга. Церемония шла своим чередом: в зал по одному вносили мальчишек и девчонок с мешками на головах, и ритуал раз за разом повторялся. К Локку один за другим присоединились Жан, Кало и Галдо, серьезные и на удивление молчаливые, словно бы даже напуганные важностью происходящего. В общем, Локк и сам это осознавал.

Вот мешок сорвали с головы Сабеты; по ее плечам рассыпались крашенные русые кудри, нож коснулся ее горла, и Локк невольно закусил губу. Сабета произнесла традиционные формулы тайной клятвы мелодичным, чуть хрипловатым голосом, а потом невозмутимо направилась к Благородным Канальям, искоса поглядев на Локка. Он затаил дыхание, надеясь, что она займет место рядом с ним, но тут Кало и Галдо расступились, и она встала между ними. Локк снова закусил губу.

В зал то и дело вносили все новых и новых подростков, нож раз за разом мерно подносили к шеям. Среди новичков обнаружилось много давних знакомцев Благородных Каналей.

Был там и Тессо Воланти с гривой черных намасленных кудрей, вожак шайки Полукрон, – он проникся глубоким уважением к Локку и Благородным Канальям после того, как Жан задал Полукронам хорошую взбучку; а вот Брюхан Сауль и Пузан Сауль из шайки Мясников Лжесвета; вот Сученыш Доминальдо; вот Амелия Скорохватка, которая ухитрилась наворовать столько, что смогла оплатить свое обучение у Гильдейских лилий; вот мальчишки и девчонки, которых Локк помнил еще по Сумеречному холму. Последней в череде посвященных оказалась Наска Белонна Дженебеза Ангелиза Барсави, единственная дочь и самый младший отпрыск единоличного правителя преступного мира Каморра.

Принеся тайную клятву, Наска вытащила из кожаного кошелька очки и нацепила их на нос. Разумеется, никому и в голову не пришло над этим смеяться, но Локк подозревал, что шутникам не поздоровилось бы, даже если бы она и не была дочерью капы.

Ее старшие братья, Пакеро и Аньяис, стояли поодаль, среди взрослых воров, а сама Наска, как положено, направилась к новичкам и, улыбнувшись Локку, легонько спихнула его с места у колонны.

– Привет, Ламора, – прошептала она. – Рядом с хлипким недомерком я выгляжу настоящей красавицей.

Про себя Локк подумал, что она и так настоящая красавица, – в последнее время и Наска, и Сабета неожиданно повзрослели, обретя воистину женское очарование. По какой-то непонятной причине Наска отдавала Благородным Канальям явное предпочтение; Локк подозревал, что это как-то связано с «небольшими услугами», которые отец Цеппи некогда оказал Барсави. Наске наверняка было что-то известно, хотя она об этом и не упоминала.

– О, и тебя к нам на галерку отправили?! – Сабета подтолкнула Жана и протиснулась поближе к Наске, оказавшись за спиной Локка.

У Локка захолонуло сердце.

– Сегодня все равны, – ответила Наска. – Воры среди воров.

– Женщины среди сопляков, – выразительно вздохнула Сабета.

– Жемчужины среди свиней, – добавила Наска, и обе захихикали.

Локк мучительно покраснел.

Стояла ранняя зима семьдесят седьмого года Азы Гийи. Ночь Сиротской луны случалась в маринеле, месяце пустынного неба, когда по древнему теринскому обычаю Локк, как и все сироты, не знавшие дня своего рождения, становились на год старше.

В эту ночь, раз в году, в древних темных подземельях славного города Каморра юных воришек посвящали в тайные обряды Многохитрого Стража, Отца уловов и плутней, Безымянного Тринадцатого бога.

Этой ночью Локку Ламоре, по предположению отца Цеппи, исполнилось тринадцать лет.

2

Прежде всего надо было раздобыть подходящее жертвенное приношение. С этого и начался день.

– Давай уроним торт вон на того типа, – предложил Жан.

В полдень они с Локком укрылись в переулке, за углом одного из особняков на улице Пяти святых в Фонтанном квартале, где обитали люди респектабельные и зажиточные.

– Ага, он вроде подходящий, – кивнул Локк, беря в руки хлипкий фанерный ящик в два с половиной фута шириной, аккуратно упакованный в роскошную веленевую бумагу. – Ты откуда зайдешь?

– Справа.

– Ну тогда пошли знакомиться.

Они устремились в разные стороны: Жан – на восток, вдоль улицы, а Локк побежал к западному концу переулочка, откуда ему предстояло проделать путь на север по Лавровой улице, параллельно улице Пяти святых, и, заложив крюк, перехватить жертву.

Благополучие обитателей Фонтанного квартала подтверждалось и огромным числом слуг на улицах, и видом желтокурточников, неторопливо обходящих дозором ухоженные парки и широкие проспекты. Назначение в подобный квартал требовало немалых связей и считалось огромной удачей, поэтому стражники прилагали неимоверные усилия, дабы выглядеть достойно и внушать должное уважение окружающим; они щеголяли новехонькими, с иголки, мундирами и до блеска начищенными сапогами, а все их снаряжение сверкало и лоснилось от смазки.

Каморр славится мягким, приятным климатом, и каморрские зимы не исключение, – разумеется, если небо не притворяется дряхлым старцем, утратившим контроль над мочевым пузырем. Теплые лучи солнца и ласковый ветерок позволяли ненадолго забыть о том, что горожане время от времени истекают потом от невыносимого зноя или задыхаются от всепроникающей вони каналов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.